Графъ М. В. Толстой.

ХРАНИЛИЩЕ
МОЕЙ ПАМЯТИ.

1930

КНИЖКА ВТОРАЯ.

БЛИОТЕКА
ГРАДЬНОГО
РЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1893.

6ДК
188
3

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Октября 29 дня 1893 года.

Цензоръ *Свящ. Іоаннъ Петропавловскій.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
159
54

ХРАНИЛИЩЕ МОЕЙ ПАМЯТИ.

ТОЛСТАЯ,

графиня Елисавета Петровна,

рожденная княжна Волконская, моя жена. Вспоминаю самое счастливое время въ моей жизни. Давно уже тяготила меня одинокая жизнь въ суетѣ большаго свѣта; заботы по службѣ, большею частью мелочныя, не удовлетворяли меня. Я чувствовалъ какую-то пустоту въ сердцѣ, чувствовалъ потребность въ любви и тихой семейной жизни. Больная мать моя, съ своей стороны сознавала, что мнѣ давно пора вступить въ бракъ и постоянно требовала, чтобы я женился. Это общее наше желаніе едва не сбылось въ 1845 году: я былъ помолвленъ на одной очень привлекательной молодой дѣвицѣ изъ знатнаго и богатаго семейства М—хъ. Помолвка не была еще объявлена по случаю тяжкой болѣзни одной близкой родственницы невѣсты, какъ вдругъ сама невѣста простудилась и опасно занемогла. Ее увезли лѣчить за границу, и она скончалась въ Сициліи отъ чахотки. Смерть любимой особы отвлекла меня на нѣсколько лѣтъ отъ мысли о женитьбѣ.

Весною 1850 года наступило время, назначенное Промысломъ Божіимъ для моего счастія. Та же Ек. Богд. Маслова, которая была всегда искренно дружна съ моею матерью, и доказала ей и мнѣ эту дружбу дѣятельнымъ участіемъ во время тяжкой болѣзни моей въ 1841 г., указала мнѣ искать въ семействѣ Волконскихъ. И — странное дѣло! У меня не

было предчувствія ожидавшей меня счастливой участи: я поѣхалъ знакомиться почти неохотно, почти только для угожденія неотступнымъ требованіямъ моей матери.

Княгиня А. П. Волконская (см. это слово), рожденная Новикова, вдова, жила въ собственномъ домѣ, въ Старой Конюшенной, противъ дома Масловыхъ. При ней были двѣ дочери-невѣсты, княжна Елисавета (род. 25 декабря 1823 г.) и княжна Варвара (род. 25 мая 1825 года). Старшая дочь Александра Петровна, была уже замужемъ; въ это время она ѣздила съ мужемъ своимъ, отставнымъ ротмистромъ Александр. Конст. Грязевымъ, къ отцу его въ Ярославскую губернію. Четыре сына княгини служили въ гвардіи.

Къ сожалѣнію, я не засталъ въ живыхъ отца моей невѣсты, кн. Петра Сергѣевича. Но по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ искренно-благочестивый, строгій въ правилахъ нравственности, въ высшей степени благородный, добрый и благоразумный отецъ семейства. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; крѣпостные люди, крестьяне и дворовые любили его, какъ роднаго отца, что особенно обнаружилось при его кончинѣ. Съ прекрасными свойствами души онъ соединялъ и красивую наружность: высокій ростомъ, стройный, съ черными глазами и волосами, онъ былъ красавцемъ въ молодости. Но тяжкая, многолѣтняя болѣзнь сгорбила и состарила его преждевременно. Онъ скончался въ селѣ Липицахъ 5 октября 1847 года и погребенъ, подлѣ могилы родителей, въ палаткѣ, примыкающей къ Никольской церкви.

Первый визитъ мой въ домъ княгини былъ 24 мая 1850 г.; я былъ принятъ вѣжливо и внимательно. Старшая изъ двухъ княженъ заговорила со мной и вела разговоръ почти одна; младшая постоянно молчала. Это заставило меня обратить особенное вниманіе на первую. Княжна Лиза не была красавицей; но, при небольшомъ ростѣ, она была сложена съ необыкновенною пропорціональностью. Всегда оживленный, веселый взглядъ, очаровательная улыбка, прелестныя, маленькія бѣлыя ручки и живая, умная рѣчь невольно привлекали

къ ней всякаго. Разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ; позднѣе она призналась, что хотѣла проэкзаменовать меня, умѣю ли я говорить по-французски.

Послѣ перваго визита я сталъ ѣздить часто въ домъ княгини. Въ княжнѣ Лизѣ открылось новое для меня очарованіе: у нея былъ сильный, обработанный голосъ—сопрано, и она прелестно пѣла русскіе и французскіе романсы.

Хотя я не былъ влюбленъ въ княжну Лизу, но она нравилась мнѣ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе: 17 іюня я сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе, а 27 послѣдовало благословеніе жениха и невѣсты у моей матери, которая по болѣзни не могла выѣзжать. Въ это время мой домъ на Средней Преснѣ штукатурился и отдѣлывался, а мать моя жила вмѣстѣ со мною въ наемной квартирѣ на той же улицѣ.

При помолвкѣ я подарилъ невѣстѣ брилліантовую нитку, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Прадѣдъ мой по матери, князь Сергій Никитичъ Долгоруковъ, давалъ дочерямъ своимъ, при выдачѣ ихъ въ замужство Турецкія шали, цѣною по 1000 рублей каждая. Три дочери его получили такія шали (тогда звали ихъ «кашемирами»), а четвертая, родная бабка моя, Александра Сергѣевна Сумарокова, пожелала имѣть брилліанты, а потому отецъ ея далъ ей эту самую нитку, или, какъ сказано въ родной записи, «калье» (collier, ожерелье), оцѣненное въ 1000 «рублёвъ». Теперь оно цѣнится ювелирами въ 2400 рублей, а отъ «кашемировъ», принадлежащихъ сестрамъ моей бабки, конечно не сохранилось ни малѣйшаго лоскутка.

Въ половинѣ іюля невѣста моя съ матерью и сестрою отправилась въ родовое имѣніе Волконскихъ, село Липицы, Калужской губерніи, Мещевскаго уѣзда. Между нами продолжалась во все время разлуки частая переписка. Первое письмо я началъ стихами, которые доказываютъ, что я никогда не имѣлъ способности къ стихотворству.

Въ этихъ стихахъ я упомянулъ о «доблестномъ предкѣ» моей невѣсты. Это былъ князь Михаилъ Константиновичъ, по прозванію Хромой, который прославился защитою Паф-

нутьева Боровскаго монастыря отъ Поляковъ въ 1611 году. Когда младшіе воеводы-измѣнники тайно впустили непріятелей въ монастырь, онъ сталъ въ дверяхъ церкви и дрался одинъ съ врагами, сначала при входѣ, а потомъ въ самомъ храмѣ. Его убили и бросили въ раку преподобнаго Пафнутія. Въ память этого доблестнаго подвига, императрица Екатерина II пожаловала городу Боровску гербъ: червленое сердце въ золотомъ полѣ, окруженномъ лавровымъ вѣнкомъ. Братъ князя Михаила, князь Григорій Константиновичъ, былъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ дипломатовъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Родной прадѣдъ моей невѣсты, князь Петръ Васильевичъ, былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Семеновнѣ Козловской, родственницѣ императрицы Анны Іоанновны, у матери которой, царицы Прасковьи Ѳеодоровны, рожденной Салтыковой, была родная сестра, Татьяна Ѳеодоровна, въ супружествѣ съ княземъ Алексѣемъ Семеновичемъ Козловскимъ. Упомянутая выше княгиня Александра Семеновна, была родною ему внукою и воспитывалась у бабушки своей Татьяны Ѳеодоровны, которая, овдовѣвъ, постриглась съ именемъ Тавиѳы въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ княжна Анна Григорьевна Волконская, въ иночествѣ Агнія, была въ то время игуменьей. Императрица Анна очень уважала «тетку Тавиѳу», но терпѣть не могла сына ея, а своего двоюроднаго брата князя Семена, который, по смерти матери, поспѣшилъ удалиться въ деревню, чтобы не казаться на глаза державной родственницѣ. Дочь его, княгиня Александра Семеновна Волконская, скончалась въ молодости, а мужъ ея, князь Петръ Васильевичъ, (родной племянникъ игуменьи Агніи) дожилъ до глубокой старости; онъ скончался въ Смоленской деревнѣ, но погребенъ въ селѣ Липицахъ, въ устроенной имъ Николаевской церкви, подъ колокольнею. На могилѣ его находится очень нескладная надпись въ стихахъ. Сынъ его, князь Сергій Петровичъ, женатый на Марьѣ Петрознѣ Рагозиной, былъ такъ же не долговѣченъ, какъ и мать его. Такъ какъ потомки князя Василія Григорьевича въ нѣсколькихъ поко-

лѣніяхъ сряду имѣли по одному сыну, то въ настоящее время они не состоятъ въ родствѣ ни съ одною изъ остальныхъ вѣтвей дома князей Волконскихъ.

Въ началѣ августа я поѣхалъ для свиданія съ невѣстою въ Липицы и, проѣзжая чрезъ Калугу, заѣхалъ къ родной теткѣ моей, Марьѣ Степановнѣ Толстой. Она давно уже была вдовою; старшая дочь ея Варвара Васильевна, по первому мужу Воейкова, была уже вторично въ супружествѣ съ г. Владимірскимъ; вторая, Саша, бывшая замужемъ за Сомовымъ, уже скончалась въ полномъ блескѣ молодости и красоты; третья, Екатерина Васильевна Бове, жила съ мужемъ въ Москвѣ. При теткѣ, видимо уже старѣющейся, была одна только меньшая дочь Маша, молодая дѣвушка, красивая, умная и бойкая. Чрезъ нѣсколько лѣтъ скончалась и она, а старушка окончила жизнь въ полномъ одиночествѣ.

Въ Калугѣ ожидали меня лошади, присланныя отъ Волконскихъ; я прибылъ въ Липицы 6 августа во время обѣдни, за которою княгиня и дочери ея причащались Св. Таинъ. Здѣсь провелъ я три недѣли, навсегда сохранившіяся въ моей памяти Время текло незамѣтно между прогулками, прелестнымъ пѣніемъ моей невѣсты, пріемомъ гостей и разъѣздами по сосѣдямъ.

Въ первый же день моего пріѣзда я познакомился съ ближайшимъ по дружбѣ и сосѣдству семействомъ Сорокиныхъ. Отставной полковникъ Степанъ Никифоровичъ Сорокинъ, храбрый ветеранъ отечественной войны, отличный помѣщикъ и весьма правдивый человѣкъ, съ первой встрѣчи привлекалъ къ себѣ уваженіе, такъ же какъ почтенная и достойная супруга его Екатерина Яковлевна, рожденная Козловская, и милыя ихъ дочери, съ самаго дѣтства искреннія подруги моей невѣсты и сестеръ ея. Владѣя небольшою деревнею, полученною въ приданое за женой, Степанъ Никифоровичъ умѣлъ, при образцовомъ хозяйствѣ, жить не хуже другихъ, болѣе богатыхъ помѣщиковъ. Любимый разговоръ его былъ о походахъ и битвамъ 1812 и послѣдующихъ годовъ; онъ

вспоминалъ съ восторгомъ о подвигахъ Кутузова, Багратіона и другихъ военачальниковъ этой достопамятной эпохи.

Чрезъ нѣсколько дней я былъ представленъ двумъ роднымъ теткамъ моей невѣсты, пожилымъ дѣвицамъ, княжнамъ Анастасіи Сергѣевнѣ и Еленѣ Сергѣевнѣ Волконскимъ, жившимъ постоянно въ селѣ своемъ Изъяловѣ, верстахъ въ 15 отъ Липицъ. При нихъ жилъ и занимался хозяйствомъ племянникъ, сынъ родной сестры ихъ Александры Сергѣевны, Петръ Алексѣевичъ Яновъ и сестра его, очень милая дѣвица, Анна Алексѣевна. Мы, т.-е. княгиня съ дочерьми и я, гостили въ Изъяловѣ нѣсколько дней. Тамъ я вполнѣ ознакомился съ симпатичными личностями обѣихъ тетушекъ; старшая изъ нихъ, княжна Анастасія, съ перваго взгляда казалась важною и строгою; младшая, княжна Елена, отличалась веселымъ нравомъ и добродушіемъ. Но обѣ онѣ были такъ-сказать, воплощенною добротою и отличались неограниченною привязанностію къ роднымъ племянникамъ и племянницамъ.

Въ концѣ августа я возвратился въ Москву; вслѣдъ за мною, въ сентябрѣ, возвратились Волконскіе; но свадьбу пришлось отложить еще на нѣсколько времени, потому что отдѣлка моего дома не была еще окончена. Мать моя хотѣла нанять себѣ квартиру, чтобы очистить весь домъ для повобрачныхъ, но мнѣ удалось уговорить ее переселиться въ антресоли, гдѣ было пять комнатъ, повидимому, очень удобныхъ.

За нѣсколько дней до свадьбы, я поѣхалъ къ приснопамятному митрополиту Филарету, чтобы испросить у него благословенія. Когда я разсказалъ ему о причинѣ моего пріѣзда, владыка спросилъ: «развѣ есть какое препятствіе или родство?« Я отвѣчалъ, что ни того ни другаго нѣтъ, но что я прошу архипастырскаго благословенія, видя въ немъ залогъ благословенія Божія. «Въ такомъ случаѣ потрудитесь пріѣхать завтра утромъ.» Въ назначенное время я явился и засталъ митрополита больнымъ. Онъ принялъ меня въ спальнѣ и благословилъ иконою Спасителя. «Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе по вѣрѣ вашей,» сказалъ онъ мнѣ.

«Когда бракъ вашъ совершится, прошу познакомить меня съ вашею супругой.»

Наконецъ наступилъ давно и нетерпѣливо ожидаемый мною день. Бракъ нашъ совершился 23 октября, въ понедѣльникъ, вечеромъ, въ церкви св. Іоанна Предтечи, что за Прѣснею. Посаженымъ отцемъ моимъ былъ дядя, графъ Петръ Степановичъ, а посаженою матерью — моя почтенная и благодѣтельная начальница, Ольга Николаевна Талызина. Два двоюродныхъ брата, графъ Василій Толстой, сынъ дяди, и Николай Сумароковъ, были у меня шаферами.

Каждое время имѣетъ свои обычаи. Въ мое время свадьбы отправлялись преимущественно въ вечернее время и оканчивались ужиномъ для всѣхъ гостей. Такова была и наша свадьба. Нѣсколько позднѣе ограничили угощеніе однимъ шампанскимъ, шоколадомъ и десертомъ; ужина уже не было, и гостямъ случалось при выходѣ наслаждаться однимъ только запахомъ жаркого и другихъ кушаньевъ, приготовленныхъ для новобрачныхъ. Теперь появился опять новый обычай: свадьбы вѣнчаются поутру; затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, послѣ котораго молодые спѣшатъ уѣхать по желѣзной дорогѣ за границу или въ деревню, чтобы провести тамъ такъ-называемый «медовый мѣсяцъ.»

Нынѣшній обычай имѣетъ то преимущество передъ прежними, что избавляетъ молодую чету отъ скучнѣйшей обязанности дѣлать визиты всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Намъ пришлось испытать всю тоску этой истинно-китайской церемоніи. Почти двѣ недѣли мы проводили каждое утро въ разъѣздахъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы я привезъ молодую жену мою къ митрополиту Филарету. Онъ принялъ насъ очень внимательно и черезъ нѣсколько дней удостоилъ посѣтить насъ.

Зима 1850—51 года была богата балами и другими увеселеніями. Особенно замѣтны были три бала: одинъ — у М. А. Столыпиной, другой—у графини Н. А. Орловой-Денисовой, третій—у генералъ-губернатора графа Закревскаго. Второй изъ этихъ баловъ, костюмированный, остался памят-

нымъ по великолѣпнымъ нарядамъ двухъ кадрилей. Одна изъ нихъ представляла шествіе Англійской королевы Елизаветы съ ея дворомъ; королева (сама хозяйка) шла подъ руку съ графомъ Лейчестеромъ (князь Владиміръ Четвертинскій); за ними слѣдовали дамы, кавалеры и пажи. Другая кадриль была еще замѣчательнѣе; въ ней олицетворялись всѣ области и города Россіи, составляющіе полный Императорскій титулъ. Впереди всѣхъ выступалъ сѣдовласый старецъ Кіевъ, съ длинною бѣлою бородой, въ пышномъ княжескомъ нарядѣ, ведя подъ руку молодую женщину въ сарафанѣ изъ серебристой ткани, осыпанномъ драгоцѣнными камнями. Во второй парѣ шелъ бояринъ, но менѣе старый (графъ Растопчинъ); онъ изображалъ собою Москву. Казанская пара была наряжена въ татарскомъ вкусѣ. Сибирскіе дикари разныхъ племенъ шли подъ начальствомъ Ермака, котораго представлялъ Дашковъ, колоссальнаго роста, покрытый съ головы до ногъ стальными доспѣхами. Самая изящная пара (князь Серг. Александр. Оболенскій съ красавицей княгиней Н. Б. Шаховской) представляла собою Польшу. Въ продолженіе бала они вдвоемъ превосходно танцовали краковякъ и мазурку; множества остальныхъ паръ не могу теперь припомнить. Молодая жена моя была въ венгерскомъ костюмѣ изъ розоваго атласа, опушенномъ лебяжьимъ пухомъ. Въ видѣ застежекъ на жупанѣ были фермуары изъ брилліантовъ съ изумрудами; на головѣ—уланскій киверъ съ брилліантовою ниткой, о которой упоминалъ я прежде.

Обѣ костюмированныя кадрили были повторены позднѣе въ залѣ Благороднаго Собранія, въ присутствіи императора Николая Павловича. На этотъ разъ были прибавлены мальчики въ русскихъ костюмахъ; каждый изъ нихъ несъ гербъ какой-либо области или города на длинномъ древкѣ, предшествуя парѣ, соотвѣтствующей этому гербу. Всѣхъ этихъ мальчиковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ московскихъ фамилій, государь пожаловалъ пажами.

Въ эту же зиму очень удачна была томбола въ пользу школъ Московскаго Благотворительнаго Общества. Однимъ изъ столовъ, назначенныхъ для аллегри, завѣдывала жена моя съ такимъ успѣхомъ, что билеты почти всѣ были разобраны. Одинъ Армянинъ такъ заглядѣлся на нее, что взялъ сряду до 50 билетовъ.

Я опасался, что блестящія увеселенія этой зимы вскружатъ голову молодой женщинѣ и надолго увлекутъ ее въ вихрь суеты большаго свѣта, до тѣхъ поръ мало ей знакомаго. Вышло совсѣмъ напротивъ: жена моя совсѣмъ разлюбила свѣтскія удовольствія и съ того времени уже не появлялась въ свѣтѣ, посвятивъ себя тихой семейной жизни, въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ.

Считаю особенною милостію Божіею то обстоятельство, что я женился не въ ранней молодости, а въ зрѣломъ возрастѣ; женился не по влеченію страсти, а по разсудку, по уваженію къ нравственнымъ свойствамъ невѣсты. Господь наградилъ меня семейнымъ счастьемъ, доброю и умною женой съ твердыми христіанскими убѣжденіями. Но еще прежде нежели я могъ хорошо узнать жену мою, опытъ научилъ меня, что милость Божія всегда готова на помощь съ вѣрою призывающимъ Отца небеснаго. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы (весною 1851 года) моя молодая жена заболѣла: у нея каждый вечеръ, въ одни и тѣ же часы, стала появляться сильная нервная боль въ лицѣ (медики зовутъ эту болѣзнь «тикомъ»). Лучшіе врачи лѣчили больную, но болѣзнь не проходила; однажды припадокъ боли продолжался долѣе обыкновеннаго, и мы оба заснули поздно. Къ утру я вижу во снѣ, будто молюсь въ Успенскомъ соборѣ, предъ чудотворною Владимірскою иконой Божіей Матери, слышу молебное пѣніе и получаю просфору. Проснувшись, я поспѣшилъ въ соборъ, попросилъ отпѣть молебенъ, помолился, сколько умѣлъ, и такъ же, какъ во снѣ, получилъ просфору отъ священника. Наступилъ вечеръ, но боли въ лицѣ у жены моей не было, и съ того времени болѣзнь не появлялась. Вскорѣ потомъ бывшая больная ходила пѣшкомъ, вмѣ-

стѣ съ мной и младшею сестрой своей, на богомолье въ лавру преподобнаго Сергія, попала подъ дождь, измокла, но осталась здоровою.

Въ февралѣ 1852 года, Лиза въ первый разъ разрѣшилась отъ бремени дѣвочкой, которой дано имя Александры, въ честь моей тещи. Едва успѣли окрестить ее, причемъ воспріемниками были—больная мать моя (жившая уже на отдѣльной квартирѣ) и братъ князь Д. П Волконскій. Наша дочка прожила только три дня. Родильница горько плакала, воображая, что у нея не будетъ больше дѣтей; всѣ мои убѣжденія оставались безсильными противъ безутѣшной горести молодой матери. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Между тѣмъ я три дня сряду видѣлъ во снѣ, что мать жены моей благословляетъ насъ иконою, говоря: «Богъ милостивъ, будутъ у васъ дѣти, и будутъ живы и здоровы.» Только на третій разъ я могъ ясно разсмотрѣть во снѣ икону, довольно сложнаго начертанія. Тотчасъ же я нарисовалъ ее на бумагѣ, заказалъ написать на доскѣ иконописцу и попросилъ тещу благословить насъ этою иконой. Сонъ мой и благословеніе матери утѣшили жену мою. Послѣ того дѣйствительно Богъ благословилъ насъ дѣтьми.

Вотъ описаніе иконы въ томъ самомъ видѣ, какъ она мнѣ приснилась. Въ срединѣ на холмѣ возвышается распятіе; по обѣимъ сторонамъ распятаго Господа Іисуса Христа и подъ крестомъ представлены въ медальонахъ лики трехъ угодниковъ Божіихъ (имена двухъ первыхъ изъ нихъ даны нами впослѣдствіи старшему сыну и дочери, а изображенная подъ крестомъ св. мученица была соименна первой нашей малюткѣ). По верхнему краю иконы—надпись: «Благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима;» а по нижнему краю: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!»

Между тѣмъ я, замѣчая, что наши расходы при отдѣльномъ отъ матери хозяйствѣ, были несоразмѣрны съ доходами, рѣшился, по примѣру жены моей, отстать отъ большаго свѣта. Но для этого нужно было оставить службу при

Московскомъ Благотворительномъ Обществѣ, потому что, по должности правителя дѣлъ, я долженъ былъ находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ попечительницами школъ и, слѣдовательно, держаться съ женою въ томъ же кругу московской аристократіи. Чтобы не разстраивать своего состоянія и что-нибудь приберечь для будущихъ дѣтей, я въ августѣ вышелъ въ отставку изъ Общества, предоставивъ свое мѣсто помощнику моему, А. К. Нарышкину, женатому на старшей дочери нашей почтенной предсѣдательницы. Служба при Обществѣ Сельскаго Хозяйства менѣе стѣсняла меня въ финансовомъ отношеніи; я сохранилъ ее еще на нѣсколько лѣтъ.

Вскорѣ потомъ наступила вторая беременность жены моей: 2 іюня 1853 г. мы были утѣшены рожденіемъ сына. Всегда помня, что лучшіе годы моей жизни протекли подъ кровомъ преп. Сергія и считая сего великаго заступника земли Русской лично моимъ покровителемъ, я далъ его имя новорожденному. Мнѣ хотѣлось, чтобы всѣ зависящіе отъ насъ люди приняли участіе въ нашей семейной радости: во всѣхъ нашихъ имѣніяхъ были отслужены благодарственныя молебствія, крестьяне угощены обѣдомъ съ виномъ и пивомъ, дворовые люди получили денежное награжденіе. Эти празднества стоили намъ около 500 руб. асс.

Когда младенцу минуло шесть недѣль, я повезъ его въ Лавру. Во время служенія молебна преп. Сергію, я приложилъ своего Сережу къ св. мощамъ его и затѣмъ опустилъ младенца въ раку. Монахи, понятно, вознегодовали, требовали, чтобы я вынулъ младенца изъ раки; но я нарочно поспорилъ съ ними нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ младенецъ мой пробылъ какъ бы въ объятіяхъ небеснаго своего заступника. Въ это время митрополитъ Филаретъ жилъ въ своемъ Геѳсиманскомъ скиту; онъ благословилъ моего малютку иконою преп. Сергія.

Во время родовъ жены моей я сильно боялся за нее, молился предъ стоявшимъ въ моемъ кабинетѣ образомъ, точнымъ спискомъ съ чудотворной Ѳеодоровской иконы Божіей

матери и далъ обѣщаніе съѣздить въ Кострому для поклоненія сказанной иконѣ. Въ великій постъ 1854 г. я исполнилъ это обѣщаніе, былъ въ Костромѣ и прогостилъ нѣсколько дней въ селѣ Красномъ у двоюроднаго моего брата Сергѣя Петровича Сумарокова. Онъ былъ уже женатъ на дочери генерала Мягкова, Екатеринѣ Васильевнѣ.

Въ слѣдующее лѣто (23 іюля 1854 года) родился у насъ второй сынъ, названный, въ честь покойнаго отца жены моей, Петромъ. Въ это время гвардія была въ походѣ, и ни одного изъ братьевъ жены моей не было въ Москвѣ, а потому воспріемникомъ былъ С. А. Масловъ, а воспріемницей всѣхъ дѣтей нашихъ была бабушка ихъ, княгиня Александра Петровна. На крестинахъ Пети я видѣлъ въ послѣдній разъ моего незабвеннаго наставника Ѳ. А. Голубинскаго; онъ благословилъ новорожденнаго образомъ св. Петра митрополита. Въ это время Ѳ. А., сильно пораженный потерею двухъ сыновей, чувствовалъ ослабленіе тѣлесныхъ силъ и пожелалъ успокоиться послѣ многолѣтнихъ трудовъ. Онъ подалъ уже прошеніе объ отставкѣ и собирался съѣздить въ Кострому, чтобы въ послѣдній разъ побывать на родинѣ, поклониться могиламъ родителей и повидаться съ оставшимися тамъ родными. Тамъ онъ окончилъ многополезную жизнь свою (см. слово Голубинскій).

Начало 1856 года было ознаменовано для насъ рожденіемъ (30 января) третьяго сына Владиміра. Крестнымъ отцемъ его былъ шуринъ мой князь Дмитрій Петровичъ Волконскій. Радуясь рожденію Володи, мы не могли тогда предчувствовать, что новорожденный младенецъ будетъ для насъ предметомъ утѣшенія и тяжкаго горя. (См. слово Володя.) 8 іюля 1857 года жена моя обрадовала меня рожденіемъ четвертаго сына Николая. Воспріемникомъ его былъ братъ жены моей князь Сергій Петровичъ Волконскій.

Прошелъ еще годъ, и семейство мое увеличилось рожденіемъ дочери. Собираясь изъ Каменокъ въ Москву ко времени родовъ, мы нечаянно опоздали и должны были остановиться въ Сергіевскомъ Посадѣ. Тамъ, въ старой гостиницѣ

Лавры, жена моя разрѣшилась отъ бремени. Новорожденной дѣвочкѣ нарекли имя Прасковьи, въ память покойной моей матери. Для крещенія ожидали бабушку новорожденной, княгиню Александру Петровну, которая приняла малютку отъ купели вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ своимъ, княземъ Михаиломъ Петровичемъ Волконскимъ. Такимъ образомъ мы принуждены были прожить нѣсколько недѣль въ Посадѣ.

Не могу вспомнить безъ особенной живой благодарности къ Богу-Спасителю поразительнаго для меня испытанія и избавленія. Въ 1860 году жена моя въ концѣ беременности сильно заболѣла. Приглашенный врачъ, профессоръ акушерства Кохъ, считавшійся однимъ изъ лучшихъ въ городѣ для женскихъ болѣзней, прописалъ ей лекарство, которое оказалось вреднымъ. Наступила безпрестанная, наконецъ кровавая рвота. Докторъ, какъ кажется, самъ испугался своей ошибки и бросилъ больную. Другіе врачи принялись лѣчить ее, но одно обстоятельство еще усилило болѣзнь: сидѣлка, вмѣсто микстуры, дала больной внутрь нашатырнаго спирта, выписаннаго для наружнаго употребленія! Тогда воспаленіе желудка достигло крайней степени; врачи отчаялись въ жизни больной, тѣмъ болѣе, что у нея не доставало силъ для разрѣшенія отъ бремени, а младенецъ, какъ они догадывались, уже умеръ въ утробѣ матери. Въ этомъ страшномъ положеніи, передъ лицемъ самаго тяжкаго для меня несчастія, я почувствовалъ въ себѣ сильное влеченіе къ молитвѣ, молился горячо о сохраненіи драгоцѣнной для меня жизни, молился такъ, какъ никогда не умѣлъ молиться, ни прежде, ни послѣ того. Мнѣ пришло на мысль обратиться къ доброму моему другу, С. К. Смирнову (см. это слово), жившему въ Сергіевскомъ Посадѣ, съ просьбой о молитвѣ предъ ракою мощей великаго чудотворца Сергія. И что же случилось? Въ тотъ самый день, почти въ тотъ самый часъ, когда въ Троицкомъ соборѣ Лавры возносились молитвы о болящей, а врачи у постели ея совѣщались о необходимости хирургической операціи, больная очень легко и скоро разрѣшилась отъ бремени мертвымъ младенцемъ. Затѣмъ по-

слѣдовалъ счастливый переломъ болѣзни: силы больной стали возстановляться быстро, и она совершенно выздоровѣла.

Это послѣднее проявленіе милости Божіей болѣе всѣхъ прочихъ осталось неизгладимымъ въ душѣ моей. Оно убѣдило меня осязательно, что Господь—Спаситель нашъ всегда близокъ къ грѣшнику, когда обстоятельства жизни такъ тяжки, что могутъ размягчить холодное, окаменѣлое сердце и вызвать изъ него горячую молитву.

Затѣмъ протекло десять лѣтъ совершенно благополучныхъ, безъ всякаго для насъ огорченія. Въ это время совершилась эмансипація крѣпостныхъ крестьянъ, которой я сильно опасался, воображая, что мы разоримся и не будемъ имѣть возможности дать воспитаніе дѣтямъ; напротивъ того, моя добродѣтельная жена старалась успокоить меня, говоря: «Нужно Бога благодарить, что теперь не будетъ главнаго источника нашихъ грѣховъ—не будетъ законнаго права на притѣсненіе ближнихъ—вольное и невольное. А насъ Господь помилуетъ и сохранитъ». Слова ея сбылись. Великое событіе совершилось въ полной тишинѣ и порядкѣ и вовсе не повлекло за собою тѣхъ ужасовъ и того раззоренія, которыхъ боялось большинство помѣщиковъ. Конечно дѣло не обошлось безъ убытковъ, особенно въ мѣстностяхъ нечерноземной полосы, гдѣ доходъ зависѣлъ болѣе отъ промысловъ крестьянъ, нежели отъ обработки земли. Но въ моемъ Малоархангельскомъ имѣніи хозяйство сохранилось въ прежнемъ видѣ, и доходы не только не уменьшились, но еще увеличились при постоянномъ возрастаніи цѣнъ на хлѣбъ. Вообще оказалось, что помѣщики, владѣвшіе запаснымъ капиталомъ, или, по крайней мѣрѣ, свободные отъ долговъ, вынесли благополучно хозяйственный кризисъ Напротивъ того, тѣ изъ нихъ, которые были обременены долгами въ эпоху эмансипаціи, большею частію безвозвратно раззорились.

Въ началѣ 1863 года родился у насъ пятый сынъ Всеволодъ (см. это слово). Вскорѣ потомъ мы успѣли пріобрѣсти доходный домъ, стоящій на углу Моховой и Знаменки, противъ Румянцевскаго музея. Переѣзжая въ этотъ домъ, мы

имѣли въ виду удобство ближайшей ходьбы для нашихъ мальчиковъ, поступившихъ въ пятую Московскую гимназію.

За счастливыми, спокойными годами наступили для насъ годы, тяжко горестные: 23 января 1871 года мы лишились нашего милаго сына Володи (см. это слово), а черезъ два года (15 апрѣля 1873 г.) послѣдовалъ за братомъ и малютка нашъ Всеволодъ, подававшій наилучшія надежды (см. слово Всеволодъ). Эти двѣ потери, особенно первая изъ нихъ по своей неожиданности, сильно потрясли и Лизу, и меня. Съ того несчастнаго дня я сталъ чувствовать старость, а жена моя мало-по-малу потеряла здоровье, отчасти разстроенное уже прежде хроническою болѣзнію, наслѣдованною отъ отца.

Но и въ горести, какъ прежде въ постоянномъ благоденствіи, добродѣтельная женщина сохранила твердую вѣру въ Отца Небеснаго, наказующаго и милующаго: она не впала въ ропотъ, а вполнѣ покорилась волѣ Божіей. Со дня кончины Володи она ежедневно слушала литургію, молясь со слезами. Еще съ дѣтства привыкла она къ посту и всю жизнь, даже во время болѣзни, строго соблюдала четыре поста, установленные православною Церковью, но не дозволяла себѣ и дѣтямъ скоромной пищи во всѣ среды и пятки, а въ Великій и Успенскій посты довольствовалась растительною пищею. Любимымъ утѣшеніемъ ея была благотворительность: многимъ бѣднымъ выдавала она небольшое ежемѣсячное пособіе и никогда не отказывала нищимъ, просящимъ ‹Христа ради›. Когда говорили ей, что нищіе относятъ собранныя ими копѣйки въ кабакъ, и милостыня, данная имъ, есть поощреніе тунеядства, вѣрная раба Христова отвѣчала: ‹Судить ихъ не мое дѣло; но я не могу отказать, слыша, во чье имя они просятъ›. Кромѣ этихъ мелкихъ благотвореній, она внесла деньги на учрежденіе кровати въ лѣчебницѣ слѣпыхъ и въ Лаврской Варваринской больницѣ, послала вклады для поминовенія ко Гробу Господню и на Аѳонъ. Всѣ эти пожертвованія сдѣланы Лизою, а отнюдь не мною: деньги были ею накоплены и находились въ ея распоряженіи, а я только не препятствовалъ ея благотворительности.

При воспитаніи дѣтей, при обращеніи съ прислугою, она никогда не раздражалась, не только не употребляя въ дѣло тѣлеснаго наказанія, но даже не возвышая голоса: одинъ взглядъ ея, одна временная холодность въ обращеніи съ провинившимся, побуждали его къ исправленію!... Но я не въ силахъ изложить здѣсь всѣ добрыя качества подруги моей жизни.

Послѣдніе годы Лизы были ознаменованы тремя счастливыми событіями, какъ бы въ утѣшеніе за добродѣтельную жизнь ея и за претерпѣнныя скорби. Болѣе всего сердце нѣжной матери было наполнено заботою о будущности дочери; она желала, какъ говорятъ обыкновенно, «пристроить ее» при жизни своей и порадоваться на ея счастіе. Лиза не могла, по слабости здоровья, выѣзжать съ дочерью въ такъ-называемый «большой свѣтъ», давно ею оставленный. На мою долю досталось возобновлять старыя знакомства и проводить безсонныя ночи, смотря на танцующихъ. Къ счастію, эта нелегкая для меня служба продолжалась не долго. Пашенька имѣла большой успѣхъ въ свѣтѣ; ее прославили красавицей. Она многимъ нравилась, но ей пока еще никто не нравился; для нея не наступила еще пора любви.

Но вскорѣ нашелся человѣкъ, завладѣвшій сердцемъ нашей Пашеньки. Это былъ молодой князь Василій Голицынъ. Онъ принадлежитъ къ одному изъ лучшихъ и особенно почитаемыхъ въ московскомъ обществѣ семействъ. Отецъ его, князь Дмитрій Михайловичъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ не только по знатности своего рода, но и по личнымъ высокимъ качествамъ. Онъ по прямой линіи потомокъ знаменитаго соименника своего, князя Д. М. Голицына, хотѣвшаго, вмѣстѣ съ другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, ограничить самодержавныя права приглашаемой на всероссійскій престолъ Курляндской герцогини Анны Іоанновны. Хотя молодой человѣкъ, страстно влюбленный, готовъ былъ тотчасъ же сдѣлать предложеніе невѣстѣ; но благоразумный отецъ, сомнѣваясь въ прочности юношеской любви, медлилъ своимъ согласіемъ, доколѣ не убѣдился въ постоянствѣ чувствъ своего сына. Тогда (26 марта 1880 г.)

онъ самъ пріѣхалъ къ намъ и предложилъ милаго жениха моей дочери. Бракъ совершился въ придворной церкви Рождества на Царицыныхъ Сѣняхъ 2 іюня 1880 года. Вся московская знать была на свадьбѣ. Посаженымъ отцемъ невѣсты былъ дядя мой, графъ Д. Н. Толстой, а посаженой матерью жена роднаго дяди и крестнаго отца невѣсты, княгиня О. В. Волконская. За обѣдомъ, въ саду при домѣ Голицыныхъ, были одни почти родные съ обѣихъ сторонъ, числомъ около 50 человѣкъ. Послѣ обѣда новобрачные уѣхали въ село Никольское, старинное родовое имѣніе, принадлежащее родному дядѣ нашего зятя, сенатору князю Н. М. Голицыну, а оттуда, по прошествіи «медоваго» мѣсяца, въ Петербургъ, гдѣ князь В. Д. служилъ въ гвардейскихъ казакахъ.

Весною слѣдующаго 1881 года этотъ счастливый бракъ увѣнчался рожденіемъ младенца. Къ родамъ дочери Лиза вмѣстѣ со мною поѣхала въ Петербургъ. Въ самый день св. Пасхи, 12 апрѣля, Пашенька разрѣшилась отъ бремени, и мы, по возвращеніи отъ литургіи, услышали радостную вѣсть о рожденіи первой нашей внучки Зиночки. При крещеніи ея были воспріемниками жена моя и князь Д. М. Голицынъ.

1930.

Третья радость наступила для насъ лѣтомъ того же года: старшій сынъ нашъ Сергій женился на княжнѣ Надеждѣ Викторовнѣ Волконской. Свадьба происходила въ Петербургѣ; я поѣхалъ туда, но Лиза, постепенно слабѣя, хотя безъ особенно замѣтной болѣзни, осталась дома, въ ожиданіи новобрачныхъ. Весело отпраздновали мы свадьбу; я вмѣстѣ съ дочерью благословилъ сына передъ бракомъ; два остальные сыновья мои, Петръ и Николай, были шаферами жениха. Послѣ завтрака въ домѣ родителей новобрачной, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Москву, спѣша обрадовать мою ненаглядную Лизу и надѣясь найти ее здоровою.

Но какова была наша скорбь, когда мы увидѣли ее тяжкобольною! Дня за два до нашего пріѣзда она сидѣла вечеромъ въ саду и простудилась: у ней открылось острое вос-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР
БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО

паленіе легкихъ. Превозмогая свои страданія, больная приняла и благословила новобрачныхъ полулежа на диванѣ; радость выражалась на исхудаломъ лицѣ ея: она сознавала опасность своего положенія, предчувствовала близкій переходъ въ вѣчность, но радовалась, видя себя окруженною всѣми своими дѣтьми.

Болѣзнь ея была непродолжительна. Напутствованная Святыми Таинствами, дорогая моя подруга мирно почила въ ночь съ 4 на 5 сентября 1881 года. Всей семьей проводили мы наше сокровище въ обитель препод. Сергія и предали землѣ рядомъ съ двумя прежде почившими сыновьями. А я поселился въ Лаврской гостинницѣ, въ ожиданіи того дня, когда Господу угодно будетъ соединить меня съ безцѣнною моею подругой.

МАВРИКІЯ,

игуменья Горицкаго монастыря, въ схимѣ Марія. Во время поѣздки моей на сѣверъ Россіи, я посѣтилъ древній Горицкій монастырь и нашелъ тамъ досточтимую настоятельницу уже схимонахинею, на порогѣ перехода въ вѣчную жизнь.

Въ день св. Пасхи, 8 апрѣля 1778 года, при звонѣ колоколовъ, возвѣщавшихъ радость воскресенія Христа Спасителя у небогатаго, но набожнаго и добродушнаго помѣщика Бѣлозерскаго уѣзда, Матвѣя Ивановича Ходнева, родилась дочь Марія. Когда дѣвочка стала приходить въ возрастъ, родители утѣшались добрыми ея свойствами: кротостью, смиреніемъ, безотвѣтнымъ послушаніемъ. Она на осьмомъ году выучилась церковной грамотѣ, любила читать Четь-Минею святителя Димитрія и Псалтирь, много псалмовъ знала наизустъ. Но при попыткахъ къ мірскому образованію встрѣтились неодолимыя препятствія: малюткѣ Маріи не только не давался французскій языкъ, но и русской грамотѣ по такъ называемой гражданской печати она едва-едва могла научиться. Дѣвочка охотно ходила въ церковь, молилась

усердно и безъ разсѣянія (что такъ рѣдко въ дѣтскомъ возрастѣ), строго соблюдала посты, по примѣру родителей, и любила помогать нуждающимся; даже лакомство, какое ей давали, раздавала бѣднымъ дѣтямъ въ деревнѣ. Никто не слыхалъ отъ нея празднаго слова; никогда не занималась она дѣтскими играми, развѣ только для забавы сестры своей, которая была старше ея двумя годами.

Такъ протекли первые годы жизни Маріи въ уединенномъ селеніи родителей ея, вдали отъ шума и соблазна мірского! Въ 18-лѣтнемъ возрастѣ было послано чистой душѣ, уготовляемой на служеніе Богу, первое испытаніе: Марія лишилась отца, котораго горячо любила, и мать ея, спустя годъ, вступила во второй бракъ. Нарушенъ былъ прежній порядокъ жизни: вотчимъ былъ человѣкъ вспыльчивый, суровый и самовластный. Непривыкшій къ воздержанію, онъ требовалъ, чтобы и все семейство питалось скоромною пищею во всѣ посты. Юная Марія не могла выносить такого нарушенія уставовъ св. церкви; она испросила у матери дозволеніе жить отдѣльно. Для благочестивой дѣвицы началась новая, самостоятельная жизнь. Марія веселилась душею, живя въ крестьянской избѣ; все время ея было посвящено молитвѣ, богомыслію и трудамъ. Замѣтивъ, что крестьянскія женщины, когда уходятъ на работу въ лѣтнее время, оставляютъ дѣтей безъ присмотра, барышня—труженица стала собирать ребятъ къ себѣ и надзирать за ними, въ отсутствіи матерей; сама, бывало, приготовитъ теплой воды, вымоетъ ихъ, вычешетъ, накормитъ, перемѣнитъ бѣлье, ею же самою вымытое Это дѣлала она въ простотѣ души, изъ состраданія и любви къ ближнимъ. Ко всѣмъ была ласкова, всѣмъ готова помочь словомъ и дѣломъ, для всѣхъ готова служить, а если кто чѣмъ послужилъ ей, отслуживала вдвое. Такъ заблаговременно готовила себя Марія къ подвигамъ, чувствуя влеченіе къ иноческой жизни. Ей хотѣлось вступить въ Нижегородскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ заводилось тогда общежитіе. Тамъ надѣялась она трудиться, не по своей волѣ, не для себя самой, а по долгу послуша-

нія, для общей пользы. Но мать не согласилась отпустить ее въ дальнюю сторону, и дочь, всегда покорная волѣ родительской, поступила въ 1801 году, въ сосѣдній Горицкій монастырь.

Воскресенскій Горицкій монастырь, одинъ изъ древнѣйшихъ женскихъ монастырей въ Бѣлозерскомъ краѣ, во время поступленія Маріи Ходневой, былъ штатнымъ, подобно большинству нашихъ женскихъ обителей. Каждая сестра (ихъ было до 70) жила въ своей кельѣ, кормилась своими трудами, имѣла свою пищу и одежду. Соборный храмъ, сооруженный въ 1544 году иждивеніемъ княгини Старицкой Евфросиніи, съ четырьмя придѣлами и тесовою крышею, требовалъ значительныхъ передѣлокъ, а въ ветхой зимней церкви почти невозможно было совершать богослуженіе.

Первымъ послушаніемъ Маріи въ иноческой жизни—была должность свѣщницы, причемъ она же должна была убирать и мести церковь, что возлагало на нее долгъ присутствовать при каждомъ богослуженіи. Но, пріучивъ себя заранѣе къ непрестанному труду, она находила время и работать для себя, и служить другимъ. Живя въ кельѣ, построенной для нея по распоряженію матери, Марія, послѣ утрени (начинавшейся въ 2 часа утра) и ранней обѣдни, занималась приготовленіемъ пищи изъ припасовъ, которые ей присылала мать. Большую часть изготовленнаго кушанья она тайно разносила въ ночное время по кельямъ бѣдныхъ сестеръ и клала на окна или при дверяхъ. Эти сестры долго не могли догадаться, отъ кого приходитъ имъ подаяніе, пока случай не открылъ личность благодѣтельницы. Для себя самой Марія старалась тратить какъ можно менѣе: она сама ходила за своей коровой и не гнушалась никакою черною работою. Настоятельница монастыря, престарѣлая игуменья Маргарита, полюбила молодую послушницу за кротость, послушаніе и заботливость о своемъ спасеніи; она предложила ей принять рясофоръ, а въ 1806 году Марія пострижена въ мантію съ именемъ Маврикіи. Затѣмъ она проходила разныя послушанія и наконецъ была казначеею.

Пребываніе въ Горицкой обители нравилось Маврикіи: одно только было ей не посердцу — отсутствіе общежитія. Всякій разъ, когда, при чтеніи псалтири, доходила она до словъ: «се что добро, или что красно, но еже житіи братіи вкупѣ», глаза ея наполнялись слезами.—«Вотъ, вкупѣ нужно намъ жить, въ полномъ согласіи, какъ сестрамъ роднымъ о Господѣ (говорила она своимъ приближеннымъ). А что теперь у насъ: вотъ одна сестра живетъ во всякомъ изобиліи съ рабынями и прислужницами, въ большихъ кельяхъ, другая въ хижинѣ неусыпно работаетъ, чтобы кусокъ хлѣба себѣ достать. А иная въ старости и немощи питается подаяніемъ—или отъ своихъ, или отъ чужихъ. Какъ тутъ не быть зависти, злорѣчію, враждѣ и всякому искушенію отъ врага?»

Въ то время Горицкій монастырь находился подъ руководствомъ архимандрита Ѳеофана, принадлежавшаго къ числу тѣхъ благочестивыхъ подвижниковъ, которые, въ концѣ прошедшаго столѣтія и началѣ нынѣшняго, поддержали и обновили у насъ клонившееся къ упадку монашество. Это были большею частью ученики великаго старца и наставника Молдавскихъ монастырей, Паисія Величковскаго. *) Въ 1793 году назначенъ онъ былъ настоятелемъ Новоезерской обители преп. Кирилла, которой посвятилъ 36 лѣтъ неутомимой дѣятельности до блаженной кончины своей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣленъ былъ благочиннымъ монастырей: Кириллова, Устюжскаго, Моденскаго, Горицкаго дѣвичьяго и Филиппо-Ирабской пустыни, и почиталъ своею прямою обязанностью заботиться о духовномъ устроеніи этихъ обителей. Особенно благотворно было его вліяніе на благоустройство Горицкаго монастыря.

---

*) Таковы были: наставникъ о Ѳеофана, Ѳеодоръ Санаксарскій; старецъ Клеопа „духовный дѣлатель и хранитель умнаго трезвѣнія“ настоятель Введенской пустыни, куда принесъ онъ аѳонскій уставъ; Назарій, знаменитый настоятель Валаамскій; Игнатій, архимандритъ Тихвинскій; Макарій, устроившій внутреннее и внѣшнее благолѣпіе Пѣсношскаго монастыря и многіе другіе.

Зимою 1809 года игуменья Маргарита скончалась. Предавъ землѣ тѣло старицы, о. Ѳеофанъ собралъ всѣхъ сестеръ обители и сталъ спрашивать, кого желаютъ избрать въ настоятельницы? Всѣ единодушно объявили, что желаютъ монахиню Маврикію Ходневу. Какъ бы громомъ поразило это избраніе смиренную инокиню: она не вѣрила ушамъ своимъ, залилась слезами, пала въ ноги о. Ѳеофану и говорила: «Умоляю васъ, батюшка, избавьте меня! Онѣ сами не знаютъ, кого избираютъ! Я неученая и притомъ же молода въ монашествѣ. Моего ли разума такое послушаніе?» Также и предъ сестрами стояла она на колѣняхъ, умоляя со слезами—не возлагать на нее настоятельства. «Вы ошибаетесь во мнѣ, недостойной, повторяла она,—мое дѣло—повиноваться, а начальствовать не умѣю. Куда мнѣ повелѣвать другимъ: я сама всѣхъ хуже и недостойнѣе!» Но единодушный выборъ настоятельницы былъ очевиднымъ проявленіемъ воли Божіей, и епархіальное начальство утвердило его. Маврикія посвящена въ санъ игуменьи въ Новгородѣ преосв. Іоасафомъ, епископомъ Старорусскимъ, 11 іюля 1810 года, на 33-мъ году отъ рожденія.

Принявъ въ управленіе обитель, Маврикія поспѣшила въ Новоезерскій монастырь поклониться нетлѣннымъ мощамъ преп. Кирилла и принять благословеніе своего богомудраго наставника. Съ полною искренностью призналась она отцу Ѳеофану, что не умѣетъ даже подписывать своего имени. Старецъ взялъ листъ бумаги и написалъ: «игуменья Маврикія». Вотъ такъ и подписывайте, сказалъ онъ ей. И что же! Съ того дня Маврикія, никогда не державшая пера въ рукахъ, стала писать имя свое четко и правильно, по образцу, данному старцемъ. Поразительный опытъ силы послушанія!

При томъ же свиданіи Маврикія открыла старцу свое завѣтное желаніе—учредить общежитіе на Горицахъ. Сердечно сочувствовалъ онъ доброму намѣренію, тѣмъ болѣе, что и самъ ввелъ строгій уставъ и полную нестяжательность въ Новоезерскомъ монастырѣ. Впрочемъ, счелъ за нужное пред-

ложить вопросъ: «Въ обители вовсе нѣтъ доходовъ: чѣмъ же будете поддерживать общежитіе, на что надѣетесь?» — «Вся моя надежда на Господа Бога, отвѣчала игуменья, за ваши молитвы Господь намъ пошлетъ». — «Если имѣете надежду на Господа, то Онъ благословитъ и поможетъ; у Него неисчерпаемый источникъ милостей».

Съ твердою вѣрою и несомнѣнною надеждою на Бога принялась Маврикія за дѣло, повидимому несбыточное, особенно при жалкомъ положеніи монастыря, или, лучше сказать, при совершенномъ его упадкѣ. Казалось, можно ли было думать о новыхъ значительныхъ расходахъ въ то время, когда нечѣмъ было поправить разрушающуюся ограду, во многихъ мѣстахъ замѣненную деревяннымъ тыномъ, когда ветхія кельи съ черными печами и деревянными трубами стояли безъ половъ и потолковъ, когда даже въ соборную церковь чрезъ сгнившую тесовую кровлю струился дождь, такъ что своды промокли и стѣны отсырѣли? Но Маврикія знала, что внутреннее выше внѣшняго, что порядокъ жизни, сообразный съ обѣтами иночества, важнѣе всего земнаго и житейскаго; она твердо рѣшилась искать, «вопервыхъ, царствія Божія и правды Его», твердо вѣруя, что все «прочее приложится» ей (Матѳ. VI, 33).

Не мало было препятствій и искушеній при началѣ добраго дѣла. Мысль о заведеніи общежитія не понравилась многимъ монахинямъ и послушницамъ, привыкшимъ жить хотя и не въ довольствѣ, но по своему вкусу и обычаю. Нѣкоторыя громко роптали; другія рѣшились выйти изъ монастыря, такъ что на Горицахъ осталось не болѣе 40 сестеръ, въ томъ числѣ не мало бѣдныхъ, престарѣлыхъ и безпомощныхъ. При учрежденіи общей трапезы игуменья подала первый примѣръ — отдала свою корову и припасы, какіе у ней были.

Оставшіяся сестры съ усердіемъ предложили общежитію, что у нихъ найдется Онѣ повели матушку Маврикію въ кладовую подъ церковью; тамъ увидѣла она гробы, приготовленные заблаговременно сестрами каждою для себя. Въ этихъ

посмертныхъ домовищахъ надѣланы были поперечныя перегородки, а между ними насыпана мука, крупа, горохъ. Все найденное соединено было въ общій запасъ, и въ свѣтлый праздникъ Св. Пасхи 21 апрѣля 1812 года открыта въ первый разъ общая трапеза. «Какая была у насъ тогда радость (говорила послѣ игуменья Маврикія), я и высказать не могу. Всѣ мы отъ радости не могли слезъ удерживать. Сестры благодарили меня и увѣряли, что никогда такъ сладко не кушали, хотя столъ былъ самый простой. Точно всѣ мы были тогда не на землѣ, а на небѣ. Съ того радостнаго праздника начали мы жить въ полномъ единодушіи, общимъ житіемъ, по милости и благодати Божіей къ намъ грѣшнымъ». Когда отъ трапезы оставались куски хлѣба, игуменья сама сушила ихъ и по временамъ поставляла на общій столъ, обваривъ горячимъ молокомъ; всякая пища вкушалась въ сладость съ благодареніемъ.

Скорби и лишенія войны 1812—1815 годовъ привели многихъ въ нѣдра св. обителей иноческихъ. Вдова убіеннаго на брани генерала Готовцева (Александра Сергѣевна, въ монашествѣ Ѳеофанія), женщина съ высокимъ образованіемъ ума и сердца, и сестра ея, дѣвица Щулепникова (монахиня Маврикія) посвятили себя на служеніе Богу и ближнимъ. Въ Горицахъ Ѳеофанія была правою рукою смиренной настоятельницы во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ, особенно же при поѣздкахъ въ Петербургъ и письменныхъ сношеніяхъ. Впослѣдствіи, еще при жизни игуменьи Маврикіи, Ѳеофанія получила другое назначеніе: она была первой настоятельницей Воскресенскаго монастыря въ Петербургѣ, устроила эту обитель по образцу Горицкой и въ ней окончила земную жизнь свою.

Много и другихъ любительницъ труда и безмолвія, изъ всѣхъ сословій, искали спасенія въ Горицахъ, такъ что число сестеръ достигло до 400, и на всѣхъ доставало полнаго содержанія въ общежитіи! Всѣ онѣ пользовались духовнымъ руководствомъ опытнаго и любвеобильнаго старца о. Ѳеофана, который пріѣзжалъ въ Горицы по нѣскольку

разъ въ годъ; каждое посѣщеніе его было истиннымъ праздникомъ для обители и оставляло по себѣ глубокое впечатлѣніе. Съ отеческою откровенностію и любовію онъ давалъ игуменьѣ совѣты въ нужныхъ случаяхъ и дѣлахъ, замѣчанія о томъ, что находилъ требующимъ исправленія.

Ему она обязана была подкрѣпленіемъ въ тѣ трудныя времена, когда, въ сознаніи собственной немощи и великой важности обязанностей, на ней лежащихъ, она рѣшалась оставить трудную должность управленія монастыремъ: своимъ словомъ, исполненнымъ сердечнаго убѣжденія и простоты, о. Ѳеофанъ умѣлъ внушить ей упованіе на высшую помощь и каждый разъ отклонять ея намѣреніе. «Я неспособна ввести порядокъ въ обители, жаловалась она при одномъ свиданіи съ о. Ѳеофаномъ, я не въ силахъ управлять и руководить подчиненными» — «Ты худа», отвѣчалъ старецъ, «другіе найдутся угодные Богу и за тебя просить Его будутъ. За тебя всѣ молятся; твои недостатки восполняются молитвами сестеръ. Вы сами собой ничего не можете сдѣлать: все устроятъ Богъ; на Него и возлагайте всю надежду, не отчаявайтесь, не унывайте; просите Его: Ты просвѣти, Ты вразуми, Ты наставь! Ваше одно слово будетъ пользовать»—«Но я не учена, не разумѣю, что говорить».—«Можно и въ молчаніи, ничего не говоря, поучать. Вотъ въ Саровской пустыни отецъ Ефремъ былъ человѣкъ самый простой, ничего не говорилъ въ назиданіе, а какъ устроилъ обитель! Изъ Москвы пріѣзжали посмотрѣть Ефрема!»

По мѣрѣ возрастанія духовной жизни въ Горицахъ, возрастало и внѣшнее благосостоянія обители. Исправленъ и покрытъ желѣзомъ древній Воскресенскій соборъ; къ нему пристроена обширная паперть съ ризницею. За алтаремъ его, надъ могилою двухъ утопленныхъ княгинь-инокинь, сооруженъ великолѣпный зимній соборъ, во славу пресв. Троицы. На мѣстѣ прежней теплой церкви воздвигнутъ прекрасный храмъ въ честь чудотворной иконы Богородицы, именуемой Смоленскою. Оба эти храма украсили превосходною стѣнописью даровитыя художницы, инокини Горицкія. Много

другихъ зданій возникло постепенно, одно за другимъ: прочная каменная ограда, длинные корпуса келій для сестеръ, пространная трапезная палата, нѣсколько мастерскихъ палатъ, гдѣ сестры занимаются иконописью и разными рукодѣльями, хлѣбня, поварня съ чистою водою, проведенною изъ кладезя, странноприемница, куда допускаются всѣ безъ изъятія лица, посѣщающія монастырь, и всѣмъ предлагается чистое помѣщеніе, постели, пища и питье. Наконецъ, сердобольная и ко всѣмъ сострадательная игуменья Мавркія нашла возможность соорудить больницу, съ церковью внутри, для безплатнаго успокоенія и врачеванія больныхъ женскаго пола Здѣсь болящія и теперь благословляютъ имя почившей старицы, называя ее своею матерью.

Откуда взялись средства для всѣхъ этихъ учрежденій? Единъ Господь вѣдаетъ! Господь, на котораго твердо уповала Мавркія, не посрамилъ ея упованія. Вдовы и дѣвицы изъ богатыхъ дворянскихъ и купеческихъ семействъ, поступая въ Горицкій монастырь, жертвовали любимому общежитію своимъ достояніемъ. Бывали неожиданныя приношенія и отъ постороннихъ лицъ. Неутомимые труды сестеръ, производимые въ строгомъ порядкѣ, доставляли не малый доходъ. Сверхъ того, отъ щедротъ императора Александра I, обитель получила земли, по берегу Шексны, мельницу и право рыбной ловли.

Мавркія трудилась для всѣхъ, всѣмъ служила, чѣмъ могла, въ продолженіе долголѣтней жизни, до глубокой старости, не искала земной славы и земныхъ наградъ. Но и слава и награды сами нашли старицу въ пустынной ея обители. Имя Мавркіи пользовалось безпредѣльнымъ уваженіемъ даже въ дальнихъ женскихъ монастыряхъ, гдѣ еще при жизни ея, были призваны къ настоятельству многія ея ученицы. Заслуги старицы были достойно цѣнимы епархіальнымъ начальствомъ и св. Синодомъ. Цари и царицы русскіе знали и уважали Горицкую игуменью *). А она, приснопамятная под-

*) Блаженной памяти императоръ Александръ I оказывалъ особенное уваженіе м. Мавркіи, благосклонно принялъ отъ нея и хранилъ

вижница, до конца жизни оставалась тою же смиренной и простодушной инокиней, какъ и при началѣ монашеской жизни!

Пятьдесятъ лѣтъ управляла Маврикія Горицкою обителью. Постоянные труды истощили силы ея, она чувствовала недуги старости и рѣшилась, наконецъ, сложить съ себя игуменство. Преосвящ. митрополитъ Никаноръ желалъ удержать Маврикію въ настоятельской должности до конца жизни ея, предлагалъ дать ей помощницу по ея выбору, но наконецъ долженъ былъ уступить неотступнымъ и слезнымъ моленіямъ старицы, лежавшей у ногъ его. Согласившись на просьбу Маврикіи, архипастырь просилъ ее указать на достойную ей преемницу и притомъ сказалъ: «Не затрудняйте себя сдачей монастыря по описи: все вами пріобрѣтено. Не только кто другой, но и я самъ не могу ничего отъ васъ требовать.»

Желанный указъ объ увольненіи Маврикіи и назначеніи игуменьей (согласно ея указанію) монахини Арсеніи Клементьевой послѣдовалъ 23 декабря 1855 года. Бывшей настоятельницѣ «во вниманіе къ многолѣтнему служенію и неутомимо-ревностнымъ попеченіямъ о благосостояніи обители» назначено отъ монастыря: полное содержаніе, необходимая прислуга и пенсія по 150 р. серебромъ въ годъ.

Послѣдніе годы многотрудной жизни своей старица провела въ небольшой кельѣ того же Горицкаго монастыря. Постояннымъ занятіемъ ея была молитва. Замѣчали иногда, что во время молитвы она совершенно забывала все земное,

---

до кончины своей коверъ, вышитый синелью по шелковому фону и положенный старицею къ ногамъ его въ Вологдѣ. Онъ пожаловалъ въ Горицкую обитель великолѣпно вышитую плащаницу, поднесенную ему гречанками Либеріосъ. Императоръ Николай I пожаловалъ игуменьѣ Маврикіи крестъ, осыпанный брилліантами. Вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было видѣть Горицкую игуменью: старица представлялась ей вмѣстѣ съ монахиней Ѳеофаніей (Готовцовой), лично извѣстной Государынѣ. Императрица приняла ихъ милостиво, долго разговаривала съ ними и подарила игуменьѣ Евангеліе. Такого же благосклоннаго вниманія удостоила ихъ императрица Елизавета Алексѣевна.

даже самое тѣло свое: случалось келейницѣ доложить ей, по окончаніи правила, не угодно ли покушать? «Развѣ я не обѣдала», отвѣчала старица, насыщенная неземною пищей. Такъ она, стоя на молитвѣ, не замѣчала, если кто подойдетъ и станетъ подлѣ нея, не чувствовала, какъ осыпали и жалили ее комары и другія насѣкомыя Въ 1858 году престарѣлая подвижница, изнемогая въ силахъ тѣлесныхъ, приняла великую схиму и наречена Маріею—тѣмъ именемъ, которое получила при крещеніи.

Какъ гаснетъ солнце на западѣ небосклона, посылая послѣдніе лучи во внутренность великолѣпнаго храма, воздвигнутаго игуменьей Маврикіей; такъ мирно угасала многоплодная жизнь досточтимой схимонахини. Лѣтомъ 1867 года она слегла и уже не вставала. Предлагали врачи и лѣкарства, но старица обратилась къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ, многократно сподобилась пріобщенія Тѣла и Крови Христовыхъ и таинства елеосвященія. Во все время болѣзни, несмотря на лихорадочное состояніе, она сохраняла полное сознаніе и мирно предала духъ свой Господу, Которому послужила болѣе 60 лѣтъ въ монашескихъ подвигахъ, настоятельствѣ и схимѣ, 18 іюля 1867 года, на 84 году отъ рожденія. Смертные останки приснопамятной игуменьи-схимонахини преданы землѣ, въ прекрасномъ храмѣ, ею воздвигнутомъ, на южной сторонѣ. На могилѣ ея, прикрытой черною мраморною плитою, донынѣ приносятся горячія молитвы не только сестеръ Горицкихъ, воспитанныхъ старицею въ духовной жизни, но и многочисленныхъ лицъ разнаго званія, для которыхъ почившая была благодѣтельницею въ трудные дни жизни. При жизни своей игуменья Маврикія старалась избѣгать всякой похвалы человѣческой, но теперь «память ея съ похвалами», какъ память праведницы.

МУРАВЬЕВЪ,

графъ Михаилъ Николаевичъ,

какъ министръ государственныхъ имуществъ, сознавалъ, что Горыгорѣцкій институтъ болѣе полезенъ для Западнаго ополяченнаго края, нежели для внутреннихъ губерній и справедливо находилъ, что подобный институтъ долженъ быть въ Москвѣ, какъ центрѣ Россіи. Онъ хотѣлъ расширить и возвысить мысль своего родителя, учредившаго Земледѣльческую школу, и вотъ начало теперь устроенной и открытой Земледѣльческой Академіи въ селѣ Петровскомъ, гдѣ Петромъ I заведена была голландская ферма, называвшаяся Амстердамъ. Она существовала до временъ графовъ Разумовскихъ; народъ называлъ ее Астрадамовскою, и это имя сохранилось у крестьянъ Петровскаго до настоящаго времени за урочищемъ фермы, обсаженной дубами. Вниманіе его къ нуждамъ Московской Земледѣльческой школы и къ Комитету шелководства оказало въ свое время значительную пользу этимъ заведеніямъ.

Но важнѣйшею и безсмертною заслугою М. Н. Муравьева предъ престоломъ и отечествомъ было усмиреніе возмущенія Поляковъ въ 1863 году. Уничтоженіемъ крамолы противъ государственной власти, возстановленіемъ въ семи губерніяхъ Сѣверо-западнаго края іезуитски-униженной православной вѣры и древнихъ святынь; водвореніемъ въ древнемъ русскомъ краѣ русскаго языка,—онъ сослужилъ такую службу отечеству, что сдѣлался роднымъ, однокровнымъ каждому русскому сердцу. Имя его, вмѣстѣ съ его дѣлами, стало извѣстно во всѣхъ предѣлахъ Россіи. Многочисленные адресы и привѣтствія приносились къ нему не только изъ Москвы и Петербурга, но и изъ самыхъ отдаленныхъ Зауральскихъ и Закавказскихъ губерній.

Въ 1865 году моя небольшая статья, написанная, по случаю кончины Цесаревича Николая Александровича, обратила

на себя вниманіе М. Н. Муравьева, и онъ пожелалъ узнать меня лично. Я явился къ нему въ слѣдующемъ году съ письмомъ С. П. Шипова, былъ ласково принятъ и вскорѣ приглашенъ къ обѣду. Здѣсь я услышалъ нѣсколько замѣчательныхъ сообщеній, которыя постараюсь передать въ томъ видѣ, какъ они сохранились въ моей памяти.

«Я былъ въ 1830 году Гродненскимъ губернаторомъ — разсказывалъ М. Н. — пожаръ бунта охватилъ губернію съ разныхъ сторонъ; войскъ у меня не было въ распоряженіи, и подавить мятежъ было бы некѣмъ, еслибы онъ вспыхнулъ. Зная въ губерніи всѣхъ вліятельныхъ Поляковъ-помѣщиковъ, я приказалъ имъ съѣхаться къ опредѣленному числу въ Гродно и сказалъ имъ: «Господа, мнѣ, какъ военному губернатору, по полученнымъ свѣдѣніямъ, извѣстно, что у насъ въ губерніи открылась повальная болѣзнь, и очень опасная: это воспаленіе мозга. Надѣясь, что въ губернскомъ городѣ больше средствъ для излеченія, нежели въ деревняхъ, я собралъ васъ и прошу не выѣзжать изъ города до минованія болѣзни». Разумѣется, что это навело страхъ по уѣздамъ; всѣ центры вредныхъ сближеній были прерваны, и Гродненская губернія, при всеобщемъ мятежѣ вокругъ ея, осталась покойною. Когда Варшава была взята, я призвалъ политически заарестованныхъ и сказалъ имъ: «теперь, господа, болѣзнь, кажется, миновалась, Варшава взята, и вы можете ѣхать въ ваши деревни. Мѣра моя, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ васъ показалась крутою, но вы возвращаетесь въ свои деревни, а безъ этого, Богъ знаетъ, возвратились ли бы въ нихъ; прощайте».

«Въ то время, когда Государь Императоръ призвалъ меня къ себѣ и объявилъ о желаніи своемъ назначить меня начальникомъ Западнаго края, я былъ нездоровъ, но отечество въ опасности. Какъ Русскій, я не могъ щадить себя и изъявилъ Государю готовность исполнить его волю; увѣренный даже, что, при помощи Божіей, я край усмирю. Но я предвидѣлъ, что во всѣхъ иностранныхъ журналахъ и газетахъ посыплются на меня клеветы, ругательства и про-

клятія *). Я могъ опасаться, что бы они не поколебали ко мнѣ довѣренности Государя, но этого они не успѣли сдѣлать

«Мнѣ нужно было согласиться во взглядѣ на Западный край, съ гг. министрами,—иначе я могъ бы встрѣтить не ожиданныя затрудненія и препятствія. Съ разрѣшенія Государя, мы совѣщались, согласились во взглядѣ на положеніе Западнаго края и на необходимыя мѣры для усмиренія возстанія.—Соглашеніе было утверждено, и я отправился въ Вильно.

«Край мнѣ давно былъ извѣстенъ, но я не узналъ края. Русское начало было совершенно подавлено, русскій языкъ изгнанъ, русская вѣра угнетена, древнія святыни поруганы, церкви православныя помѣщались въ сараяхъ. Помѣщики, въ рукахъ которыхъ была земская власть, притѣсняли освобожденныхъ крестьянъ, отнимая и обрѣзывая у нихъ земли и приговаривая притомъ: «вотъ вамъ царская воля, а если вы будете съ нами за Польшу, то мы дадимъ вамъ волю съ лучшими землями». Ксендзы коварствовали заодно съ Поляками. Я началъ съ того, что заставилъ уважать власть правительства, и чтобы прервать всякое вліяніе пановъ на народъ, прекратилъ, не медля, обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, объявивъ ихъ окончательно свободными. Затѣмъ, для уничтоженія вліянія ксендзовъ-іезуитовъ, выслалъ

*) Патріотическій подвигъ гр. М. Н. Муравьева подвергался не только нареканіямъ, ругательствамъ и проклятіямъ иностранныхъ газетъ, но и въ аристократическомъ кругѣ Петербурга былъ многими принятъ враждебно. Особенно отличался своею ненавистью къ Муравьеву и дѣйствіямъ его князь Суворовъ, тотъ самый, который, будучи генералъ-губернаторомъ Прибалтійскихъ губерній, потворствомъ своимъ далъ развиться до безобразія нѣмецкимъ притязаніямъ. Онъ публично называлъ Муравьева „людоѣдомъ“. Одинъ стихотворецъ, скрывшій свое имя, писалъ Суворову въ то время, когда приготовлялся благодарственный адресъ усмирителю мятежа:

„Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
„Что русскаго честимъ мы людоѣда,
„Мы русскіе, Европы не спросясь“....

Письмо оканчивается слѣдующими стихами:

„Но мнится намъ, что дѣдъ вашъ знаменитый
„Скрѣпилъ бы адресъ подписомъ своимъ“.

въ Воронежъ ихъ епископа, одного ксендза-повстанца разстрѣлялъ, троихъ повѣсилъ, и все пошло, какъ по маслу.

«По пріѣздѣ моемъ, особенно въ началѣ, борьба была тяжела, но меня подкрѣпляло сочувствіе Москвы и русское энергически высказавшееся чувство во всей Россіи. Прежде всѣхъ меня утѣшило и ободрило письмо митрополита Московскаго Филарета, полученное при моемъ назначеніи съ образомъ Михаила Архангела, которымъ онъ благословилъ меня».

Графъ Михаилъ Николаевичъ дорожилъ благословеніемъ святителя, какъ святынею. При этомъ онъ говорилъ объ издателѣ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Катковѣ, какъ о лучшемъ ему сотрудникѣ въ общемъ дѣлѣ: «Его содѣйствіе при возбужденіи народныхъ русскихъ силъ и чувствъ, въ отпоръ европейской коалиціи и къ подавленію мятежа, подкрѣпляло меня, и онъ оказалъ въ 1863 и 64 годахъ великую заслугу отечеству».

За тѣмъ же обѣдомъ баронъ А. И. Дельвигъ, теперешній инспекторъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, разсказалъ слѣдующее: «Я былъ въ Вильнѣ до пріѣзда М. Н. Муравьева, ходилъ по городу безъ эполетъ, и ни одинъ Полякъ, встрѣчаясь на тротуарахъ, не проходилъ мимо, не плюнувши въ сторону. Пріѣзжаетъ М. Н. и назначаетъ на другой день представленіе къ себѣ чиновниковъ и дворянъ. Собралось въ залѣ человѣкъ 50; М. Н., съ которымъ я вышелъ изъ кабинета, одинъ подходитъ къ толпѣ, за которую ручаться нельзя было, и строго напоминаетъ всѣмъ о сохраненіи присяги къ Государю при исполненіи своихъ обязанностей, за нарушеніе которой виновные будутъ наказаны по всей строгости военнаго закона; всѣ молчали, понимая эти слова. На другой день послѣ такого пріема иду по Вильнѣ въ эполетахъ, которыхъ надѣвать нельзя было, не подвергаясь оскорбленію, и вовсе незнакомые мнѣ Поляки, встрѣчаясь, снимали шляпы и кланялись».

Велика была всеобщая радость, когда, послѣ злодѣйскаго покушенія 4-го апрѣля на драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя, Государь возложилъ на М. Н. Муравьева великій

подвигъ—открыть источники внутренней заразы, растлѣвающей въ нѣдрахъ Россіи ея жизнь, ея нравственныя силы, ея завѣтную любовь къ вѣрѣ православной, къ Царю и отечеству. Это растлѣніе, имѣющее близкое сродство съ польскимъ катихизисомъ, благословляющимъ всякую гнусность, лицемѣріе, коварство, воровство и взяточничество на службѣ Россіи, съ постоянною мыслію вражды къ ней, породило чудовищный замыслъ цареубійства, и для исполненія заговора растлѣнныхъ безумцевъ между ними же нашелся безумецъ-злодѣй, Каракозовъ. Но Провидѣніе Божіе, для блага Россіи, спасло Царя одномгновеннымъ движеніемъ руки простаго крестьянина, какъ бы въ посрамленіе всѣхъ хитросплетенныхъ и давно задуманныхъ козней людьми, конечно, уже не простыми. Графъ Михаилъ Николаевичъ, принявъ на себя новую тяжкую службу Царю и отечеству, сознавалъ всю трудность не столько открыть, сколько обличить истину, и потому сказалъ публично, что ляжетъ костьми, но не измѣнитъ своему призванію. Такъ и исполнилось.

Онъ выѣхалъ 26 августа 1866 года изъ Петербурга для освященія въ своей деревнѣ Сырецъ, Лугскаго уѣзда, храма, построеннаго имъ въ память воиновъ, павшихъ при усмиреніи польскаго мятежа въ западныхъ губерніяхъ; 28-го, послѣ обѣдни въ новоосвященномъ храмѣ, самъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, посадилъ вокругъ него деревья въ воспоминаніе его освященія. Дѣла слѣдственной коммиссіи были окончены, и 31-го августа она должна была закрыться. Послѣдніе доклады по этимъ дѣламъ онъ слушалъ въ пять часовъ этого дня, положилъ резолюцію и распорядился на другой день, 29-го, послѣ паннихиды по убіенныхъ воинахъ, выѣхать въ С.-Петербургъ. Проведя вечеръ въ семействѣ до 12 часовъ, онъ чувствовалъ себя здоровымъ и легъ спать, конечно, съ мыслію—въ день тезоименитства Государя Императора, 30-го августа, отдать послѣдній по коммиссіи отчетъ Царю земному—и проснулся въ вѣчной жизни предъ Царемъ Небеснымъ, чтобы дать отчетъ Ему премилосердому, сохранившему жизнь Царя отъ тлетворныхъ крамольниковъ и злодѣевъ.

БАБУШКИ-СУМАРОКОВЫ

Анна, Елисавета и Аграфена Андрееены, старыя дѣвицы, сестры роднаго дѣда моего по матери, Ник. Андр. Сумарокова (см. это слово). Всѣ онѣ были благочестивыя, добрыя, сострадательныя къ бѣднымъ, но у каждой изъ нихъ были свои особенныя свойства и черты характера. Всѣ онѣ получили отъ матери своей Прасковьи Ивановны (рожденной Шокуровой, не знавшей грамотѣ и ходившей въ платочкѣ) простое, старинное воспитаніе: были выучены грамотѣ по часослову и псалтыри, чтенію по гражданской печати и письму. Больше ничему ихъ не учили въ дѣтствѣ и въ молодости, ни музыкѣ, ни танцамъ. За то онѣ были пріучены съ дѣтства усердно посѣщать храмъ Божій, соблюдать уставы церкви и принимать искреннее участіе въ страданіяхъ и нуждахъ ближнихъ.

Двѣ изъ нихъ Анна Андреевна и Аграфена Андреевна— провели всю жизнь свою въ домѣ брата Николая Андреевича, а по смерти его, въ домѣ племянника Петра Николаевича. Первая изъ нихъ была характера строгаго, любила уединеніе и молчаніе, такъ что рѣдко можно было услышать отъ нея нѣсколько словъ. Притомъ она отличалась примѣрнымъ правдоподобіемъ и всегда отзывалась о людяхъ необинуясь большею частію — въ лицо каждому. Однажды она сказала объ одномъ учителѣ, гостившемъ у нихъ: «это — дрянь - человѣкъ». «Что это ты говоришь, мать моя?» возразила ей младшая сестра Аграфена Андреевна, «развѣ ты забыла заповѣдь: не судите, да не судими будете». «Виновата, согрѣшила», отвѣчала старшая и стала шептать про себя какую-то молитву. Впрочемъ мнѣніе ея объ этомъ человѣкѣ оказалось вполнѣ справедливымъ. Анна Андреевна любила читать духовныя книги и особенно житія святыхъ и Алфавитъ духовный святителя Димитрія, свѣтскаго чтенія чуждалась, неохотно играла въ карты, и то только въ угож-

деніе князю Дмитрію Александровичу Черкасскому (отцу тетки Прасковьи Дмитріевны, первой жены дяди Петра Николаевича), когда онъ гостилъ у зятя. Князь не могъ жить безъ картъ. Разъ, послѣ игры съ нимъ почти въ теченіе цѣлаго дня, наканунѣ какого-то праздника, Анна Андреевна, видя входящаго священника, сказала князю: «вотъ, батюшка-князь, я цѣлый день утѣшала тебя пикетомъ; теперь и ты утѣшь меня—отслушай всенощную и помолись Богу». Князь исполнилъ ея желаніе, хотя былъ воспитанъ въ духѣ французскихъ энциклопедистовъ и до того времени никогда не ходилъ въ церковь. На этотъ разъ служба ему понравилась, хотя плохо отправленная сельскимъ причтомъ, и съ того времени онъ сталъ, хотя изрѣдка, ходить въ церковь.

Младшая сестра, Аграфена Андреевна, была характера живаго и веселаго; въ молодости, когда живала въ Москвѣ, любила посѣщать театръ и благородное собраніе; въ старости любила принимать сосѣдей и бесѣдовать съ ними. Она воспитала на своихъ рукахъ дядю Петра Николаевича, оставшагося послѣ смерти матери грудным ребенкомъ, и имѣла несчастіе пережить его. Не смотря на желчные припадки, отъ которыхъ она часто страдала, Аграфена Андреевна строго соблюдала посты. Такъ, напримѣръ, на Страстной недѣлѣ, отъ Вербнаго воскресенья до великаго четверга, она ничего не кушала, кромѣ хлѣба и воды. Это усиленное воздержаніе дѣйствовало вредно на желчь, а потому въ эти дни старушка раздражалась и особенно плохо приходилось любимой ея горничной—Маремьянѣ, которую она въ другое время боловала. «Что же, тетушка,» спрашивалъ ее въ шутку племянникъ,—«будете ли вы на Страстной недѣлѣ бить Маремьяшку?» «Что ты, батюшка, пустяки говоришь», отвѣчала она,—«можно ли драться на Страстной недѣлѣ!» Но въ дѣйствительности это случалось, и всему дому было извѣстно, что Маремьяна съ большимъ удовольствіемъ принимала легкую пощечину отъ слабой руки старухи, которая послѣ, стыдясь своего поступка, награждала дѣвушку все

возможными подарками къ празднику. Послѣ смерти дяди Петра Николаевича и отъѣзда второй жены его, бабушка Аграфена Андреевна принялась съ большимъ успѣхомъ за домашнее хозяйство,—распустила по паспортамъ много людей изъ огромной Красносельской дворни, иныхъ, въ особенности семейныхъ, даже безъ оброка, уничтожила псовую охоту, продала лишнихъ лошадей и т. п. Впрочемъ она прожила недолго послѣ смерти любимаго племянника. Памятникомъ жизни ея въ селѣ Красномъ осталась небольшая каменная церковь, построенная ею на кладбищѣ.

Особенно любилъ и почиталъ я бабушку Елисавету Андреевну, занимавшую по возрасту среднее мѣсто между сестрами. Подъ ея наблюденіемъ воспиталась моя мать, оставшаяся сиротою послѣ своей матери на девятомъ году. Матушка чтила ее, какъ родную мать, и она неразлучно жила съ нами до того времени, когда нужно было перевезти больнаго при смерти дядю Петра Николаевича изъ Москвы въ деревню (см. слово *Сумароковъ*). Она поѣхала съ нимъ и уже не возвратилась къ намъ, оставшись по убѣдительной просьбѣ Аграфены Андреевны въ селѣ Красномъ и помогая ей въ устройствѣ хозяйства. По смерти младшей сестры она приняла на себя попеченіе о круглыхъ сиротахъ, оставшихся послѣ дяди. Прежде того, когда она жила еще у насъ въ домѣ, я въ дѣтствѣ моемъ былъ предметомъ особенной ея любви и попеченій, а потому до конца жизни ея сохранилъ къ ней искреннюю привязанность и почтеніе. Любимымъ занятіемъ ея было рукодѣліе; она любила также помогать бѣднымъ, насколько могла. Послѣ пожара Каменской деревянной церкви она отдала на постройку новаго каменнаго храма 400 рублей, составлявшіе едва ли не весь капиталъ, накопленный ею почти въ цѣлую жизнь.

Всѣ три сестры дожили до глубокой старости. Тѣла ихъ погребены у Троицкой каменной церкви села Краснаго, Костромской губерніи Нерехотскаго уѣзда, верстахъ въ 30 отъ Костромы. Этотъ храмъ построенъ роднымъ дѣдомъ ба-

бушекъ, Иваномъ Семеновичемъ Шокуровымъ и при немъ же расписанъ по всѣмъ стѣнамъ кондаками и икосами изъ Богородичнаго акаѳиста. Здѣсь, за правымъ клиросомъ, находится могила храмоздателя.

ДОЛГОРУКОВЪ,

князь Юрій Владиміровичъ, генералъ-аншефъ. Онъ началъ службу при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, и былъ тяжело раненъ въ голову, такъ что ему дѣлали операцію: вынимали изъ головы пулю или осколки. Онъ былъ тогда очень молодъ, и лѣтъ на десять моложе батюшки. При кончинѣ Елисаветы Петровны онъ былъ полковникомъ, а при Екатеринѣ II, не имѣя и тридцати лѣтъ, былъ уже генералъ-майоромъ.

Когда графа Орлова (Алексѣя Григорьевича) императрица Екатерина послала въ Черногорію съ секретнымъ порученіемъ, то Орловъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы Долгоруковъ былъ данъ ему въ помощники. По возвращеніи былъ награжденъ Георгіемъ на шею и Александровскою лентою. Подъ конецъ царствованія императрицы Зубовы, попавшіе тогда въ милость государыни, опасаясь значительности Долгорукова, начали его тѣснить и вынудили выйти въ отставку, съ чиномъ генералъ-аншефа, за годъ до кончины императрицы. У князя Ю. В. было двое дѣтей: сынъ, бывшій генералъ-лейтенантомъ въ 30-лѣтнемъ возрастѣ, въ царствованіе императора Павла, и дочь, въ замужествѣ за княземъ Горчаковымъ.

Домъ князя Юрія Владиміровича былъ на Никитской, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ домовъ въ Москвѣ. На большомъ и широкомъ дворѣ, какъ онъ ни былъ великъ, иногда не умѣщались кареты, съѣзжавшіяся со всей Москвы къ гостепріимному хозяину, и какъ ни обширенъ былъ домъ, въ немъ жилъ только князь съ княгиней, ихъ приближен-

ные и безчисленная прислуга. А на лѣтнее время князь переѣзжалъ за семь верстъ отъ Москвы въ Петровское-Разумовское, гдѣ у него были празднества и увеселенія, которыхъ Москва никогда ужь больше не увидитъ... Е. П. Янькова (см. слово *Евгенія*) говоритъ въ своихъ разсказахъ: «На моей памяти только и было такіе два вельможескіе дома, какъ дома Долгорукова и Апраксина, и это въ то время, когда еще много было знатныхъ и богатыхъ людей въ Москвѣ, когда умѣли, любили и могли жить широко и весело. Теперь нѣтъ и тѣни прежняго: кто позначительнѣе и побогаче—всѣ въ Петербургѣ, а кто доживаетъ свой вѣкъ Москвѣ или устарѣлъ, или обѣднѣлъ, такъ и сидятъ у себя тихохонько и живутъ бѣднехонько, не по-барски, какъ бывало, а по-мѣщански, про самихъ себя. Роскоши больше, все дороже, нужды увеличились, а средства-то маленькія и плохенькія, ну и живи не такъ, какъ хочется, а какъ можется.»

И мнѣ удалось видѣть князя Юрія Владиміровича, еще въ дѣтствѣ моемъ, на одномъ изъ его баловъ, гдѣ я былъ на хорахъ огромной его залы, вмѣстѣ съ тетушкой, гр. Агр. Степ. Толстой. Этотъ балъ, по случаю пріѣзда, сколько помнится, одного изъ великихъ князей—Николая или Михаила Павловича, былъ данъ въ 1823 году. Особенно занялъ меня костюмъ маститаго старца-хозяина: князь былъ во французскомъ, зеленаго бархата, кафтанѣ, вышитомъ золотомъ. Тогда уже всѣ носили фраки; только кн. Ю. В. продолжалъ пудриться и щеголять въ шелкѣ и бархатѣ. Окружающіе меня на хорахъ говорили, что такой нарядъ приличенъ престарѣлому вельможѣ Екатерининскаго вѣка.

Все дано было князю Юрію Владиміровичу отъ Бога, что̀ можетъ сдѣлать жизнь счастливою, и онъ умеръ однако—разбитый горемъ, потому что лишился всѣхъ близкихъ, такъ что свое огромное состояніе оставилъ не близкому наслѣднику, а сестрину внуку, Салтыкову. Прежде всѣхъ умеръ его сынъ, потомъ княгиня, въ 1811 году, потомъ зять его, князь Горчаковъ, внука—дочь княгини Варвары Юрьевны,

княжна Лидія Алексѣевна, выданная за графа Бобринскаго, и наконецъ—княгиня Горчакова. Почти девяностолѣтній старикъ совершенно осиротѣлъ и умеръ, можно сказать, на чужихъ рукахъ, но онъ былъ хорошій христіанинъ и потому не роптalъ на Господа, съ твердостію переносилъ всѣ потери и смиренно несъ свой крестъ.

Князь Юрій Владиміровичъ скончался въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время первой холеры 1830 года. Схоронили его рядомъ съ женой въ подмосковной, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ-то въ сторону отъ Владимірской дороги, за Кусковымъ, верстахъ въ 15 отъ Москвы. Кончинѣ его предшествовало необыкновенное явленіе, въ свое время извѣстное всей Москвѣ. Е. П. Янькова (см. слово «Евгенія») такъ упоминаетъ объ этомъ предметѣ: «Князь Юрій Владиміровичъ былъ друженъ съ Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ, и положили они между собою, что ежели «возможно» общеніе умершихъ душъ съ живыми, то чтобы тотъ, который первый изъ нихъ двухъ умретъ, предупредилъ пережившаго о скорой его кончинѣ троекратнымъ явленіемъ. Господь по своей благости и во обличеніе невѣрующихъ дозволилъ, чтобы по условію друзей обѣщанное ими совершилось. Князь Юрій Владиміровичъ пережилъ Апрасина тремя годами, и ему трижды являлся Апраксинъ: сперва за шесть мѣсяцевъ, Долгоруковъ «на яву» увидѣлъ Степана Степановича и тогда же говорилъ нѣкоторымъ близкимъ людямъ:

— «Пора мнѣ видно собираться въ дальній путь: я сегодня видѣлъ Апраксина; онъ меня предупреждаетъ, что пришло мое время къ отшествію.»

Потомъ вторичное было явленіе, и Долгоруковъ опять сказывалъ: «Я въ другой разъ видѣлъ Апраксина; это значитъ, что онъ меня дожидается.» Наконецъ, когда онъ лежалъ уже совсѣмъ на смертномъ одрѣ, дня за три до кончины, онъ еще видѣлъ то же и сказалъ: «Ну, теперь скоро, скоро я отправлюсь на покой; сегодня я въ третій разъ видѣлъ Апраксина: мнѣ тепѣрь не долго остается томиться.» И на третій день послѣ того онъ скончался.

Многіе изъ знавшихъ Долгорукова подтверждали этотъ разсказъ его. Ежели бы одинъ только разъ видѣлъ онъ Апраксина, то можно было бы еще усомниться и сказать, что ему такъ это попритчилось,—то же самое повторилось три раза и все на яву; это ужь не бредъ и не призракъ, а подлинное явленіе души умершаго.» *)

ЕВГЕНІЯ,

основательница и первая игуменія Борисоглѣбскаго Аносина дѣвичьяго монастыря, въ мірѣ княгиня Евдокія Николаевна Мещерская, дочь Николая Андреевича Тютчева. Она родилась 18 февраля 1774 года въ имѣніи своего отца, селѣ Гареновѣ, Смоленской губерніи; росла—болѣзненная и впечатлительная. Всѣ отрасли домашняго хозяйства вошли въ кругъ ея воспитанія, но, увлекаясь любознательностью и желаніемъ образовать свой умъ, она всѣмъ своимъ другимъ занятіямъ предпочитала чтеніе. Читала она много, но безъ разбора и руководства. На 23 году (1796) она вступила въ бракъ съ княземъ Борисомъ Ивановичемъ Мещерскимъ, добрымъ и кроткимъ молодымъ человѣкомъ, котораго горячо полюбила. Богъ не судилъ ей земнаго счастья: черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы молодой князь, простудившись на охотѣ, занемогъ горячкою и умеръ. Евдокія Николаевна осталась послѣ него беременною, въ глубокой горести и, какъ ей тогда казалось, безъ цѣли въ жизни.

Съ появленіемъ на свѣтъ дочери Анастасіи Евдокія Николаевна сознала, что не всѣ нити, привязывающія ее къ жизни, были порваны, что на ней лежали священныя обязанности матери, и она стала съ свойственной ей энергіею и добросовѣстностью готовиться къ трудному дѣлу воспитанія.

---

*) Разсказы бабушки, стр. 417—418.

Не легко было молодой княгинѣ въ первые годы ея вдовства. Къ тяжелому горю присоединились многія непріятности: притязанія нѣкоторыхъ лицъ на оставшееся послѣ покойнаго мужа имѣніе, распространеніе оскорбительныхъ слуховъ и обвиненій противъ нея самой, возмущенія крестьянъ. Но убѣдившись, что жить ей слѣдуетъ, что на ней есть обязанности, Евдокія Николаевна не уклонилась отъ борьбы, вынесла ее до конца. Не у французскихъ мыслителей XVIII вѣка, сочиненія которыхъ читала съ такимъ увлеченіемъ въ молодости, заимствовала она и силу, и мужество, которыя высказала: она почерпнула ихъ въ молитвѣ и въ чтеніи духовныхъ книгъ. Св. Димитрій Ростовскій былъ тотъ духовный писатель, котораго сочиненія особенно благотворно подѣйствовали на страдавшую ея душу. Припоминая, много лѣтъ спустя, свою тогдашнюю немощь, она называетъ святителя Димитрія своимъ цѣлителемъ и приписываетъ ему «свое обращеніе отъ безумнаго мудрованія.»

Въ 1799 году Евдокія Николаевна купила въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губерніи населенное имѣніе «Аносино.» Имѣніе было запущено, неустроено. Евдокія Николаевна привела его наскоро въ порядокъ и, выстроивъ въ немъ господскую усадьбу, обратила его въ свое лѣтнее постоянное мѣстопребываніе. Съ этого времени жизнь Евдокіи Николаевны стала понемногу входить въ тѣ рамки, въ которыя ей хотѣлось ввести ее. Весь день проходилъ въ занятіяхъ. Помимо разумнаго вниманія, которое она давала воспитанію дочери, управленію и устройству имѣній (въ томъ числѣ и новоприобрѣтеннаго), постоянныхъ попеченій о домашнихъ и о всѣхъ зависящихъ отъ нея людяхъ, она отыскивала сиротъ, призрѣвала ихъ, воспитывая многихъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ молодою княжною. Лѣтнее время, большею частію, проводили онѣ въ Аносинѣ, гдѣ княгиня построила церковь во имя св. князей Бориса и Глѣба. Въ 1814 году княжна Анастасія (дочь княгини) вышла замужъ за С. Н. Озерова, впослѣдствіи сенатора. Тогда же княгиня сдала дочери имѣнія отцовскія, а отчасти и свои собственныя.

«Съ 1816 по 1820 годъ—пишетъ княгиня Евдокія Николаевна въ своихъ запискахъ—я вела жизнь уединенную, прилежала къ церкви и, елико могла, пеклась о ввѣренныхъ мнѣ подчиненныхъ; у дѣтей въ городѣ въ зимнее время по нѣскольку недѣль гащивала для утѣшенія моей добрѣйшей дочери, ради семейнаго и моего удовольствія, и чтобы прежде времени не огласить моего твердаго намѣренія оставить міръ. Со времени кончины князя Бориса Ивановича я имѣла на душѣ обѣтъ устроить, въ память ему и на поминовеніе о его душѣ, что-либо полезное для ближняго. Храмъ устроился, и я стала замышлять новое; но разныя обстоятельства не допустили меня ни основать, ни совершить, чего мнѣ хотѣлось. Впослѣдствіи я пришла къ той мысли, что въ обширности мною задуманнаго закралось вѣроятно мое личное самолюбіе, почему Господь, по милости своей, и не попустилъ моему желанію совершиться. Въ 1820 году не по прежнему обширному плану, а по весьма ограниченному, я устроила при церкви богадѣльню на 12 женщинъ, которыя и заняли свои мѣста, 4 іюня, въ день рожденія покойнаго князя Бориса Ивановича.»

Въ слѣдующемъ году Евдокія Николаевна задумала учредить вмѣсто богадѣльни женское общежитіе при Аносинской церкви. Въ пользу общежитія она внесла въ Сохранную казну 10.000 р. и отрѣзала 8 десятинъ земли (планъ и межевая книга на эту землю хранятся въ монастырской ризницѣ). 4 мая 1822 года, въ день именинъ покойной Пелагіи Денисовны Тютчевой (матери Евдокіи Николаевны), архіепископъ Московскій Филаретъ освятилъ въ Аносинѣ храмъ Живоначальной Троицы и открылъ общежитіе, утвердивъ попечительницею княгину Евдокію Николаевну, смотрительницею—одну изъ сестеръ, Матрону Ивановну, *) и всѣмъ сестрамъ разрѣшилъ носить черную одежду и камилавки безъ покрывалъ. 4 іюня, съ разрѣшенія владыки, строитель

*) Вызвана княгинею изъ Александровскаго монастыря. Она положила въ Аносинскомъ общежитіи начало монастырскому устроенію.

Покровскаго монастыря, іеромонахъ Іона, постригъ въ рясофоръ смотрительницу и четырехъ сестеръ.

«Мнѣ уже теперь казалось, пишетъ княгиня,—что обѣты мои выполнены, какъ построеніемъ храма, такъ и учрежденіемъ общежитія, которое обезпечено было довольно по числу двѣнадцати человѣкъ, что я уже могу собою располагать, оставить міръ и сіе мѣсто и скрыться куда подалѣе до окончанія дней моихъ.»

Скрыться въ уединенномъ дальнемъ монастырѣ было давнишнимъ и постояннымъ желаніемъ Евдокіи Николаевны. Со времени замужества дочери свѣтскія отношенія, обязанности, заботы по управленію имѣній сдѣлались для нея особенно тягостными. «Уже не нахожу въ себѣ, писала она,—возможности достаточно служить тому званію и мѣсту, въ которыхъ по роду моему поставлена.» Она неоднократно обращалась за совѣтомъ и разрѣшеніемъ поступить въ монастырь къ старцу Амфилохію *), бывшему ея духовнику, и къ архимандриту Парѳенію **), ректору Московской семинаріи, позднѣйшему ея руководителю и наставнику въ духовной жизни, но и тотъ и другой, не опровергая ея намѣренія, совѣтовали: «оставлять неспѣшно и міръ, и домашрій бытъ.»

Теперь, отстроивъ храмъ и основавъ общежитіе, Евдокія Николаевна съ привычными ей желаніемъ и мыслями отправилась, въ половинѣ іюня 1822 года, во Владиміръ къ преосвященному Парѳенію. «По неоднократномъ совѣщаніи, пишетъ она, разборѣ обстоятельствъ, чувствъ души моей и совѣсти, преосвященный благословилъ меня наконецъ на выходъ изъ міра, но съ тѣмъ, чтобы я опредѣлилась въ Борисоглѣбское общежитіе.» Послѣ долгихъ письменныхъ разспросовъ и увѣщаній архіепископъ Московскій Филаретъ (бывшій тогда въ Петербургѣ) и митрополитъ Серафимъ

*) Гробовой іеромонахъ, при мощахъ святителя Димитрія въ Ростовѣ.

**) Парѳеній (Чертковъ)—съ 1821 года епископъ Владимірскій; скончался въ 1853 году архіепископомъ Воронежскимъ.

благословили ее также на поступленіе въ общежитіе; тоже сдѣлали и Калужскій преосвященный Филаретъ (Амфитеатровъ) и Ростовскій іеромонахъ старецъ Амфилохій. «Сколько лѣтъ удерживали, пишетъ княгиня, а теперь всѣ, въ разныхъ мѣстахъ находясь, въ одно почти время разрѣшили мнѣ и прислали свое благословеніе»

Передъ поступленіемъ въ общежитіе, княгиня по совѣту преосвященнаго Филарета, подала прошеніе объ обращеніи Борисо-Глѣбскаго общежитія въ монастырь, присоединивъ къ прошенію планы всѣхъ существующихъ уже зданій и указавъ на тѣ, которыя намѣревалась вновь выстроить на свой счетъ. «Въ прошеніи моемъ, пишетъ она, я представила въ игуменіи смотрительницу, а о себѣ молвила, чтобы благословлено мнѣ было войти въ число сестеръ, а по прошествіи трехлѣтія, Богу изволившу, принять мнѣ монашеское званіе. Отъ іюня 25, 1823 года, послѣдовалъ указъ объ обращеніи Борисо-Глѣбскаго общежитія въ Борисо-Глѣбскій Аносинскій общежительный дѣвичій монастырь и о поступленіи въ оный учредительницы его, княгини Евдокіи Николаевны Мещерской.»

Одна родственница княгини, соединенная съ нею искреннею дружбой *), разсказывала слѣдующее: «Когда все уладилось и общину разрѣшено было переименовать въ монастырь, княгиня очень обрадовалась и поѣхала къ архіепископу Филарету. Онъ и говоритъ ей:

*) Елисавета Петровна Янькова, рожденная Римская-Корсакова, двоюродная сестра отца моего. Она родилась въ 1768, а скончалась въ 1861 году. Родной внукъ ея отъ дочери Д. Д. Б—во собралъ и записалъ устные ея разсказы. Онъ замѣчаетъ, что она „сохранила почти до самой своей кончины твердую память, въ особенности когда рѣчь касалась *прошлаго*. Всѣ члены рода Корсаковыхъ жили весьма долго, но бабушка Елизавета Петровна всѣхъ превзошла своимъ долгоденствіемъ. Она живо помнила всѣ преданія семейства, восходившія до временъ Петра I, и разсказывала съ удивительною подробностью, помня иногда годы и числа: кто былъ на комъ женатъ, у кого было сколько дѣтей; словомъ сказать она была живою лѣтописью всего XVIII столѣтія и половины XIX.“

— Вотъ ваше желаніе, княгиня, исполнилось, теперь только вамъ слѣдуетъ принять постриженіе и вступить въ управленіе новою обителью.

Это ее очень смутило.

— Постриженіе я готова принять, владыко, говоритъ она ему,—а начальства я не желаю; мнѣ лучше повиноваться, чѣмъ повелѣвать...

— Вы основательница и учредительница, кому же быть и настоятельницей какъ не вамъ; готовьтесь къ постриженію.

— Да къ постриженію-то я рада съ великою любовію приготовляться, но отъ начальства избавьте...

— Если хотите быть монахиней, то прежде всего научитесь послушанію и этимъ докажите, что умѣете повиноваться; а если желаете, чтобы община стала монастыремъ, то сами и сдѣлайтесь игуменьей. Предоставляю вашему рѣшенію, иначе монастырь открытъ не будетъ. Выбирайте.

Княгиня пришла въ великое затрудненіе: желала монашества, а начальства избѣгала и хотѣла, чтобы община была обращена въ монастырь, а монастыря не хотѣли открывать, ежели она не приметъ начальства.

Какъ тутъ быть? Дѣлать было нечего, княгинѣ пришлось сдѣлаться монахиней, а монахинѣ нельзя было ослушаться своего архіерея. Согласилась.

— Да будетъ, говоритъ, воля Божія и ваша, что̀ благословите, то и сдѣлаю.

Владыка самъ пожелалъ постричь княгиню и совершилъ этотъ трогательный обрядъ подъ Воздвиженьевъ день, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, что̀ въ Кремлѣ. Тамошняя игуменья Аѳанасія была почтенная старица и раба Божія; она была воспріемница отъ Евангелія; княгиню Евдокію назвали Евгеніей.

Всѣ родные и близкіе съѣхались на постриженіе, и очень было это трогательно и умилительно видѣть, какъ постригаемая плакала и произносила обѣты...

На слѣдующій день за обѣдней новопостриженную посвятили во игуменію, и она отправилась къ себѣ въ общину,

которую переименовали монастыремъ, а для открытія и встрѣчи былъ туда отправленъ одинъ изъ Московскихъ архимандритовъ.

Новая игуменія завела у себя въ монастырѣ самый строгій порядокъ и во всемъ себѣ отказала: келью имѣла самую убогую, пищу очень простую и суровую, и даже спала не на постели, а на досчатой скамьѣ на войлокѣ, прикрываясь своею монашескою одеждой, и только предъ концомъ жизни стала дѣлать себѣ нѣкоторыя послабленія ради немощей тѣлесныхъ.

Не смотря на свое косноязычіе, она часто читала въ церкви и очень ясно и внятно; бывала у всѣхъ службъ и своею жизнію для всѣхъ монахинь была примѣромъ подвиговъ и душеспасительнаго житія.

Достигнувъ давно желаемаго и оставивъ міръ, къ которому сердце ея не лежало, она не избѣгла искушеній, удалившись въ монастырь, который сама устроила и гдѣ была настоятельницей,—гдѣ стало быть и дѣлалось все по ея желанію... Видно отъ *себя* да отъ скорбей никуда не уйдешь. Была у нея казначея Серафима, преумная, прерасторопная и дѣловая, но самоправная и пронырливая. Сперва она лебезила предъ игуменьей и старалась вкрасться въ ея довѣріе и расположеніе, а потомъ, какъ добилась этого, и стала мутить въ монастырѣ, всѣхъ смущать и возстановлять противъ игуменіи изподтишка, какъ будто сама тутъ не при чемъ... Игуменія сперва этого и не подозрѣвала, а потомъ, какъ увидѣла, откуда все зло, очень этимъ огорчилась, но такъ какъ была въ самомъ дѣлѣ смиренна сердцемъ и не властолюбива, то и хотѣла было сложить съ себя бремя начальства; нарочно уѣзжала на богомолье въ Кіевъ и не малое время была въ отсутствіи, думая, что между тѣмъ все успокоится въ монастырѣ. Она долго таила это отъ митрополита Филарета и просилась на покой, будучи готова уступить свое мѣсто Серафимѣ, но митрополитъ на это не соизволилъ, и когда подробно узналъ въ чемъ дѣло, то казначею смѣнилъ и послѣ того выслалъ изъ своей епархіи.»

Тогда игуменья вздохнула свободнѣе и пожелала имѣть казначеею свою бывшую служительницу, а потомъ келейницу Александру, названную въ монашествѣ Анастасіею. Это была добрая и простая монахиня, очень недалекая, но усердная и преданная; на ея рукахъ игуменья и скончалась въ 1837 году 2 февраля, и послѣ ея смерти Анастасія была ея преемницею.

ВОЛКОНСКІЙ,

князь Владиміръ Михайловичъ.

Начитавшись смолоду Вольтера и Дидерота, онъ ни во что святое не вѣрилъ: по имени христіанинъ, а говорилъ, какъ язычникъ и лѣтъ сорокъ или больше не былъ на духу, не причащался.

Онъ любилъ ходить пѣшкомъ и спрашивать у лавокъ, почемъ крупа, овесъ, мука, по какой цѣнѣ сѣно. Какъ-то осенью въ базарный день идетъ онъ черезъ сѣнную площадь. Торгъ кончился, всѣ разъѣхались; стоитъ только какой-то старикъ-мужичекъ съ двумя возами.

— Почемъ продаешь сѣно? спрашиваетъ князь.

— Купите, батюшка, говоритъ старикъ,—дорого не возьму, и сказалъ цѣну.

— А сколько въ возахъ? нужно вывѣсить.

И потомъ прибавилъ: «Вотъ что, любезный, свѣшай-ко, сколько во мнѣ вѣсу». Мужичекъ покачалъ головой и не тронулся съ мѣста.

— Что же ты головой качаешь? спрашиваетъ князь Владиміръ,—что тутъ тебѣ страннаго?

— Да, баринъ батюшка, подлинно чудно мнѣ это...

— Что-жь тебѣ чудно?

— А вотъ что, мой кормилецъ, не въ обиду будь сказано вашей милости: намъ съ тобою, батюшка, здѣсь вѣшаться не приходится...

— Отчего же такъ?

— Да такъ, батюшка, мы старички съ тобою, не на этихъ вѣсахъ намъ слѣдуетъ вѣшаться; насъ вонъ «гдѣ» съ тобою будутъ вѣшать, и указалъ пальцемъ на небо.

Князь засмѣялся:

— Ну, это еще вопросъ, полно есть ли «тамъ» и вѣсы-то.

Мужичекъ перекрестился...

— Ахъ, что ты, родимый, да какъ же можно, «тамъ» всѣхъ взвѣшиваютъ.

— Кто-жь это знаетъ.

— Вотъ что, батюшка мой, выслушай мою глупую рѣчь... Ты говоришь, что «тамъ» вѣсовъ нѣтъ, а мнѣ такъ думается, что есть, ну такъ и живется; умри я, умри ты, я въ накладѣ-то не буду, а тебѣ какъ бы не прогадать, батюшка; тогда вѣдь ужь не воротишься назадъ.

Князь задумался, велѣлъ старику отвезти оба воза сѣна къ себѣ на дворъ и сказать, чтобы дворецкій принялъ, а самъ пришелъ къ близкой ему родственницѣ, Е. П. Янковой, да все это ей и разсказываетъ.

— Вотъ, говоритъ, сестра,—что ты на это скажешь?

«Въ другое время я съ нимъ объ этомъ и разговаривать бы не стала, говорила старушка, — что толку спорить... А тутъ я, сама не знаю почему, ужасно обрадовалась.

— Ну, слава Богу, говорю я,—это Господь тебя къ Себѣ невѣдомыми путями призываетъ, обращенія твоего ждетъ.

— Что же ты мнѣ посовѣтуешь? Докажи мнѣ кто-нибудь, что я въ заблужденіи, я не прочь увѣровать.

— Ежели ты это взаправду говоришь, совѣтую тебѣ съѣздить къ митрополиту Филарету, и все ему подробно объяснить, а тамъ ты увидишь, что онъ тебѣ скажетъ.

Господь видимо его къ себѣ призывалъ (говоритъ Е. П. Янькова). Онъ меня послушался и поѣхалъ къ митрополиту, и долго у него сидѣлъ. Владыка выслушивалъ его, опровергалъ его сомнѣнія и потомъ сказалъ ему, что пришлетъ къ нему протоіерея, съ которымъ онъ можетъ подробнѣе по-

говорить, убѣдиться въ истинности ученія нашей церкви, и можетъ взять его въ духовные отцы.

На слѣдующій день къ нему отъ митрополита пришелъ протоіерей церкви Троицы, что на Арбатѣ, Сергій Ивановичъ.

Онъ сталъ у брата бывать, приносилъ ему книги, объяснялъ ему, чего онъ не понималъ, не зная по-славянски, и наконецъ братъ пожелалъ говѣть, подробно исповѣдалъ всѣ грѣхи прошлой жизни и сподобился принятія Святыхъ Христовыхъ Таинъ›.

Съ тѣхъ поръ онъ ежегодно говѣлъ, соблюдалъ посты и посѣщалъ храмъ Божій до конца своей жизни *).

Князя В. М. встрѣчалъ я у Е. П. Яньковой. Послѣ своего обращенія къ вѣрѣ онъ вскорѣ скончался.

РЕДСТОКЪ

Шотландскій лордъ, протестантскій миссіонеръ. Въ 1877 году появился лордъ Редстокъ со своими бесѣдами въ такъ-называемомъ высшемъ или образованномъ обществѣ, сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ. Нѣкоторые журналы говорили объ немъ: одни хвалили ревность его въ проповѣданіи слова Божія и находили, что бесѣды лорда полезны для его слушателей; другіе, напротивъ, видѣли въ немъ проповѣдника ультрареформатскаго, увлекающаго православныхъ въ лжеученія и ересь. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этомъ предметѣ, я рѣшился видѣться съ лордомъ Редстокомъ въ одномъ знакомомъ домѣ, куда я былъ приглашенъ, вмѣстѣ съ многими другими лицами, выслушать съ полнымъ вниманіемъ и, если можно, записать его слово. Несмотря на старость, память моя еще сохранилась настолько, что я могъ исполнить свое намѣреніе: бесѣда записана вполнѣ, хотя, конечно, не слово въ слово, но съ сохраненіемъ всѣхъ мыслей проповѣдника и даже главныхъ оборо-

*) Разсказы бабушки, стр. 430.

товъ рѣчи. Нужно замѣтить, что лордъ говоритъ на французскомъ языкѣ очень медленно, не очень правильно, и съ замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ. Записывать слова его было не трудно.

Общество, въ которомъ большинство составляли дамы, довольно долго дожидалось лорда Редстока Наконецъ онъ взомы увидѣли человѣка лѣтъ 40, пріятной наружности, съ ласвымъ взглядомъ и изящными манерами. Прошло нѣсколько времени въ угощеніи чаемъ. Потомъ этотъ дорогой гость, по просьбѣ хозяйки, началъ бесѣду. Онъ вынулъ изъ кармана стереотипную французскую библію самаго малаго формата, раскрылъ ее и сталъ говорить такъ:

«Исполняя ваше желаніе, я готовъ побесѣдовать съ вами о Христѣ, и избираю темою слова апостола Павла къ Евреямъ, поразившія меня (qui m'ont frappé) сегодня при чтеніи Новаго Завѣта:

«Единожды, къ концу вѣковъ, явился съ жертвою Своею для уничтоженія грѣха» (Евр. 9, 26).

«Кто это явился? Явился Богъ, сдѣлавшись человѣкомъ и не переставая быть Богомъ, Богомъ всеправеднымъ и всеблагимъ. Явился однажды, потому что одного явленія Его (son unique apparition) было вполнѣ достаточно для спасенія всего міра; явился въ концѣ вѣковъ, потому что эти вѣки — почти 20 столѣтій *) служили подготовленіемъ къ Его приходу на землю; явился съ тѣмъ, чтобы уничтожить грѣхъ Своею жертвою. Помыслимъ объ этомъ.

«Что такое грѣхъ? Нарушеніе воли Божіей, поступокъ противный Богу (action contraire à Dieu). Во всѣ вѣка, сначала существованія рода человѣческаго, грѣхъ угнеталъ совѣсть людей и заставлялъ ихъ искать религіи, какъ средства для пріобрѣтенія блаженства въ будущей жизни за предѣлами гроба. Люди, болѣе другихъ просвѣщенные и благонамѣренные, прибѣгали съ этою цѣлію къ разнымъ

*) Почему же 20, а не 50 слишкомъ вѣковъ? Это осталось для меня непонятнымъ.

средствамъ, но всегда безуспѣшно, потому что человѣкъ, хотя бы всю жизнь свою употреблялъ для снисканія добродѣтели и правды, не можетъ своими собственными усиліями удовлетворить вполнѣ правдѣ Божіей. Всѣ эти попытки (tous ces essais) оставались безплодными и грѣхъ продолжалъ царствовать въ мірѣ.

«Когда появилась приготовительная религія (religion préparatoire), каждый грѣхъ, по закону Моисееву, подвергалъ грѣшника, какъ нарушителя заповѣдей Божіихъ, смерти, не смерти тѣлесной, а смерти духовной (mort spirituelle), т.-е. вѣчному отлученію отъ Бога. Начались кровавыя жертвы въ скиніи Моисеевой и храмѣ Соломона, причемъ лучшіе изъ Евреевъ могли видѣть первообразъ будущей, величайшей, всемірной жертвы въ томъ агнцѣ, который пылалъ ежедневно, въ видѣ всесожженія (en holocauste) въ притворѣ храма. И во храмъ нельзя было войти иначе, какъ проходя мимо этого агнца (en passant par l'agneau?).

Здѣсь наплывъ новыхъ гостей остановилъ проповѣдника; онъ замолчалъ. Пока новопришедшіе здоровались со знакомыми, я воспользовался нѣсколькими свободными минутами и замѣтилъ лорду, что первообразъ жертвы Христовой можно было указать вѣрнѣе въ ежегодномъ жертвоприношеніи ветхозавѣтнаго первосвященника, или въ «козлѣ отпущенія», на котораго возлагались грѣхи народа (Лев. гл. 16). Онъ отвѣчалъ мнѣ, что еще будетъ говорить объ этомъ. «Впрочемъ, прибавилъ онъ, прообразованій Христа въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ много, что перечислить ихъ невозможно. Самъ Христосъ говоритъ, что они начались съ Авеля и окончились смертію Захаріи, сына Варахіина, убитаго между церковью и алтаремъ» (Мѳ, 23, 35). Почему слова Спасителя, сказанныя въ обличеніе фарисеямъ, онъ принимаетъ за указаніе прообразованій, я не могъ понять. Хотѣлъ было получить объясненіе, но въ это время хозяйка попросила лорда Редстока продолжать бесѣду; онъ счелъ нужнымъ повторить кратко, для новыхъ слушателей, сказанное имъ прежде и продолжалъ такъ:

«Наступило время откровенія (révélation), и проповѣдникъ покаянія, Іоаннъ Креститель, возвѣщаетъ агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра. Наконецъ видимо является Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ (devenu homme). Онъ всегда былъ Богомъ, но за XIX вѣковъ до насъ Онъ сталъ человѣкомъ. При своемъ появленіи на землѣ (à Son apparition sur la terre), Онъ принялъ на Себя всѣ грѣхи человѣковъ, все проклятіе, какъ послѣдствіе грѣха, и сдѣлался Спасителемъ человѣческаго рода. Древній верховный жрецъ (souverain sacrificateur) входилъ въ святилище каждый годъ по однажды, принося жертву за грѣхи народа и за свои собственные. Но Христосъ не имѣлъ въ томъ нужды, какъ Богъ безгрѣшный, Онъ исполнилъ сіе единожды, принеся въ жертву не кровь животныхъ, но Себя Самого, дабы подъять на Себѣ грѣхи многихъ (Евр. 9, 28).

«Въ великомъ жертвоприношеніи Спасителя нашего, безконечная правда Божія примирилась съ безконечнымъ Божіимъ милосердіемъ. Помню, что однажды, бывъ въ Сиріи, я видѣлъ трехъ старѣйшинъ одного селенія, которые, сидя вечеромъ подъ тѣнью пальмы, разсуждали о безпредѣльности правосудія и милосердія Божія. «Какъ же это? говорили они. Если Богъ милосердъ, Онъ проститъ грѣшнику всѣ грѣхи его; если же Онъ правосуденъ, то безъ милости покараетъ грѣшника.» Тогда подошелъ къ нимъ одинъ изъ рабовъ ихъ и просилъ позволенія сообщить свое мнѣніе. «Думаю—сказалъ онъ—Богъ, по правосудію Своему, покараетъ и истребитъ грѣхъ, а по милосердію Своему, помилуетъ грѣшника.»

«Не правда ли, какую прекрасную мысль высказалъ этотъ бѣднякъ, не знающій Христа? Мы же можемъ не ограничиваться однимъ предположеніемъ, а должны твердо вѣрить, что грѣхи наши поглощаются въ неизмѣримой пучинѣ благости Божіей (dans l'abime sans bornes de la bonté divine).

«Прежде Откровенія, человѣкъ оставался безъ отвѣта, когда обращался съ молитвою къ Богу. Постараемся объяснить это примѣромъ: одинъ человѣкъ имѣлъ нужду получить отъ

другаго, живущаго въ Калькуттѣ, отвѣтъ по дѣлу, отъ котораго зависѣла вся его участь (tout son sort). По совѣту пріятеля, посылаетъ депешу въ Калькутту, отвѣта нѣтъ. Телеграфируетъ снова черезъ недѣлю, черезъ годъ, черезъ два года,—все безуспѣшно. Наконецъ,—черезъ 20 лѣтъ, пріятель спрашиваетъ его: «имѣешь ли отвѣтъ на твои депеши?»—«Нѣтъ, не имѣю, но продолжаю посылать ихъ, и повѣришь ли, всякій разъ чувствую утѣшеніе, когда телеграфирую!» Этого несчастнаго нельзя не признать безумцемъ, но замѣтьте, и онъ всякій разъ получалъ утѣшеніе, когда телеграфировалъ. Какимъ же утѣшеніемъ должны наслаждаться (jouir) мы, сдѣлавшіеся по искупленіи чадами Божіими, когда обращаемся къ Богу, Отцу нашему небесному, съ воплемъ сердца вѣрующаго: Авва Отче!

«Съ полною увѣренностію въ Его милосердіи, съ полною надеждой на Его отеческую безпредѣльную благость, можемъ мы молить Его о всѣхъ нашихъ нуждахъ, духовныхъ и тѣлесныхъ. Да не смущаютъ насъ грѣхи наши, омытые Его кровію. Жертва Христова—жертва всесовершенная и полная; она не нуждается ни въ какой новой, дополнительной жертвѣ съ нашей стороны. Скажу еще болѣе: это было бы выраженіемъ непростительной гордости, еслибъ мы вздумали какими-нибудь подвигами, жертвами или заслугами дополнять великую жертву Христову. По слову апостола, мы спасены благодатію чрезъ вѣру, а не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился (Еф. 2, 8, 9).

«Мнѣ возразятъ: если всѣ грѣхи наши уже прощены и не могутъ обременять нашей совѣсти, то для чего же должны мы, читая молитву Господню, испрашивать прощенія грѣховъ нашихъ? Отвѣчаю примѣромъ: если мой ребенокъ въ чемъ-нибудь провинился предо мною, напримѣръ, не выучилъ заданнаго ему урока, а я, возвратясь домой, строго выговариваю ему за это, онъ съ дѣтской простотой проситъ у меня прощенія и обѣщаетъ исправиться. Дитя проситъ прощенія, но не проситъ, чтобы я снова считалъ его своимъ сыномъ; не проситъ потому, что знаетъ, что и провинив-

шись предо мною, онъ все-таки остается моимъ сыномъ. Такъ и мы должны быть всегда увѣрены, что остаемся чадами Божіими, какъ бы ни были велики грѣхи наши, уничтоженные (anéantis) жертвою нашего Спасителя.

«Какъ же намъ не любить Его, не любить всѣмъ сердцемъ, всею душей, всѣми мыслями ума своего, во всякое время, во всю жизнь, до самаго перехода въ жизнь вѣчную! А между тѣмъ мы должны признаться со стыдомъ и скорбію, что мы мало любимъ нашего возлюбленнѣйшаго, нашего сладчайшаго (trés—doux) Спасителя, или даже вовсе не любимъ Его. Если мы кого любимъ, то стараемся проводить съ нимъ время, считаемъ за счастіе быть съ нимъ наединѣ. А предложите кому-нибудь изъ насъ остаться наединѣ со Христомъ: обрадуется ли Онъ этому предложенію, или скорѣе ужаснется (serait effrayé)? Самъ любимый ученикъ Христовъ, Іоаннъ Богословъ, любившій Христа болѣе, нежели другіе апостолы, говоритъ, что Богъ прежде возлюбилъ насъ, а не мы Его, слѣд. и самъ Іоаннъ прежде не любилъ Бога (?).»

Далѣе проповѣдникъ распространился, съ большимъ чувствомъ, о любви Христа Спасителя къ намъ и нашей обязанности любить Его, приводилъ примѣръ женщины, омывавшей слезами ноги Спасителя, и окончилъ бесѣду свою такъ:

«Видите, въ Немъ одномъ наше спасеніе, по слову ангела, предсказавшаго Іосифу рожденіе Спасителя: «наречешь имя Ему Іисусъ; ибо Онъ спасетъ народъ свой отъ грѣховъ ихъ» (Матѳ. 1, 21). Восхвалимъ же Его словами Дѣвы (la Vierge): «Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасителѣ моемъ. Милость Его въ роды родовъ боящимся Его» (Лук. 1, 46. 47. 50). Прибѣгнемъ съ молитвою любви къ Отцу нашему небесному.»

Послѣ такого конца рѣчи, я думалъ, что самозванный миссіонеръ, закрывшій свою Библію, начнетъ молиться вмѣстѣ съ своими слушателями (какъ онъ и дѣлалъ въ нѣкоторыхъ домахъ); я хотѣлъ уже встать и уклониться отъ этой молитвы, на основаніи церковныхъ правилъ (апостоль-

скихъ 45 и 65 и Лаодикійскаго Собора 33), запрещающихъ молиться съ еретиками, подъ страхомъ отлученія отъ Церкви.

Но молитвы не послѣдовало и начались обыкновенные житейскіе разговоры. Улучивъ время, я рѣшился поговорить съ лордомъ.

По поводу ученія его о спасеніи чрезъ одну только вѣру, безъ дѣлъ благочестія, я указалъ ему на слова апостола: «какъ мертво тѣло безъ духа, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва.» (Іак. 2, 17—26). Онъ отвѣчалъ, что не отвергаетъ добрыхъ дѣлъ, но предпочитаетъ вѣру, которая учитъ смиренію, между тѣмъ какъ дѣла ведутъ къ духовной гордости. Я продолжалъ далѣе: «Вы привели примѣръ несчастнаго безумца, который употребилъ цѣлую жизнь на то, чтобы посылать депеши въ Калькутту, никогда не имѣлъ отвѣта, но чувствовалъ какое-то утѣшеніе при отправкѣ каждой депеши. Этотъ несчастный могъ искать какого-либо другаго способа сообщенія съ лицемъ, отъ котораго зависѣлъ его жребій, напримѣръ, искать друзей этого лица и обратиться къ нимъ съ просьбою о ходатайствѣ. Такимъ ходатайствомъ можетъ всегда пользоваться православный христіанинъ, ищущій подкрѣпленія своей молитвы къ Богочеловѣку-Спасителю, отъ Пречистой Его Матери (которую вы просто называете Дѣвою), безплотныхъ Силъ и всѣхъ отъ вѣка благоугодившихъ Богу. Православному христіанину даровано еще важнѣйшее средство для спасенія—соединеніе съ самимъ Христомъ въ таинствѣ евхаристіи: вкушающій кровь и плоть Христову во Христѣ пребываетъ и Христосъ въ немъ; а не вкушающій сей небесной пищи не имѣетъ жизни въ себѣ (Іоанн 6, 56 и 54). Для чего вы ни слова не сказали объ этомъ предметѣ?» Лордъ Редстокъ отвѣчалъ: «Никакого посторонняго ходатайства за насъ предъ Спасителемъ я не принимаю и не признаю нужнымъ. Евхаристіей дорожу, какъ воспоминаніемъ о Тайной Вечери, но предпочитаю ей слово Божіе, потому что слушающій сіе слово и вѣрующій въ Бога имѣетъ жизнь вѣчную» (Іоанн. 5, 24).

Этотъ отвѣтъ убѣдилъ меня вполнѣ, что я разговариваю съ еретикомъ. Оставивъ его, я ушелъ въ кабинетъ хозяина и тамъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ В. И. Коптевымъ, человѣкомъ всецѣло преданнымъ православной церкви, искренно пожалѣлъ о тѣхъ, которые съ жадностію внимаютъ слову человѣка, чуждаго всякаго вѣроисповѣданія, когда могли бы наслаждаться ученіями Филарета, Иннокентія и другихъ нашихъ проповѣдниковъ, не говоря уже о писаніяхъ отеческихъ. Почему чуждаются они доброй и чистой пищи душевной, предпочитая ей пищу смѣшанную съ ядомъ?

Можетъ быть потому, что сидящимъ въ изящной гостиной, на мягкой мебели, при щедромъ угощеніи, гораздо пріятнѣе слушать духовную бѣседу на любимомъ иностранномъ языкѣ, нежели внимать служителю слова и таинствъ, говорящему по-русски и часто произносящему тексты Св. Писанія на языкѣ малопонятномъ. Притомъ въ храмѣ нужно стоять на ногахъ и довольствоваться исключительно одною духовною пищей.

Но есть еще и другая причина, привлекающая слушателей и особенно слушательницъ къ нашему самозванному миссіонеру: это легкость того широкаго пути къ спасенію на который онъ указываетъ. Довольно, по мнѣнію его, одной вѣры. Нужно только любить Христа, принявшаго на Себя грѣхи наши. А можетъ ли существовать эта воображаемая любовь, когда она не сопровождается усильными трудами въ самоисправленіи, а еще болѣе, когда не подкрѣпляется таинствами, соединяющими насъ со Христомъ?

Что сказать о самой личности лорда Редстока? Судя по горячему чувству, съ которымъ говорилъ онъ о заслугахъ Искупителя и о любви къ Нему, можно думать, что онъ дѣйствуетъ искренно, по убѣжденію. Если онъ такъ много любитъ Христа въ сердцѣ, какъ выражаетъ эту любовь на словахъ, то можно надѣяться, что милосердый Господь даруетъ ему познать истину и приведетъ его въ истинное Свое стадо — въ святую православную церковь.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные. По плодамъ ихъ узнаете ихъ.» (Матѳ, 7, 15). Вотъ эти плоды: лжепророки хотятъ усыпить нашу совѣсть неосновательными надеждами на спасеніе одною вѣрою, удаляя, такимъ образомъ, отъ дѣятельной христіанской жизни и даже отъ св. Таинствъ, связующихъ насъ неразрывнымъ союзомъ со Святою, соборною и апостольскою церковію. Да сохранитъ насъ Господь отъ такихъ лжепророковъ!

СОКОЛОГОРСКІЙ

Константинъ Ивановичъ, докторъ медицины. Съ 1845 года занялся практикой, которая открылась для него въ лучшихъ домахъ Москвы, и при той внимательности и добросовѣстности, которыми отличался, былъ всецѣло поглощенъ ею. Отсюда начинается его самоотверженная дѣятельность на пользу ближняго, которой онъ оставался вѣренъ до кончины. Нерѣдко съ 9 часовъ утра до 8 вечера онъ былъ занятъ безъ отдыха, то пріемомъ, то визитами; пообѣдавъ, прочитывалъ *Моск. Вѣд.* и часа два занимался чтеніемъ спеціальныхъ сочиненій и писаніемъ замѣтокъ о больныхъ. Доступность всѣмъ отличала его постоянно. Недостаточнымъ посѣтителямъ онъ нерѣдко отдавалъ получаемые отъ предыдущихъ, на лекарство или пищу, необходимую, чтобы лекарство помогало. Кромѣ частной практики, К. И. служилъ врачемъ при Палатѣ Государственныхъ Имуществъ и Дамскомъ Попечительствѣ о бѣдныхъ, но далеко не воспользовался выгодами службы. При послѣднемъ учрежденіи онъ состоялъ 21 годъ безмездно, посѣщая три пріюта и двѣ богадѣльни и помогая призрѣваемымъ изъ собственныхъ средствъ.

К. И. до конца сохранилъ юношескую отзывчивость на все доброе, ясность мысли и бодрость духа. Уже

лежа на одрѣ болѣзни, въ лихорадкѣ, онъ продолжалъ еще принимать больныхъ и, не въ состояніи писать самъ своей, дрожавшей послѣдніе годы, рукой, диктовалъ рецепты, пока не выбивался изъ силъ. Онъ весь принадлежалъ больнымъ. Пріемъ каждаго новаго лица, безъ различія состоянія, продолжался весьма долго, ибо К. И. держался взгляда о необходимости познакомиться съ состояніемъ здоровья паціента во всѣхъ подробностяхъ, начиная съ дѣтства. Въ послѣдніе годы пріемъ, обыкновенно назначаемый до трехъ часовъ, нерѣдко затягивался до пяти, такъ какъ онъ не хотѣлъ заставлять паціентовъ приходить во второй разъ. Выпивъ чаю, онъ выѣзжалъ на визиты часовъ до восьми и вечеръ проводилъ опять въ занятіяхъ. Не мало времени отнимала у него корреспонденція: письменные совѣты въ отвѣтъ на обращаемые къ нему изъ разныхъ городовъ запросы. К И. до послѣдняго времени слѣдилъ за наукой, получая постоянно всѣ русскіе и многіе иностранные медицинскіе журналы.

Это былъ человѣкъ глубоко русскій. Горячій почитатель М. Н. Каткова, онъ посѣтилъ его передъ кончиной въ Знаменскомъ и, грустно покачивая головой, говорилъ, что надежды болѣе нѣтъ.

К. И. не посѣщалъ никакихъ общественныхъ собраній и увеселеній и совсѣмъ не пилъ вина. Онъ строго соблюдалъ уставы церкви и старался не пропустить ни одного праздничнаго богослуженія, поминая слова Спасителя: «Гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ». Любимымъ его отдыхомъ была поѣздка въ Троице-Сергіеву Лавру, гдѣ онъ бывалъ 3 – 4 раза въ годъ; любимымъ чтеніемъ Свящ. Писаніе и книги духовнаго содержанія. Его доброта, кротость и незлобіе были удивительны. Христіанское чувство такъ сильно проникало его, что, строгій къ себѣ, онъ никого не рѣшался осуждать и всегда умѣлъ простить и извинить всякому.

КОЛЬРЕЙФЪ,

Павелъ Ивановичъ, пасторъ лютеранской кирки св. Михаила *), извѣстный въ свое время проповѣдникъ. Онъ былъ человѣкъ добродѣтельный и благочестивый, а для прихожанъ своихъ, особенно для нуждающихся, истинный отецъ. Ѳ. А. Голубинскій (см. это слово) былъ съ нимъ близко знакомъ и уважалъ его. Лучшая изъ проповѣдей Кольрейфа — на смерть императора Александра I, была переведена студентами Моск. Дух. Академіи на нѣмецкомъ классѣ. Кстати замѣчу, что и я, для упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ, переводилъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ, по указанію моего незабвеннаго наставника, отрывки изъ великаго канона Андрея Критскаго и изъ канона Пасхи. Лично видѣлъ я старика Кольрейфа только разъ, бывши въ гостяхъ у младшаго его сына.

У П. И. Кольрейфа было два сына. Старшій изъ нихъ Іосифъ, человѣкъ очень тихій, скромный и молчаливый, окончилъ курсъ кандидатомъ въ Дерптскомъ университетѣ по богословскому факультету. Получивъ оттуда же дипломъ на степень магистра богословія (лютеранскаго), онъ былъ назначенъ помощникомъ отца своего, а по смерти послѣдняго былъ его преемникомъ.

Съ младшимъ сыномъ Кольрейфа, Юліемъ, я былъ близко знакомъ, потому что въ вакацію 1830 года онъ провелъ нѣсколько недѣль у Ѳ. А. Голубинскаго для приготовленія къ экзамену изъ русской словесности, причемъ мы видались почти ежедневно, и послѣ того держали оба вмѣстѣ экзаменъ въ студенты Московскаго Университета. Юноша жи-

*) Замѣчательно, что въ заглавіи своихъ проповѣдей и изданныхъ имъ лютеранскихъ молитвъ Кольрейфъ всегда называлъ себя не пасторомъ, а проповѣдникомъ (Prediger). Онъ секретно признавался Ѳ. А. Голубинскому, что сомнѣвается въ своемъ священствѣ, какъ не принявшій законной хиротоніи по уставу древней вселенской церкви. Сомнѣніе—вполнѣ справедливое.

вой и пылкій, Юлій на второмъ курсѣ этико-политическаго (нынѣ юридическаго) факультета замѣшался въ революціонный заговоръ, извѣстный подъ именемъ Сумбуровскаго, былъ арестованъ и преданъ суду. По приговору суда, Сумбуровъ былъ сосланъ въ каторгу, а Юлій, вмѣстѣ съ другими сообщниками, отданъ въ солдаты, на Оренбургскую линію, прослужилъ тамъ шесть лѣтъ, наконецъ произведенъ въ офицеры, уволенъ въ отставку и возвратился въ Москву, страдая чахоткою. Вскорѣ онъ умеръ, а за нимъ послѣдовалъ въ могилу отецъ, потрясенный на старости лѣтъ сначала несчастною участію любимаго сына, а потомъ его смертію.

ЧИРКИНЪ

Николай Семеновичъ, старожилъ слободы Мстеры, Владимірской губерніи. Онъ отличался во всю жизнь прекрасною памятью. Его разсказы о прожитомъ возбуждали всегда громадный интересъ въ его односельчанахъ. Между прочимъ' онъ всегда всѣмъ посѣщавшимъ его преподавалъ нравственныя поученія, совѣтовалъ жить въ страхѣ Божіемъ, поясняя житіями святыхъ отцовъ, которыя самъ перечитывалъ ежедневно, проводя ночи и дни въ постоянной молитвѣ и поученіяхъ приходящимъ къ нему.

Воздержный въ теченіе жизни въ пищѣ и питіи, за 18 дней до кончины старецъ отказался отъ всякой пищи и, совершенно лишенный силъ, скончался 18 января 1891 года, на 98 году отъ рожденія. Въ 1850 году онъ былъ строителемъ мѣстной единовѣрческой церкви, въ которой и было ему отслужено соборне отпѣваніе нарочно приглашеннымъ единовѣрческимъ духовенствомъ.

Мнѣ случилось встрѣтить Чиркина въ 1849 году на похоронахъ купца Егорова, раскольника поповщинской секты, служившаго агентомъ Моск. Благотв. Общества. Въ качествѣ правителя дѣлъ Общества, я былъ въ мундирѣ (придворномъ),

съ любопытствомъ слушалъ раскольничій чинъ отпѣванія и по временамъ молился съ троеперстнымъ сложеніемъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ молодой человѣкъ съ небольшою бородкой, повидимому помощникъ часовеннаго старосты и говоритъ: «Здѣсь вамъ нельзя молиться съ троеперстнымъ сложеніемъ». Я отвѣчалъ: «Я могу молиться и вашимъ двоеперстіемъ» и притомъ объяснилъ значеніе того и другаго сложенія перстовъ. Чрезъ нѣсколько минутъ тотъ же распорядитель раскольничьихъ церемоній снова подошелъ ко мнѣ, запрещая употреблять двоеперстіе.—«Почему же?» спросилъ я.—«Потому, что вы браду имѣете обритую.»—«Вотъ погоди, отвѣчалъ я; тебя отдадутъ въ солдаты и брада твоя будетъ обрита.» Отъ этихъ словъ онъ сконфузился и оставилъ меня въ покоѣ. Нужно замѣтить, что это происходило въ часовнѣ Рогожскаго кладбища, въ царствованіе Николая Павловича, когда раскольники находились подъ строгимъ присмотромъ.

ТОЛСТАЯ,

графиня Анна Георгіевна, дочь князя Георгія Александровича Грузинскаго, правнука Вахтанга — законодателя, царя Грузіи. Она всю жизнь сохраняла въ душѣ глубокую вѣру, проникавшую во всю ея дѣятельность. Молодость провела она въ дѣвствѣ и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ сочеталась бракомъ съ генералъ-адъютантомъ, графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода. Стоя такъ близко къ центру духовной власти, графиня прилагала иногда свое опытное и умное участіе, направляя дѣятельность мужа на благо церкви, духовной школы и духовенства. Особенно она цѣнила ученое монашество, считая его образцомъ истинной христіанской жизни и разсадникомъ духовнаго просвѣщенія. Прекрасно образованная, она конечно хорошо была знакома и съ свѣтскою литературою, но всегда предпочитала религіозное чтеніе — Евангеліе и проповѣди. Особенно въ послѣдніе годы ежедневно, когда могла сама

читала, а потомъ, когда стала чувствовать слабость, заставляла своихъ людей читать ей Евангеліе и любимыя проповѣди, жила въ духовномъ мірѣ, любила говорить о религіозныхъ предметахъ не только съ пастырями церкви, но и съ свѣтскими лицами, посѣщавшими ее, и всегда порицала людей, хотя бы и знатныхъ, увлекающихся модными неправославными ученіями. Съ любовію относилась она ко всѣмъ обрядамъ церковнымъ, любила благоговѣйное служеніе и заботилась о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, не скудно жертвуя на украшеніе ихъ всѣмъ, кто бы къ ней ни обращался. Ежедневно, особенно послѣдніе годы, она посѣщала церковь и наперед читала дневные апостолъ и Евангеліе, чтобы съ большимъ вниманіемъ слушать въ церкви; не только строго соблюдала всѣ посты, но во всѣ посты считала долгомъ говѣть и причащаться Св. Таинъ. Во время же своей болѣзни она особенно часто прибѣгала къ сей небесной пищѣ и въ таинствѣ елеосвященія искала себѣ врачеванія отъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Отличаясь искреннею любовію къ Богу и св. церкви съ ея постановленіями, графиня естественно всегда оказывала глубокое уваженіе не только архипастырямъ, но и пастырямъ церкви; почитала для себя великою честію, когда архипастыри посѣщали ее и оказывала большое вниманіе священникамъ. Она всегда принимала отъ нихъ благословеніе и другимъ дѣлала замѣчанія, если они не исполняли этого христіанскаго обычая. Не только сама никогда не позволяла себѣ говорить что-либо дурное о пастыряхъ церкви, но и другихъ увѣщевала относиться къ нимъ съ уваженіемъ, какъ къ слугамъ Христовымъ и строителямъ таинъ Божіихъ. Свою любовь къ духовенству она выразила особенно въ томъ, что основала пріютъ для престарѣлыхъ лицъ духовнаго званія. Онъ открытъ 1864 года ноября 3 дня. Это — Георгіевскій домъ призрѣнія для бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и безпріютныхъ лицъ бѣлаго духовенства Московской епархіи, основанный и содержимый на средства, данныя графинею Анною Георгіевною, при церкви св. великомученика Георгія,

въ Грузинахъ. Въ Бозѣ почившій Филаретъ, митрополитъ Московскій, который самъ всегда съ особенною заботливостію относился къ нуждамъ духовенства, съ радостію и благодарностію принялъ предложеніе графини Толстой—устроить пріютъ для бѣдныхъ духовнаго званія, самъ начерталъ правила для устройства его и управленія, самъ былъ и служилъ при открытіи пріюта, не смотря на свою старческую немощь. Земля, на которой находится пріютъ, домъ и флигель, гдѣ въ настоящее время живутъ призрѣваемые въ пріютѣ, принадлежали графинѣ Толстой и переданы ею въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства съ тѣмъ, чтобы они составляли собственность пріюта. Кто внушилъ графинѣ Аннѣ Георгіевнѣ первую мысль устроить пріютъ для бѣднаго духовенства, намъ неизвѣстно; но несомнѣнно одно, что графиня всегда была расположена къ духовенству православной церкви и не довольствуясь тѣмъ, что было сдѣлано ею въ его пользу при ея жизни, завѣщала устроить еще новый пріютъ подъ названіемъ Александровскаго, въ приходѣ церкви Покрова Божіей Матери, въ Кудринѣ, и отказала свой домъ, въ которомъ жила, и значительныя суммы (155.000 руб.) на устройство и содержаніе пріюта. Благодѣяніе для духовенства можно сказать безпримѣрное! Мы не думаемъ, чтобы кто нибудь изъ Московскаго духовенства не зналъ о существованіи Георгіевскаго пріюта въ Грузинахъ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ она всегда говорила о бѣдственномъ положеніи особенно сельскаго духовенства и въ частности престарѣлыхъ, которые, не будучи въ силахъ продолжать служеніе церкви, остаются безпріютными, и радовалась, что Господь вложилъ ей мысль оказать помощь этому бѣдствующему сословію. «Они будутъ молиться за меня, часто говорила она, и это будетъ лучшею благодарностію отъ нихъ мнѣ.»

При глубокомъ благочестіи и любви къ духовенству особенно она отличалась необыкновенною благотворительностью. Эта ея добродѣтель была извѣстна во всѣхъ концахъ Москвы, гдѣ графиня, овдовѣвъ, провела послѣдніе годы своей жизни, и многіе изъ нуждающихся отовсюду шли къ ней за

помощію, и она никому не отказывала. Многіе даже и изъ знатныхъ, но обѣднѣвшихъ, получали отъ нея значительную ежемѣсячную помощь, не говоря о частныхъ ежедневныхъ подаяніяхъ нищимъ и убогимъ. Любящее сердце ея не могло оставаться хладнокровнымъ къ нуждающимся, и она всегда была первою жертвовательницею на разныя богоугодныя учрежденія. Кромѣ сего, отъ ея щедротъ устроенъ въ Нижегородской губерніи обширный пріютъ и училище для сиротъ. Она оказывала значительную помощь приходскому въ Москвѣ попечительству о бѣдныхъ И все она дѣлала не по тщеславію, да видимы будутъ дѣла ея предъ людьми,—нѣтъ, она даже не любила и говорить объ этомъ и видимо выражала свое неудовольствіе, когда ее благодарили за это; всѣ благодѣянія она дѣлала по одной великой любви своей къ человѣчеству и притомъ старалась дѣлать тайно, такъ что одна рука ея, по заповѣди Спасителя, не знала, что дѣлала другая.

Наконецъ въ отношеніи къ себѣ она была всегда строга, воздержна въ жизни, не позволяла себѣ никакихъ прихотей, ни излишнихъ удовольствій Въ обращеніи съ ближними она всегда была очень ласкова, кротка, добродушна со всѣми и гораздо низшими себя, никогда никого не обижала, всѣмъ благожелала, ко всѣмъ относилась съ участіемъ, съ любовію; она не позволяла себѣ никогда глумиться надъ недостатками ближнихъ, ни на кого не сердилась, никогда не помнила зла, — она воплощала въ себѣ, насколько возможно, всеобъемлющую любовь къ человѣчеству.

Послѣ кончины графини Анны Георгіевны, по распоряженію епархіальнаго начальства, отправлено было во всѣхъ приходскихъ церквахъ Московской епархіи сорокодневное по ней поминовеніе, въ благодарность за великія пожертвованія ея въ пользу церкви и нуждающихся семействъ духовенства. Во многихъ церквахъ эти поминовенія, независимо отъ распоряженій начальства, продолжаются и до настоящаго времени.

ПЛАТОНЪ,

митрополитъ Кіевскій (въ мірѣ Николай Ивановичъ Городецкій),

родился въ Ржевскомъ уѣздѣ 2 мая 1803 года. Школьная пора началась для него очень рано. Бойкаго въ способностяхъ мальчика Колю, 8 лѣтъ, отвезли въ Ржевское духовное училище, помѣстивъ его на квартиру къ мѣщанкѣ Марьѣ Марусиной. Эта простая, добрая женщина полюбила ребенка, ласкала его, заботилась о немъ и учила его молиться Богу. На всю жизнь владыка Платонъ сохранилъ къ ней горячую благодарность, называя ее родною матерью. По выходѣ изъ училища, Николай Городецкій получилъ образованіе въ Тверской семинаріи и Петербургской Духовной Академіи, онъ возведенъ на степень магистра и принялъ иноческое постриженіе въ 1827 году. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ духовноученой службы при Академіи, онъ былъ назначенъ настоятелемъ Виленскаго Свято-Духова монастыря. Здѣсь, впродолженіе четырехъ лѣтъ, архимандритъ Платонъ явился ревностнымъ сотрудникомъ незабвеннаго архипастыря Литовскаго Іосифа (Сѣмашко), въ дѣлѣ сближенія уніатовъ съ православіемъ и русскою народностью. Ту же плодотворную дѣятельность продолжалъ онъ еще пять лѣтъ въ санѣ епископа Ковенскаго, викарія Литовской епархіи. Въ 1848 году открылось предъ нимъ новое поприще дѣятельности: онъ былъ назначенъ на Рижскую каѳедру. На долю его выпала трудная, но и высокая задача — поддержать и распространять православіе въ странѣ, гдѣ коренное населеніе притѣснялось господствующимъ нѣмецкимъ дворянствомъ, устроивать новыя церкви, ставить образованныхъ священниковъ, способныхъ къ борьбѣ съ лютеранскими пасторами, наконецъ — твердо поддерживать дорогіе русскіе интересы. Покойный іерархъ, въ теченіе восемнадцати съ половиной лѣтъ, проведенныхъ въ Ригѣ, твердо держалъ въ рукахъ знамя

православной вѣры и Русской народности. Много разнообразныхъ непріятностей и тяжкихъ скорбей перенесъ неутомимый подвижникъ отъ враговъ православія. Во главѣ этихъ враговъ стоялъ человѣкъ, хотя русскій и православный, но находившійся подъ лютеранскимъ вліяніемъ: князь Суворовъ, человѣкъ добрый и гуманный, къ сожалѣнію, былъ вполнѣ увлеченъ происками нѣмецкой дворянской партіи и постоянно угождалъ ей и лютеранскимъ пасторамъ. Въ 1855 году суперъ-интендентъ публично благодарилъ его за заступничество (für das Beschirmen *)

«Въ это смутное время (1865 г.), архіепископъ принялъ мѣру обычную въ первое время христіанства: онъ обратился къ рижской паствѣ съ окружнымъ посланіемъ, изложивъ въ немъ ученіе православной церкви въ сопоставленіи съ лютеранствомъ Нѣмцы мѣшали распространенію посланія, и типографъ, напечатавшій его, едва не подвергся наказанію. Въ этой борьбѣ имя Платона стало громкимъ по всей Россіи».

Въ 1867 году архіепископъ Платонъ былъ перемѣщенъ въ Донскую епархію. Знаменательно было прощаніе архіепископа Платона съ паствою. Нѣмецкая партія постаралась устроить отъѣздъ его изъ Риги похожимъ на удаленіе опальнаго, а не на переходъ въ другую епархію достойнѣйшаго архипастыря: онъ долженъ былъ ѣхать изъ Лифляндіи въ землю Донскую, во время весенней распутицы, подъ охраною синодальнаго чиновника (В. В. Скрипицына) и притомъ минуя Москву, гдѣ Погодинъ и Аксаковъ готовили торжественную манифестацію въ честь доблестнаго подвижника православія. Когда протодіаконъ, на прощальной литургіи произнесъ: «архіепископа Донскаго», вмѣсто Рижскаго, онъ внезапно остановился и зарыдалъ какъ ребенокъ. Когда же владыка вышелъ говорить прощальное слово и произнесъ: «Я долженъ теперь проститься съ вами, быть можетъ, на

*) Объ этомъ свидѣтельствуетъ графъ П. А. Валуевъ въ своемъ дневникѣ (*Русск Стар* 1891, май, стр. 342.

вѣки», всѣ залились слезами. А когда архипастырь, испрашивая у всѣхъ христіанскаго прощенія, сдѣлалъ земной поклонъ, «стономъ» застонала вся церковь... Зрѣлище, по словамъ очевидцевъ, было потрясающее. Тогдашній рижскій губернаторъ Эттингенъ, нѣмецъ и мѣстный уроженецъ, выразился такъ: «одинъ русскій былъ на мѣстѣ — архіепископъ Платонъ и того русскіе прогнали». *)

Утомленный напряженными трудами и чувствуя временный упадокъ силъ, преосв. Платонъ, перемѣщенный на Донскую епархію (въ 1867 г.), а потомъ на Херсонскую (въ 1877 г.), тѣмъ не менѣе продолжалъ трудиться для блага церкви; такъ, во время десятилѣтняго управленія Донскою епархіей, онъ духомъ кротости значительно ослабилъ расколъ. Наконецъ, 4 февраля 1882 года, высокопреосвященный Платонъ, по Монаршему соизволенію, былъ назначенъ на митрополичью каѳедру «матери русскихъ городовъ». При своемъ новомъ, самомъ высокомъ духовномъ званіи доблестный іерархъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ Св. Синода, особенно повопросу о штундизмѣ: онъ первый учредилъ миссіонерство для борьбы съ этою вредною сектой, еще въ 1886 году предсѣдательствовалъ въ собраніи архіереевъ въ Кіевѣ для обсужденія мѣръ противъ распространенія ея на югѣ и до конца своей дѣятельности самъ являлся «великимъ миссіонеромъ православной церкви».

Въ послѣдній годъ жизни, по возвращеніи изъ ежегодной поѣздки своей въ Петербургъ, маститый митрополитъ нерѣдко подвергался легкимъ нездоровьямъ, но никто изъ Кіевлянъ, даже никто изъ близкихъ къ нему лицъ не ожидалъ скорой кончины своего глубокочтимаго и любимаго архипастыря. Послѣдняя болѣзнь его продолжалась только шесть дней. Доктора назвали ее инфлуэнціей, отъ которой и пользовали владыку. Въ послѣдніе дни болѣзнь повидимому потеряла опасный характеръ, и какъ будто клонилась къ выздоровленію. Въ воскресенье, 29 сентября, и въ праздникъ

*) См. *Литовскія Епарх. Вѣдом.* 1891 г. № 41.

Покрова Богородицы владыка пріобщался Св. Таинъ и чувствовалъ себя значительно лучше предыдущихъ дней. Въ пять часовъ пополудни, вставъ послѣ непродолжительнаго сна, онъ жаловался на тяжесть въ головѣ и разсказывалъ, что видѣлъ во снѣ борьбу свою съ Нѣмцами. Больному дано было лекарство, и онъ снова успокоился; а въ 6 часовъ 15 минутъ совершенно тихо и мирно предалъ духъ свой Богу на 89 году жизни. Тѣло почившаго святителя было перенесено въ древній Софійскій соборъ и тамъ 5 октября было совершено отпѣваніе при служеніи преосвященныхъ: Сергія, архіепископа Херсонскаго, Модеста, епископа Волынскаго, и трехъ мѣстныхъ викарныхъ-епископовъ: Сильвестра Каневскаго, ректора Академіи и доктора богословія, Иринея Чигиринскаго и Анатолія Уманскаго, при многочисленномъ сонмѣ мѣстнаго духовенства. Надгробное слово было произнесено заслуженнымъ профессоромъ Академіи В. Ѳ. Пѣвницкимъ. По окончаніи отпѣванія гробъ былъ отнесенъ въ Срѣтенскій придѣлъ Софійскаго собора и опущенъ въ могилу, при громкомъ стонѣ и рыданіяхъ многочисленнаго народа, переполнявшаго не только храмъ, но и соборный дворъ. Мѣсто для погребенія избрано самимъ почившимъ митрополитомъ подлѣ могилы замѣчательнаго по учености Кіевскаго митрополита Евгенія (Болховитинова).

Начало личнаго моего знакомства съ преосв. Платономъ отличалось неожиданностію Въ первыхъ числахъ августа 1874 года я проѣзжалъ изъ Ливенскаго уѣзда въ Кіевъ, спѣша къ юбилею 50-лѣтняго служенія митрополита Арсенія. При остановкѣ на Курской станціи я замѣтилъ, что къ нашему поѣзду прицѣпляютъ лишній вагонъ и узналъ, что въ немъ находится Донской архіепископъ, ѣдущій также въ Кіевъ. Въ буфетѣ станціи встрѣтился мнѣ письмоводитель преосв. Платона и черезъ него получилъ я дозволеніе войти въ вагонъ для принятія благословенія. Ласково и внимательно принялъ меня владыка; до сихъ поръ твердо помню и могу дословно повторить первыя его слова: «Милости просимъ. Я никогда не видалъ васъ, но знаю по вашимъ пи-

саніямъ; сказано: отъ плодовъ ихъ познаете ихъ». Я провелъ въ бесѣдѣ съ владыкою нѣсколько пріятныхъ часовъ. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ въ Ржевскомъ училищѣ, о злостраданіяхъ и гоненіяхъ, воздвигнутыхъ противъ него въ Ригѣ балтійскими нѣмцами. Потомъ разговоръ перешелъ на сношеніе отшедшихъ душъ съ живыми людьми (предметъ, которымъ много занимался преосв. Платонъ, такъ что нѣкоторые изъ его недоброжелателей подозрѣвали его въ спиритизмѣ). Когда я передалъ ему описаніе сна, видѣннаго моею вскорѣ послѣ смерти сына моего Володи (см. это слово), владыка съ своей стороны сообщилъ мнѣ слѣдующій, бывшій съ нимъ, замѣчательный случай. «Когда я былъ еще епископомъ въ Ковнѣ,—говорилъ онъ,—гостила у меня моя матушка, уже очень престарѣлая, вмѣстѣ со старшею моею сестрою, вдовою сельскаго священника, у которой она постоянно жила. Когда онѣ обѣ собрались ѣхать домой, въ Ржевскій уѣздъ, я просилъ сестру увѣдомить меня, по прибытіи на мѣсто, о здоровьѣ матушки. Прошло нѣсколько времени, а увѣдомленія не было. Однажды, передъ обѣдней, готовясь къ служенію, я читалъ правило и вдругъ почувствовалъ на лбу ощущеніе чего-то сладостнаго, какъ будто горячаго поцѣлуя. Послѣ узналъ я, что въ этотъ день и даже въ самый этотъ часъ моя матушка скончалась. Своимъ материнскимъ поцѣлуемъ она прощалась съ любимымъ сыномъ». Этотъ разсказъ записанъ мною тотчасъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ. Въ нѣсколько дней, впродолженіе юбилейнаго празднества, я имѣлъ случай не разъ бесѣдовать съ преосв. Платономъ; затѣмъ, въ слѣдующіе годы посѣщалъ его, уже митрополита, въ Кіевѣ и въ зимнее время—въ Петербургѣ, куда ежегодно пріѣзжалъ онъ для присутствія въ Св. Синодѣ.

Да почіетъ въ мирѣ духъ ревностнаго святителя-труженика, посвятившаго всю долголѣтнюю жизнь свою служенію православной церкви.

СЕРГІЕВСКІЙ

Александръ Родіоновичъ, сынъ родной сестры митрополита Филарета, бывшей въ супружествѣ за коломенскимъ соборнымъ протоіереемъ. Одинъ изъ первыхъ магистровъ V курса Московской Духовной Академіи, назначенъ въ 1826 году на должность баккалавра греческаго языка. Онъ бывалъ у насъ каждое воскресенье, а я у него почти каждый день. Послѣ моего незабвеннаго наставника, онъ болѣе всѣхъ былъ полезенъ мнѣ, какъ образецъ благонравія. Никогда не забуду этого всегда ровнаго, ничѣмъ невозмутимаго, въ высшей степени благодушнаго характера, никогда не случалось мнѣ встрѣчать человѣка, умѣющаго съ такимъ искусствомъ владѣть собою: никогда не видалъ я, чтобы онъ выпилъ лишнюю рюмку вина, или сказалъ какое-либо необдуманное, не совсѣмъ приличное слово. Во всѣхъ своихъ поступкахъ, тѣлодвиженіяхъ, разговорахъ, онъ могъ служить образцомъ порядочности и благоприличія Все это для меня, какъ мальчика, было въ высшей степени назидательно. По общительности своего характера, онъ часто скучалъ въ одиночествѣ и долго не рѣшался на выборъ поприща для своей жизни, такъ что наконецъ рѣшился просить совѣта у дяди своего митрополита.

Великій святитель отвѣчалъ племяннику:

«Съ заботою. Александръ Иродіоновичъ, прочиталъ я твою заботу. Буду отвѣтствовать по возможности. При наклонности къ ипохондріи, монашеская жизнь съ учеными трудами, соглашаюсь, неудобна. Напротивъ, была бы удобна и полезна простая монашеская жизнь, при искусномъ наставникѣ, къ которому есть довѣренность и любовь, но сіе найти не легко въ нынѣшнее время.

«Мысль, какъ смотрятъ нынѣ на духовенство, ничего не значитъ для выбора сего званія. Мало ли какъ смотрятъ и на христіанство! Сказано: «горе, егда добрѣ рекутъ вси человѣцы»; а нигдѣ не сказано, чтобы бѣда была, когда

иные худо смотрятъ. Если мало пастырей, духовно-пасущихъ, надобно ревновать о умноженіи оныхъ, а не презирать званіе. Илій и дѣти его были не духовные пастыри; виноваты, наказаны. Все сіе не помѣшало при нихъ образоваться въ храмѣ Самуилу. Что еслибы мать его стала разсуждать такъ: нѣтъ нынѣ духовныхъ пастырей,—лучше отдать Самуила въ военную службу, нежели во храмъ; а какъ и сія служба у Евреевъ не въ устройствѣ, то къ Филистимлянамъ.

«Кто не чувствуетъ иного побужденія къ вступленію въ духовную службу, кромѣ наемническаго, чтобы имѣть хлѣбъ, тому лучше не вступать въ оную. Но кто видитъ, что призывается въ оную рожденіемъ, воспитаніемъ, склонностію и боится духа наемничества, тотъ можетъ вступать въ оную, давъ себѣ слово—выбрать мѣсто не то, которое выгоднѣе, но то, на которомъ удобнѣе приносить нѣкоторую пользу чадамъ церкви.

«Рѣшать важныя дѣла жребіемъ было бы всего легче: не надобно бы ни разсудка, ни опытности, ни испытанія себя, ни трудовъ изслѣдованія. Но изъ сего самаго можно заключить, что жребій позволенъ не въ тѣхъ случаяхъ, кои рѣшитъ трудъ и разумъ. По нуждѣ и по вѣрѣ, чрезъ жребій можно найти волю Провидѣнія. Лѣнящемуся разсуждать и вопрошающему жребіемъ Провидѣніе не обязано отвѣтствовать; маловѣрному неудобно воспользоваться отвѣтомъ, хотя бы онъ и данъ былъ; онъ въ искушеніи перетолковать, или вовсе не исполнить его.

«Церковь человѣколюбива въ томъ, что образуетъ людей и плоды сего уступаетъ иной службѣ. Можно съ покойною совѣстію пользоваться таковымъ ея снисхожденіемъ. Но надобно разсматривать, что найдутъ въ свѣтской службѣ? Не ужели праздность и выгоды? Но и это было бы не завидно. Надобно желать полезнаго, посильнаго труда столько же, какъ честнаго пропитанія. А чѣмъ трудъ канцелярскаго чиновника легче и вкуснѣе, нежели трудъ преподавателя греческаго языка въ Духовной Академіи? Сидѣть надъ кипою бумагъ, составляющихъ судебное, счетное, или какое угодно

дѣло, могущее быть въ рукахъ свѣтскаго чиновника, и производить надъ оными работу, безплодную для ума и сердца, подлинно ли такъ весело, что ипохондрія не посмѣетъ и приблизиться къ господину чиновнику?

«Надобно кончить Я спрашивалъ моего родителя о выборѣ званія; онъ отвѣтствовалъ: испытывай себя. Что сказалъ отецъ сыну, болѣе того не можетъ сказать дядя племяннику».

По зрѣломъ размышленіи, Александръ Иларіоновичъ рѣшился поступить въ бѣлое духовенство и 18 мая 1830 года женился на дочери одного изъ московскихъ священниковъ. Я былъ на этой свадьбѣ и восхищался рѣдкою красотой новобрачной, Анны Ѳедотовны. Къ сожалѣнію онъ прожилъ очень недолго и скончался въ 1834 году, священникомъ церкви Адріана и Наталіи. Послѣ него остались два сына: старшій Филаретъ Александровичъ, магистръ 19 курса, ординарный профессоръ Академіи, затѣмъ ректоръ Виѳанской семинаріи, уже скончался. Младшій Николай Александровичъ, магистръ 20 курса, перешелъ изъ баккалавровъ Академіи на гражданскую службу; теперь онъ тайный совѣтникъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа.

ЧИ́ГИ (Chigy`.

Домъ Амброзіо, римскій прелатъ, титулярный (in partibus infidelium) архіепископъ Мурликійскій, посланникъ папы Пія IX при коронаціи Императора Александра II. Чрезъ нѣсколько дней послѣ торжествъ коронаціи, онъ посѣтилъ Успенскій соборъ, въ сопровожденіи Анд. Ник. Муравьева, знакомаго ему еще въ Римѣ. Я заранѣе, изъ любопытства, пришелъ въ соборъ и замѣтилъ, что раки съ мощами св. митрополитовъ Петра, Іоны и Филиппа заперты.

Чиги и Муравьевъ взошли въ сѣверныя врата собора. Послѣдній, при входѣ, помолился, а прелатъ только осмотрѣлся по сторонамъ и пошелъ прямо къ мощамъ св. митро-

полита Іоны. Здѣсь Муравьевъ кратко сообщилъ прелату (на французскомъ языкѣ) о нетлѣніи мощей святителя и о чудесномъ сохраненіи ихъ, также раки и большаго подсвѣчника во время грабежа враговъ въ 1812 году.

Чиги: «Что нѣкоторыя вещи могли ускользнуть отъ вниманія непріятелей—это простая случайность, а нетлѣніе тѣла... Кстати (à propòs) почему гробъ запертъ? Онъ, кажется, всегда бываетъ открытъ»?

Муравьевъ: «Сегодня онъ запертъ по особенному распоряженію митрополита Филарета.»

Ч. «Понимаю. А вашъ Филаретъ, какъ говорятъ, человѣкъ замѣчательный. Я хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться.»

М. «Такъ поѣзжайте къ нему; онъ навѣрное васъ приметъ.»

Ч. «Мнѣ, посланнику святѣйшаго отца, дѣлать первый визитъ неприлично. Приличнѣе ему пріѣхать ко мнѣ. Вѣдь былъ же онъ у армянскаго патріарха и у австрійскаго посла.»

М. «Патріарху Нарсесу и князю Эстерхази Филаретъ отдалъ визитъ. Оба они были у него прежде. И къ вамъ, монсиньоръ, владыко не поѣдетъ первый, тѣмъ болѣе, что это можетъ возбудить соблазнъ.»

Ч. «Пусть такъ. А относительно нетлѣнія остатковъ этого человѣка (при этомъ онъ указалъ пальцемъ на руку святителя Іоны) причина ясна: онъ окончательно отдѣлилъ русскую церковь отъ истинной католической, за что былъ проклятъ папой.»

М. «Да, папа проклялъ его тогда, когда св. Іона былъ уже чудотворцемъ. На это найдутся у насъ несомнѣнныя доказательства.»

Послѣ этихъ словъ они пошли въ предѣлъ св. Петра митрополита. Тамъ Муравьевъ показалъ прелату ковчеги съ ризою Господней и гвоздемъ. Чиги призналъ подлинность обѣихъ святынь, но не прикладывался къ нимъ, а только разсматривалъ ихъ въ лорнетъ. Такъ же поступилъ онъ, подошедши къ Владимірской иконѣ Божіей Матери: онъ не приложился къ ней, но сказалъ, что и въ Римѣ есть извѣстіе объ одной иконѣ, писанной Евангелистомъ Лукой, и находящейся

въ Москвѣ. На раки святителей Петра и Филиппа, Чиги не обратилъ вниманія. Затѣмъ пошли обозрѣвать ризницу, при чемъ римскій гость особенно любовался яшмовымъ потиромъ преп. Антонія Римлянина, увѣряя, что этотъ сосудъ (calyx) образецъ превосходной старинной римской работы. По выходѣ изъ ризницы Муравьевъ и Чиги обошли соборъ и Муравьевъ сказалъ: «позвольте спросить васъ монсиньоръ, почему вы не приложились къ святынямъ, которыя признаете подлинными? Мы, православные, когда бываемъ въ Римѣ, благоговѣйно покланяемся терновому вѣнцу, хотя не имѣемъ никакихъ доказательствъ, что это тотъ самый, который былъ на главѣ Спасителя».

Ч. Я не могъ молиться въ вашей схизматической церкви (dans votre église schismatique) и цѣловать ваши святыни, а терновый вѣнецъ, о которомъ вы говорите, благословленъ самимъ папой.

М. Какъ! Папа осмѣлился благословлять терновый вѣнецъ? Такъ онъ могъ бы благословить и Того, Кто носилъ этотъ вѣнецъ?

Ч. Это богохульство!

М. Да, богохульство, но не мое, а ваше, монсиньоръ. Вы поставили въ словахъ вашихъ папу выше самого Христа. Страшное богохульство!

Съ этими словами Муравьевъ быстро ушелъ изъ собора. За нимъ послѣдовалъ Чиги, улыбаясь и покачивая головою.

КУДРЯВЦЕВЪ-ПЛАТОНОВЪ

Викторъ Димитріевичъ,

заслуженный ординарный профессоръ Московской Духовной Академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1827 году. Будучи сыномъ полковаго священника, онъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, вслѣдъ за полкомъ, и такимъ образомъ обучался въ нѣсколькихъ училищахъ и трехъ семинаріяхъ. Казалось бы, что при такомъ отрывочномъ ученіи и частой перемѣнѣ наставниковъ странствующій юноша долженъ былъ оказать плохіе успѣхи въ наукахъ, но онъ окончилъ курсъ своевременно въ Черниговской семинаріи и поступилъ въ Московскую Духовную Академію въ 1848 году Здѣсь Викторъ Дмитріевичъ необыкновенными дарованіями своими, трудолюбіемъ и благонравіемъ обратилъ на себя общее вниманіе наставниковъ. Прилежаніе его было замѣчательно особенно потому, что онъ, будучи студентомъ, не отличался крѣпкимъ здоровьемъ.

Окончивъ курсъ первымъ магистромъ, В. Д. былъ назначенъ баккалавромъ ветхозавѣтной библейской исторіи и греческаго языка.

Между тѣмъ наставникъ его, знаменитый философъ-христіанинъ, профессоръ Ѳ. А. Голубинскій, 36 лѣтъ преподававшій философскія науки въ Академіи, сталъ чувствовать упадокъ силъ и въ 1854 году просилъ увольненія отъ должности, а самымъ достойнымъ преемникомъ своей каѳедры считалъ Виктора Дмитріевича. Въ лѣтнее время этого года нерѣдко приходилъ къ Голубинскому будущій его преемникъ, который предполагалъ начать новые труды подъ руководствомъ своего предшественника. Но эта надежда не исполнилась. Въ августѣ того же года скончался протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, и преемникъ его долженъ былъ трудиться самостоятельно.

Впродолженіи 37 лѣтъ В. Д. преподавалъ философскія науки и издалъ не мало сочиненій по своему предмету Оцѣнку философскихъ трудовъ его не осмѣливаюсь взять на себя, будучи некомпетентнымъ въ наукѣ философіи. Позволяю себѣ упомянуть объ одномъ только сочиненіи и притомъ написанномъ вскорѣ по окончаніи курса. Это была обширная статья «О единствѣ рода человѣческаго,»—статья, доставившая автору почетную извѣстность при самомъ началѣ трудовъ его, какъ преподавателя. Приснопамятный митрополитъ Филаретъ обратилъ особенное вниманіе и писалъ къ Іосифу, епископу Оренбургскому, бывшему своему викарію: «Сегодня былъ на окончательномъ экзаменѣ въ Академіи. Слава Богу! На Академію нашу можно смотрѣть мирнымъ окомъ. Сегодня читали по части изъ двухъ сочиненій: о единствѣ рода человѣческаго и о третьей книги Эздры. Когда сіи сочиненія дойдутъ до Васъ; надѣюсь, Вы признаете въ нихъ изслѣдованія основательныя и многостороннія.» *) А извѣстный профессоръ Московскаго Университета, Г. Л. Щуровскій, много лѣтъ трудившійся на поприщѣ естественныхъ наукъ, такъ отозвался о сочиненіи Кудрявцева. «Я счелъ бы себѣ за счастіе, если бы написалъ нѣчто подобное. И это написалъ молодой человѣкъ, не учившійся естественнымъ наукамъ!»

Въ 1877 году, при празднованіи 25лѣтія ученой службы В. Д., внезапно возникла мысль о нуждѣ открыть общество для пособія нуждающимся студентамъ подъ названіемъ «Братства Препод. Сергія.» Въ 1880 году оно было открыто. Съ самаго начала Братства до конца своей жизни В. Д., въ званіи предсѣдателя, принималъ самое усердное участіе въ дѣлахъ Братства. Эта заслуга его навсегда останется незабвенною.

Что сказать о нравственныхъ качествахъ почившаго профессора? Онъ отличался кротостію, миролюбіемъ, снисходительностію и обиліемъ любви ко всѣмъ. Но при этомъ

*) Сочиненіе о третьей книгѣ Эздры написано студентомъ Мих. Шавровымъ.

онъ любилъ правду и ни изъ какихъ видовъ не перемѣнялъ убѣжденій, за которыя держался крѣпко. Изъ числа многихъ примѣровъ, подтверждающихъ это общее о немъ мнѣніе, укажемъ только на два. Когда въ 1874 году нѣкоторые изъ его сослуживцевъ вознамѣрились удалить одного изъ профессоровъ чрезъ забаллотированіе (по дѣйствовавшему тогда уставу), В. Д. не хотѣлъ согласиться съ ними.

Вотъ другой случай. Несмотря на заботу ближайшаго начальства о переведеніи одного изъ преподавателей Виѳанской семинаріи на преподаваніе греческаго языка въ Академіи, В. Д. не согласился на это предложеніе и сказалъ: «Надобно и Академію пожалѣть.» Послѣ такого отзыва избраніе *** не состоялось. Но когда ректоръ Академіи предложилъ на ту же должность человѣка болѣе способнаго и отлично знающаго греческій языкъ, В. Д. съ радостію согласился и за нимъ послѣдовали прочіе избиратели, почти единодушно.

Послѣдній годъ своей жизни В. Д. перенесъ много скорбей: онъ лишился жены, съ которою прожилъ много лѣтъ въ полномъ согласіи, и похоронилъ нѣсколько близкихъ родныхъ. Слабое здоровье его пошатнулось, но онъ продолжалъ свои обыкновенные труды, но послѣдняя,—повидимому не слишкомъ тяжкая,—болѣзнь въ нѣсколько дней прекратила многополезную жизнь его. Онъ скончался 3 декабря 1891 года.

Академія, пораженная глубокою скорбію, озаботилась въ лицѣ своихъ наставниковъ и студентовъ отдать почившему послѣдній долгъ съ возможною торжественностію. На литургіи, которую совершалъ преосв. Виссаріонъ, еписк. Дмитровскій, надгробное слово произнесъ проф. Д. Ѳ. Голубинскій. Въ этомъ словѣ кратко изложена вся жизнь и всѣ заслуги покойнаго. Предъ отпѣваніемъ, совершеннымъ двумя епископами (преосв. Виссаріономъ и преосв. Николаемъ Алеутскимъ), держалъ рѣчь проф. В. А. Соколовъ. «Осиротѣла наша Академія,» говорилъ онъ. «Тяжко скорбимъ не потому, что лишились наставника, богато одареннаго талан-

тами и много лѣтъ потрудившагося въ преподаваніи, но потому, что въ духѣ почившаго «премудрость созда себѣ домъ, и живыя струи этой премудрости обильно изливались на слушателей.» *) Послѣ того говорили еще двое изъ наставниковъ Академіи: А. Д. Бѣляевъ и П. П. Соколовъ, и нѣсколько студентовъ. Благодарные слушатели покойнаго отдали ему послѣднюю честь перенесеніемъ гроба до могилы, и нѣкоторые изъ нихъ на кладбищѣ еще произносили рѣчи, а одинъ (Н. Успенскій)—стихи, написанные въ память почившаго.

КУДРЯВЦЕВА,

Капитолина Васильевна, супруга заслуженнаго профессора Московской Духовной Академіи, дѣйствителянаго статскаго совѣтника, Виктора Дмитріевичаа Кудрявцева. Вступивъ въ бракъ въ ранней молодости, ровно 35 была вѣрною, искренно любящею женою, попечительною хозяйкою, отличаясь необыкновенно пріятнымъ характеромъ, радушнымъ гостепріимствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ попечительностію о сиротахъ, благотворительностью и живою отзывчивостью ко всякому доброму дѣлу. Такъ, напр., когда бывшій ректоръ Академіи, архимандритъ Михаилъ, (скончавшійся въ санѣ епископа Курскаго), въ день празднованія 25-лѣтній службы Викт. Дм. подалъ первую мысль объ учрежденіи Братства преп. Сергія для пособія бѣднымъ студентамъ Академіи, Капитолина Васильевна чрезвычайно сердечно отозвалась на эту мысль и поспѣшила предложить бумагу для подписки всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ. На ней постоянно лежали всѣ хлопоты по хозяйству, между тѣмъ какъ достопочтенный супругъ ея былъ постоянно занятъ учеными трудами и заботами о преуспѣяніи Академіи, (какъ истинный носитель древнихъ академическихъ преданій). Онъ былъ предметомъ глубокаго,

*) Прошу извиненія у автора рѣчи, если эти слышанныя мною выраженія не совсѣмъ точно удержались въ моей стариковской памяти.

всеобщаго искренняго почтенія, не только за многолѣтнюю службу и ученые труды, но и за прямодушный, правдивый характеръ. Подобно своему глубоко всѣми чтимому супругу, она пользовалась искреннею любовію и уваженіемъ всѣхъ, кто ее зналъ. Кончина ея была всеобщимъ горемъ для всего мѣстнаго общества.

Капитолина Васильевна скончалась послѣ кратковременной острой болѣзни 8-го января 1891 года. Замѣчательно, что смерть ея послѣдовала въ тотъ же день и даже почти въ тотъ же самый часъ, въ который за 35 лѣтъ предъ тѣмъ она вступила въ бракъ. Тѣло ея погребено на Вознесенскомъ кладбищѣ Сергіевскаго Посада, подлѣ могилы родной сестры ея, Любови Васильевны, супруги заслуженнаго профессора Академіи Е. В. Амфитеатрова... Теперь рядомъ съ Капитолиной Васильевной погребенъ и Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ.

КАМЕНСКАЯ,

графиня Анна Павловна, статсъ-дама. Въ дѣтствѣ моемъ я видалъ ее иногда въ домѣ бабушки моей, графини Александры Николаевны. Въ какой степени они были родня я не знаю, но обѣ были изъ рода князей Щербатовыхъ и звали другъ друга кузинами. Графиня Каменская, женщина гордая и честолюбивая, была тогда уже вдовою извѣстнаго въ свое время полководца, генералъ-фельдмаршала, графа Михаила Ѳедотовича, убитаго въ деревнѣ дворовыми людьми, съ которыми онъ жестоко обращался. Вообще старикъ, какъ говорятъ, былъ очень золъ и позволялъ себѣ всякое самоуправство съ кѣмъ бы то ни было. Дѣда моего, служившаго нѣкогда подъ его начальствомъ, онъ очень любилъ, и когда дѣдушка, на пути изъ Москвы въ деревню, проѣзжалъ чрезъ село Куракино, принадлежавшее Каменскому, старый фельдмаршалъ требовалъ, чтобы вся семья Толстыхъ во многихъ экипажахъ, со множествомъ собственныхъ лошадей и прислуги, непремѣнно заѣзжала къ нему; въ случаѣ же отказа, приказывалъ насильно отпрягать лошадей и бралъ всѣхъ въ

плѣнъ на нѣсколько дней. Объ этомъ я часто слыхалъ въ моемъ дѣтствѣ. Когда я видалъ графиню Анну Павловну, она лишилась уже знаменитаго своего сына, графа Николая Михайловича, главнокомандующаго въ Финляндіи и потомъ въ Турціи, гдѣ онъ и скончался. Императоръ Александръ I посѣтилъ вскорѣ послѣ кончины его огорченную мать, чтобы изъявить ей свое сожалѣніе о потерѣ сына. Графиня вздумала сказать ему: «У васъ, Государь, остался братъ его.» При этихъ словахъ Государь всталъ и, не простясь, ушелъ. Говорили при мнѣ, что этого старшаго сына графини, Сергѣя Михайловича, Императоръ терпѣть не могъ, не знаю за что. Въ 1812 году графиня уѣхала отъ Французовъ въ Кострому, гдѣ былъ тогда губернаторомъ Пасынковъ, впослѣдствіи умершій подъ судомъ за взятки. Въ одинъ праздничный день, въ соборѣ, графиня стала на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно стояла губернаторша, а эта послѣдняя стала настоятельно требовать своего мѣста. Тогда графиня, раскрывши шаль, показала ей на портретъ двухъ Императрицъ, который она носила по званію статсъ-дамы, Екатерининскую кокарду и фрейлинскій вензель и спокойно сказала: «Не безпокойте меня, а мужа вашего спросите, какъ смѣлъ онъ не явиться ко мнѣ». Въ тотъ же день Пасынковъ явился къ графинѣ и получилъ безцеремонный выговоръ. Послѣ отставки и смерти его имѣніе бывшей губернаторши было взято въ опеку за жестокое обращеніе съ крестьянами. Вскорѣ графиня переселилась въ Орелъ къ любимому старшему своему сыну, который вышедши въ отставку, завелъ тамъ театръ и разныя публичныя увеселенія, отъ которыхъ послѣ совершенно раззорился; впрочемъ иногда живала она по нѣскольку мѣсяцевъ въ Москвѣ, въ домѣ своемъ, напротивъ Петровскаго монастыря. Весною 1826 года, не задолго до коронаціи Императора Николая, графиня Каменская подверглась гнѣву Государя: управитель ея излишнею строгостію взбунтовалъ крестьянъ, за что графинѣ запрещенъ былъ пріѣздъ ко Двору. Это такъ сразило гордую старуху, что она скоро умерла.

АВЕЛЬ,

монахъ прозванный „прорицателемъ.“

Въ концѣ прошедшаго вѣка и въ первой четверти нынѣшняго извѣстенъ былъ многими сбывшимися предсказаніями монахъ Авель. За свои предсказанія онъ претерпѣлъ много гоненій и окончилъ жизнь въ строжайшемъ заключеніи.

Монахъ Авель родился Тульской губерніи Алексинскаго уѣзда въ селѣ Акуловѣ, принадлежавшемъ Дмитрію Львовичу Нарышкину. Родители его были крѣпостные крестьяне. Имя, данное ему при крещеніи, неизвѣстно. На 20-мъ году отъ роду онъ началъ странствовать, странствовалъ 9 лѣтъ, потомъ поселился въ Валаамскомъ монастырѣ, при игуменѣ Назаріи. Тамъ,—какъ говоритъ Авель въ своихъ запискахъ—«свыше велѣно ему сказывать и проповѣдывать тайны Божіи и судьбы Его.» Послѣ того онъ оставилъ островъ Валаамъ и перешелъ въ Николаевскій Бабайскій монастырь, здѣсь онъ составилъ и написалъ первое свое пророческое сказаніе· въ немъ предсказалъ онъ кончину императрицы Екатерины II, за что немедленно былъ вытребованъ въ Петербургъ и заключенъ въ казематъ Петропавловской крѣпости. Предсказаніе скоро сбылось; императоръ Павелъ, расположенный ко всему таинственному, вскорѣ захотѣлъ видѣть прорицателя, бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, освободилъ изъ заточенія и далъ ему полную свободу жить, гдѣ хочетъ и переходить по произволу съ мѣста на мѣсто. Возвратясь на Бабайки, Авель проводилъ большую часть времени въ Костромѣ, гдѣ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Многіе обращались къ нему съ желаніями знать будущее, но онъ, какъ здѣсь, такъ и послѣ въ разныхъ мѣстахъ всегда отвѣчалъ, что не одаренъ прозорливостію и не можетъ предсказать ничего, кромѣ того, что ему велѣно будетъ свыше. За обѣдомъ у Костромскаго губернатора Лумпа Авель предсказалъ время и подробности кончины императора Павла. Заключенный

въ Шлиссельбургскую крѣпость прорицатель скоро былъ выпущенъ съ прежними правами.

Къ этому времени относится переписка Авеля съ графиней П. А. Потемкиной, которая имѣла къ нему неограниченное довѣріе и знакомство его съ графиней А. П. Каменской (см. это слово).

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Авель снова высказалъ пророчество о вступленіи Наполеоновыхъ полчищъ въ Россію и о сожженіи Москвы. За это предсказаніе онъ былъ заточенъ подъ надзоръ въ Соловецкій монастырь, но и оттуда удалось ему выйти на свободу, пользуясь покровительствомъ князя А. Н. Голицына, постояннаго покровителя квакеровъ, иллюминатовъ, масоновъ и другихъ мистическихъ лицъ. Послѣ того Авель переходилъ изъ монастыря въ монастырь и живалъ подолгу въ Москвѣ.

Тамъ случилось и мнѣ видѣть отца Авеля въ домѣ моей родной бабушки графини Александры Николаевны.

Однажды я игралъ очень весело въ большой залѣ дома бабушки (мнѣ было тогда 8 лѣтъ отъ роду), какъ графиня Каменская привезла съ собою Авеля: я увидѣлъ монаха съ густыми всклокоченными сѣдыми волосами и густою бородою, большими блестящими черными глазами, съ смуглымъ суровымъ лицомъ и громкимъ грубымъ голосомъ. Прорицатель внушилъ мнѣ такой ужасъ, что я немедленно бѣжалъ и спрятался въ отдаленной комнатѣ. Это чувство страха оставалось во мнѣ на нѣсколько лѣтъ.

Послѣ того Авель продолжалъ скитаться по разнымъ странамъ Россіи, но чаще проживалъ въ Москвѣ и Московской губерніи. Здѣсь онъ подалъ прошеніе о принятіи его въ Серпуховской Высоцкій монастырь, куда и поступилъ 24 октября 1823-го года. Вскорѣ разгласилось по Москвѣ новое предсказаніе Авеля—о скорой кончинѣ Александра I, о восшествіи на престолъ Николая Павловича и о бунтѣ 14 декабря. На этотъ разъ прорицатель остался безъ преслѣдованія. Послѣднее его пророчество сбылось, какъ и прежнія.—Весною 1826 года онъ былъ въ Москвѣ. Готовилась

уже коронація Николая I. Графиня А. П. Каменская спрашивала его: будетъ ли коронація и скоро ли. Какъ одна изъ старшихъ статсъ-дамъ и вдова фельдмаршала, она вѣроятно надѣялась получить орденъ Св. Екатерины перваго класса. Авель отвѣчалъ ей: «не придется вамъ радоваться коронаціи.» Эти слова разнеслись по Москвѣ, и многіе объясняли ихъ въ томъ смыслѣ, что коронаціи вовсе не будетъ.

Но значеніе ихъ было совсѣмъ иное: графиня Каменская подверглась гнѣву государя за то, что въ одномъ ея имѣніи крестьяне вышли изъ повиновенія, возмущенные жестокостію управителя, и графинѣ воспрещенъ былъ пріѣздъ на коронацію.

Митрополитъ Филаретъ по поводу послѣдняго предсказанія Авеля, писалъ отъ 25 апрѣля 1829 года своему викарію Иннокентію изъ Петербурга между прочимъ слѣдующее: «слухъ о предсказателѣ въ Серпуховскомъ монастырѣ, безъ сомнѣнія, относится къ извѣстному Авелю, который тамъ былъ, но который въ 1826 году за то, что, какъ говорили, предсказываетъ—заключенъ въ Спасо-Евфимьевъ монастырь, гдѣ и донынѣ остается. Жаль, что вы сего не знали и не сказали, кому слѣдовало.» (Прибавл. къ Твор. св. Отц. 1872 г. ч. XXV, стр. 441). Затѣмъ ему же отъ 2 мая 1829 же года Филаретъ писалъ: «Возвращаю вашему преосвященству переписку о предсказательной молвѣ. Благодарю, что вы хорошо развязали сей узелъ. Одно не худо бы прибавить, что Авель уже сидитъ подъ надзоромъ.» (Тамъ же стр. 448).

А между тѣмъ прорицатель, вѣроятно предчувствуя, что толки о коронаціи будутъ имѣть вредныя для него послѣдствія, въ іюнѣ 1826 года скрылся изъ Высоцкаго монастыря и забралъ съ собою всѣ свои пожитки. По оставленнымъ двумъ письмамъ его оказалось, что Авель находится въ Тульской губерніи, близъ соломенныхъ заводовъ, въ деревнѣ Акуловкѣ. По повелѣнію императора Николая, Авель былъ взятъ оттуда и отправленъ подъ присмотромъ въ арестантское отдѣленіе Суздальскаго Спасо-Евфимьева монастыря.

Тѣмъ и закончились скитанія и прорицанія Авеля. Въ тѣсной арестантской камерѣ онъ окончилъ жизнь свою 29

ноября 1831 года, во время продолжительной и тяжкой болѣзни, напутствованный св. таинствами, и погребенъ за алтаремъ арестантской церкви св. Николая. На могилѣ его нѣтъ памятника, хотя и слѣдовало бы чѣмъ-либо отличить его могилу, такъ какъ онъ по духовному завѣщанію пожертвовалъ въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь въ пользу настоятеля и братіи 8000 рублей ассигнаціями и 2500 на устройство новаго иконостаса въ храмѣ Святителя Николая. Изъ духовнаго завѣщанія Авеля видно, что онъ имѣлъ какого-то сына, которому ничего не назначилъ, «такъ какъ,—объясняетъ онъ—въ свое время, въ продолженіе жизни надѣлялъ его и родственниковъ.»

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

Великій Князь, Генералъ-Адмиралъ, родился 9 сентября 1827 года.

Императоръ Николай съ дѣтства предназначилъ втораго сына своего для морской службы. Въ 1831 г. 22 августа, четырехъ лѣтъ, Константинъ былъ назначенъ генералъ-адмираломъ и шефомъ гвардейскаго экипажа. По волѣ державнаго родителя, обращено было преимущественное вниманіе на морское воспитаніе Великаго Князя, подъ руководствомъ славнаго нашего мореплавателя графа Литке. И августѣйшій юноша дѣйствительно полюбилъ морское дѣло: большую часть своего времени, своихъ силъ и своей службы онъ посвятилъ флоту; онъ 16 лѣтъ плавалъ уже вахтеннымъ лейтенантомъ. Далѣе произошелъ перерывъ въ чисто-морской службѣ Великаго Князя. Въ 1849 году онъ принялъ участіе въ венгерскомъ походѣ и за военныя заслуги получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Затѣмъ начинается административная дѣятельность Великаго Князя по морскому вѣдомству, но въ то же время открылась усиленная работа его по дѣ-

ламъ государственнымъ; съ 1852 года онъ состоялъ членомъ Сибирскаго и затѣмъ Кавказскаго комитетовъ, и особенно трудился по великой реформѣ освобожденія крестьянъ. Затѣмъ послѣдовало назначеніе на постъ намѣстника царства Польскаго и главнокомандующаго войсками въ царствѣ.

На высокомъ и тяжеломъ посту намѣстника, жизнь Великаго Князя подвергалась опасности отъ руки фанатика-революціонера, несмотря на примирительную политику, которой онъ держался по отношенію къ Полякамъ. Они увидѣли въ ней слабость Россіи и готовность ко всякимъ уступкамъ; а между тѣмъ таже мягкая политика производила на Русское общество удручающее впечатлѣніе. Въ особенности въ Москвѣ общественное мнѣніе было очень возмущено; въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* воодушевленныя статьи М. Н. Каткова громили эту примирительную политику и ея вредныя послѣдствія.

Доказательствомъ первостепеннаго значенія Великаго Князя въ дѣлахъ государственныхъ до отъѣзда его въ Польшу, было то, что на административныхъ постахъ наиболѣе трудныхъ и отвѣтственныхъ стали постепенно появляться лица близкія къ нему или служившія подъ его руководствомъ въ Морскомъ Министерствѣ. Рейтернъ, Головнинъ, графъ Д. А. Толстой, Набоковъ, Грейгъ, Гротъ и многія другіе были въ числѣ наиболѣе извѣстныхъ помощниковъ Великаго Князя. Но послѣ возвращенія Его Высочества изъ Варшавы, вліяніе его въ Петербургѣ на дѣла замѣтно ослабѣло. Съ 1866 года первенствующую роль во внутренней политикѣ играли сначала графъ Шуваловъ, а затѣмъ графъ Милютинъ и Лорисъ-Меликовъ. Всю полноту своего значенія Великій Князь Константинъ Николаевичъ сохранилъ лишь въ Морскомъ Вѣдомствѣ.

На этомъ поприщѣ заслуги Великаго Князя неисчислимы и должны оставаться навсегда незабвенными для Русскаго флота. Положеніе морской части, послѣ тяжкихъ испытаній Крымской войны было поистинѣ плачевнымъ. Подъ вліяніемъ генералъ-адмирала нашъ флотъ мало-по-малу изъ па-

руснаго сталъ паровымъ и наконецъ броненоснымъ; въ администраціи совершилось множество преобразованій, упрощено дѣлопроизводство, устроена эмеритальная касса, дающая морскимъ офицерамъ способы для воспитанія дѣтей, и заведены первыя морскія сношенія съ Японіей.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній во флотѣ составляетъ одинъ изъ смѣлыхъ шаговъ Великаго Князя. Эта реформа послужила началомъ измѣненія въ болѣе гуманномъ направленіи всего нашего уголовнаго законодательства.

Кромѣ постоянныхъ занятій по Морскому Вѣдомству, Великій Князь предсѣдательствовалъ во многихъ комитетахъ между прочимъ и въ комитетѣ для устройства духовной части у раскольниковъ. Увлекаясь мягкостью своего характера и примирительнымъ направленіемъ, онъ готовъ былъ предоставить нѣкоторыя права раскольничьимъ лжепопамъ и лжеепископамъ, но былъ удержанъ строгимъ энергическимъ отпоромъ митрополита Григорія (Постникова). Это было, если не ошибаюсь, въ 1857 или 1858 году. Ревнители мнимой старины были въ восхищеніи отъ снисходительности Великаго Князя и, не понимая руководившихъ его причинъ, считали его своимъ защитникомъ и покровителемъ. Въ то время они поднесли ему много древнихъ образцовъ, лучшаго иконописанія XIV, XV и XVI вѣковъ; этими драгоцѣнными иконами покрытъ весь иконостасъ, въ небольшой церкви Павловскаго дворца, до самаго потолка *).

Въ 1881 году Великій Князь Константинъ Николаевичъ оставилъ должности предсѣдателя Государственнаго Совѣта,

*) При вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ иконостасъ этой церкви былъ одноярусный и состоялъ только изъ двухъ иконъ. Одна изъ нихъ особенно замѣчательна: на ней изображенъ Господь Вседержитель, сидящій на престолѣ, а предъ нимъ Императоръ Павелъ на колѣняхъ, въ порфирѣ, поверхъ бѣлой одежды, воздѣвающій молитвенно руки; подлѣ на землѣ лежитъ императорская корона, а внизу иконы надпись: „Апокалипсисъ, глава VI, стихъ 10“ (слова текста не написаны, а только одна цитата). Эта икона была вынута изъ иконостаса по волѣ Императора Николая Павловича, вскорѣ послѣ кончины Августѣйшей его матери.

главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія и особаго присутствія о воинской повинности, сохранивъ званіе генералъ-адмирала уже только какъ почетный титулъ. Сверхъ того, Его Высочество остался предсѣдателемъ комитета о раненыхъ.

Оплакиваемая теперь кончина Его Высочества есть послѣдствіе тѣхъ страданій неизлѣчимой болѣзни, которая постигла его болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ; отнявъ у него свободу движеній, она лишила языка.

Безпристрастная исторія оцѣнитъ его дѣятельность, продолжавшуюся въ такое бурное время, какъ прошлое царствованіе. Великій Князь скончался 13 января 1892 года на 65 году своей жизни.

Подъ вліяніемъ живой и недавней скорби я съ глубокою благодарностію вспоминаю о милостивомъ вниманіи ко мнѣ Его Высочества. Въ 1849 году была напечатана моя книга: «о святыняхъ и древностяхъ Ростова Великаго» и чрезъ двоюроднаго моего брата графа Д. А. Толстаго, состоявшаго въ то время правителемъ канцеляріи Морскаго Министерства, была поднесена Великому Князю, который обратилъ на нее особенное вниманіе. Это было 1 іюня 1860 года. Въ то время когда Великій Князь разсматривалъ большой, приложенный къ книгѣ, рисунокъ архіерейскаго дома, гдѣ жилъ и скончался святитель Ростовскій Димитрій, внезапно позвали Великаго Князя къ Великой Княгинѣ, въ ту самую минуту разрѣшившейся отъ бремени сыномъ. Не могу утверждать, было ли какое-либо отношеніе между разсматриваемымъ рисункомъ дома св. митрополита Димитрія и именемъ Димитрія, даннымъ новорожденному. Вскорѣ послѣ того я имѣлъ честь быть представленнымъ Великому Князю Константину Николаевичу и получилъ отъ него въ подарокъ золотую табакерку, съ надписью по внутреннему краю: «описателю святынь Ростова отъ В. К. К. (Великаго Князя Константина); и послѣ того Его Высочество сохранилъ обо мнѣ милостивую память. Такъ при встрѣчѣ со мною на Петровской выставкѣ, въ Москвѣ, онъ узналъ меня и удостоилъ разгово-

ромъ, а въ недавнее время спросилъ моего сына, представлявшагося Его Высочеству въ званіи камеръ-юнкера: «Живъ ли вашъ отецъ?» и прибавилъ: кланяйтесь ему отъ меня.»

ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВЪ,

дворовый человѣкъ ремесломъ портной, страдавшій параличемъ обѣихъ ногъ.

Окончивъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ и получивъ степень доктора медицины, я поступилъ въ сентябрѣ 1838 года сверхштатнымъ ординаторомъ въ Екатерининскую больницу. Тамъ предоставлены были на мое попеченіе три палаты: одна изъ нихъ заключала въ себѣ больныхъ острыми болѣзнями, а въ двухъ лежали больные хроническіе. Между этими послѣдними я обратилъ особенное вниманіе на одного молодаго человѣка, очень жалкой наружности, исхудалаго и истомленнаго продолжительною больничною жизнію. Это былъ портной Владиміръ Петровъ, крѣпостной дворовый человѣкъ Θ. В. Самарина. Онъ лежалъ въ больницѣ уже болѣе года. Несмотря на отзывъ главнаго доктора А. И. Поля о неизлѣчимости больнаго, добрый господинъ его продолжалъ платить за него въ надеждѣ, что авось найдется какое-нибудь средство для помощи страдальцу. Такъ и случилось, по особенной милости Божіей къ врачу и къ больному.

Распросивъ Владиміра о началѣ его болѣзни и внимательно изучивъ такъ-называемый «скорбный листъ» (historia morbi), я узналъ, что болѣзнь продолжается уже около двухъ лѣтъ и что противъ нея были употреблены многія средства: мази, шпанскія мушки, электричество въ разныхъ формахъ и даже прижиганія. Что же еще было дѣлать? По счастью не задолго до того я производилъ множество опытовъ съ мало извѣстнымъ тогда въ практикѣ веществомъ—стрихномъ, о которомъ писалъ диссертацію на степень доктора.

Посовѣтовавшись съ почтеннымъ и опытнымъ старшимъ врачемъ больницы А. Ѳ. Рябчиковымъ (впрочемъ мало знакомымъ съ употребленіемъ стрихнина) и получивъ согласіе главнаго доктора, я приступилъ къ подкожному лѣченію (methodus endermatica). Послѣ снятія кожи съ пузыря произведеннаго шпанскою мушкою на обоихъ бедрахъ, какъ можно ближе къ бедренному нерву, я прикладывалъ пластырь, посыпанный густо стрихниномъ. Всасываніе повидимому происходило исправно, но возбужденія чувствительности не замѣчалось. Тогда, не оставляя этого наружнаго лѣченія, я рѣшился прибавить къ нему и внутреннее, давалъ растворъ стрихнина внутрь, начиная съ $^1/_{20}$ и доходя до четверти грана въ теченіе дня. На двѣнадцатый день лѣченія появились судороги въ обѣихъ ногахъ. Боясь отравленія, пріемы сильно дѣйствующаго средства пріостановлены на три дня, причемъ самъ больной усердно просилъ о возобновленіи лѣченія.

Давъ ему отдохнуть, я снова приступилъ къ внутреннему употребленію того же средства, впрочемъ съ перерывами время отъ времени. Такъ продолжалось лѣченіе около трехъ мѣсяцевъ. Успѣхъ былъ полный; сначала появилось легкое движеніе въ пальцахъ ногъ; оно мало-по-малу поднималось выше и наконецъ утвердилось, при постоянныхъ сильныхъ судорогахъ, въ сочлененіяхъ колѣнъ и бедръ, такъ что больной въ началѣ декабря могъ уже вставать съ постели и прохаживаться при помощи двухъ костылей. Какая была радость не только для него, но и для меня! Владиміръ даже плакалъ отъ радости и со слезами благодарилъ Бога за свое избавленіе отъ тяжкой болѣзни. Вообще онъ былъ очень набожный юноша и во время болѣзни часто молился и читалъ духовныя книги. Вѣрую, что милосердый Господь даровалъ ему исцѣленіе въ награду за твердую вѣру и преданность волѣ Божіей.

Радуясь успѣху лѣченія, я поспѣшилъ увѣдомить почтеннаго Ѳ. В. Самарина, онъ также былъ очень радъ выздоровленію своего молодаго слуги. Владиміръ возвратился къ сво-

ему барину предъ праздникомъ Рождества Христова уже съ однимъ костылемъ. Послѣ святокъ или нѣсколько позднѣе (теперь за давностью не припомню) онъ приходилъ ко мнѣ съ изъявленіемъ своей благодарности съ палкою въ рукѣ, безъ костыля. Вскорѣ потомъ ноги его совершенно укрѣпились. Въ 1857 году мой бывшій больной выпросилъ себѣ у добраго своего господина отпускную и собирался поступить въ монастырь, но Господь судилъ ему иначе; онъ заболѣлъ простудною горячкою и скончался въ той же Екатерининской больницѣ.

Излѣченіе Владиміра было необыкновеннымъ и почти единственнымъ счастливымъ случаемъ въ моей больничной практикѣ. Почти годовой опытъ медицинской службы убѣдилъ меня въ полномъ отсутствіи у меня діагностики, а потому я отказался отъ медицины и никого съ того времени уже не лѣчилъ, кромѣ крестьянъ, которымъ, живя въ деревнѣ, помогалъ иногда простыми средствами. Говорю это для того, чтобы не подумалъ кто-нибудь будто бы я записалъ излѣченіе Владиміра изъ хвастовства. Чѣмъ могу я похвалиться при одномъ счастливомъ случаѣ въ теченіи года, убѣдившись въ несостоятельности моего распознованія болѣзней?

РЯБЧИКОВЪ,

Александръ Ѳедоровичъ, докторъ медицины, старшій ординаторъ Московской Екатерининской больницы.

Въ молодости своей онъ долго былъ студентомъ Московскаго университета (кажется около семи лѣтъ); а потому, при началѣ войны 1812 года когда крайнѣ нужны были врачи для дѣйствующей арміи онъ былъ выпущенъ прямо со степенью доктора медицины, безъ написанія диссертаціи. Слѣдующіе затѣмъ годы онъ постоянно трудился въ военныхъ тифозныхъ лазаретахъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею; въ Парижѣ пробылъ онъ болѣе года и послѣ говаривалъ: «ужъ этотъ мнѣ Парижъ, тамъ поневолѣ угоришь.»

Кажется сама природа наградила А. Ѳ. врожденною способностью распознованія болѣзней. Діагностика его была необыкновенно счастлива; онъ весьма рѣдко ошибался. Иногда главный докторъ больницы А. И. Поль, постоянно читавшій медицинскіе журналы на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, предпринималъ лѣченіе какого-нибудь больнаго на основаніи прочитаннаго, а мы всѣ, молодые ординаторы, впередъ знали, что больному не сдобровать. А между тѣмъ Рябчиковъ, не зная ни одного иностраннаго языка, всегда попадалъ на настоящую болѣзнь и въ большей части случаевъ лѣчилъ успѣшно. Онъ имѣлъ довольно обширную практику между московскимъ купечествомъ. Какъ человѣкъ одинокій, жилъ очень скромно, успѣлъ нажить небольшой капиталъ и купилъ деревеньку близъ Переяславля-Залѣсскаго. Ежегодно онъ бралъ отпускъ и отправлялся въ свою деревню, причемъ изъ усердія къ богомолью всегда шелъ пѣшкомъ до Сергіевской Лавры, а оттуда продолжалъ путь на телѣгѣ, нагруженной его багажемъ. Въ деревнѣ онъ охотно лѣчилъ окрестныхъ крестьянъ, да и въ Москвѣ никогда не отказывалъ въ помощи приходящимъ къ нему бѣднякамъ, а иногда и самъ посѣщалъ ихъ.

А. Ѳ. Рябчиковъ былъ искренно благочестивый, простой русскій человѣкъ. Случалось, что послѣ удачнаго лѣченья трудной болѣзни въ больницѣ, онъ говорилъ: «всякій успѣхъ отъ Бога, а безъ Бога ни до порога.»

Въ старости оставивъ службу, онъ удалился въ свою деревеньку, гдѣ и скончался. Время кончины и мѣсто погребенія его мнѣ неизвѣстны.

ЛУНГРЕНЪ,

Каролина (по муропомазаніи Александра), гувернантка моя и сестры моей. Она была дочерью бюргера города Пернова (Лифлянд. губ.), и въ 1820 году осиротѣвъ пріѣхала въ Москву искать мѣста. Первое и послѣднее ея мѣсто было въ нашемъ домѣ. Двадцатилѣтняя дѣвушка, весьма некрасивая, но умная, степенная и добросердечная умѣла пріобрѣсть полное довѣріе и дружбу моей матери. При мнѣ пробыла она не болѣе двухъ лѣтъ и перешла къ воспитанію младшей сестры моей, но присутствовала всегда при моихъ урокахъ; тогда былъ у меня учитель, который очень подробно преподавалъ мнѣ Законъ Божій и изъясненіе литургіи. Каролина Ивановна, внимательно прислушиваясь, убѣдилась въ истинности догматовъ православной церкви и пожелала присоединиться къ ней. Для достиженія этой цѣли она ѣздила вмѣстѣ съ моею матерью въ Лавру Преп. Сергія и подала просьбу о присоединеніи преосв. Филарету, тогда еще архіепископу Московскому. Послѣ муропомазанія Александра Ивановна была вѣрною православною христіанкою и всегда до самой смерти своей свято соблюдала всѣ ея обряды. Къ несчастію она носила въ груди зародышъ наслѣдственной чахотки, отъ которой уже умерли на родинѣ своей двѣ ея сестры. Эта пагубная и неизлѣчимая болѣзнь постигла ее, когда мы жили въ Сергіевскомъ посадѣ и уже собирались переѣзжать въ Москву. Заболѣвъ осенью 1829 года, она мирно скончалась 15 апрѣля 1830 года, напутствованная св. Таинствами, съ непрерывною молитвою на устахъ, во время продолжительныхъ предсмертныхъ страданій. Отпѣваніе совершилъ мой незабвенный наставникъ, протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, при пѣніи хора студентовъ Академіи. Между ними находились: отецъ Никонъ, впослѣствіи архимандритъ и ректоръ Псковской семинаріи, И. Д. Троицкій, бывшій потомъ законоучителемъ Демидовскаго Лицея въ

Ярославлѣ и И. П. Соколовъ, окончившій жизнь священникомъ въ Москвѣ. Тѣло почившей погребено въ с. Каменкахъ, подлѣ могилы моего отца.

АХЛЕБАЕВЪ,

престарѣлый, бездѣтный преміеръ майоръ. Предъ открытіемъ, въ 1839 году, Московскаго комитета для разбора просящихъ милостыни, предсѣдатель его, сенаторъ Нечаевъ (см. это слово), собралъ очень быстро крупныя суммы изъ приношеній купечества и другихъ лицъ. Въ числѣ ихъ самое замѣчательное поступило отъ Ахлебаева. Нечаевъ поѣхалъ къ нему въ Хамовники, прямо изъ Сената, въ мундирѣ и въ лентѣ, и такъ умѣлъ растрогать его своимъ краснорѣчіемъ, что старикъ расплакался и тутъ же вручилъ гостю 5000 р. асс., а по смерти своей завѣщалъ комитету свой домъ съ большимъ количествомъ земли и до десяти тысячъ рублей. На эти деньги, съ продажею лишней земли, устроена была Ахлебаевская богадѣльня, въ которую переведено было значительное число увѣчныхъ - призрѣваемыхъ изъ Работнаго Дома. Старикъ Ахлебаевъ былъ очень замѣчателенъ, какъ необыкновенная въ своемъ родѣ личность. Мнѣ, какъ сотруднику комитета, поручено было отвезти къ нему для подписи переписанное на бѣло духовное завѣщаніе. Ворота заперты, у калитки привѣшенъ колокольчикъ; по звону приходитъ дворникъ и, узнавъ кто я и за какимъ дѣломъ, отправляется докладывать и снова запираетъ за собою калитку. Дожидаюсь довольно долго, а между тѣмъ по двору бѣгаетъ, съ громкимъ лаемъ, цѣлая стая крупныхъ собакъ. Наконецъ дворникъ возвращается, отворяетъ ворота, и я вхожу къ Ахлебаеву. Старикъ весьма ветхій, дряхлый, глухой, въ канифасномъ халатѣ и сверхъ него въ какой-то изорванной женской кацавейкѣ (несмотря на жаркое время), въ вязаномъ колпакѣ на головѣ, принялъ меня въ полутемной, грязной гостиной; вокругъ него суетилось нѣсколько

старухъ-служанокъ. «Позвольте узнать, государь мой, кого я имѣю честь видѣть и по какому дѣлу»? спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя и сказалъ, что привезъ ему завѣщаніе для подписи, по порученію сенатора Нечаева. «Такъ, государь мой, весьма благодарю, что потрудились ко мнѣ старику пожаловать; только не вѣрится, что вы точно графъ, а еще молодой человѣкъ». Старался я объяснить ему, что бываютъ графы не только молодые, но и малолѣтные; старикъ не могъ увѣриться, впрочемъ попросилъ присѣсть, внимательно выслушалъ, но подписать не согласился: «Самъ прочесть не могу, по слабости глазъ, а не знаю, такъ ли написано, какъ вы изволили читать». Спасибо одной изъ старухъ: она присовѣтовала послать за сосѣднимъ священникомъ; когда священникъ прочелъ завѣщаніе въ другой разъ, Ахлебаевъ рѣшился приложить руку, а вслѣдъ за нимъ и священникъ, духовный отецъ его, подписался свидѣтелемъ. Года черезъ два послѣ того старикъ Ахлебаевъ умеръ. Тѣло его погребено въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

НИФОНТЪ,

Архимандритъ Никитскаго Переяславльскаго монастыря.

Въ 1845 году случилось мнѣ, на пути въ Костромскую губернію, заѣхать въ находящійся близъ города Переяславля Залѣсскаго Никитскій монастырь, для поклоненія мощамъ преп. Никиты Столпника. Тамъ познакомился я съ настоятелемъ этого монастыря и смотрителемъ Переславскаго духовнаго училища, о. архимандритомъ Нифонтомъ. Послѣ того, занимаясь описаніемъ Ростовскихъ и Переславскихъ древностей, я нѣсколько разъ останавливался и гостилъ въ Никитскомъ монастырѣ; о. Нифонтъ бывалъ у меня въ Москвѣ и однажды провелъ у меня нѣсколько дней въ имѣніи моемъ селѣ Каменкахъ, въ 20 верстахъ отъ Сергіевскаго посада.

Такимъ образомъ мы близко познакомились и я имѣлъ возможность оцѣнить вполнѣ добрыя качества души о. Нифонта.

Онъ не имѣлъ высшаго богословскаго образованія, но окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ во Владимірской духовной семинаріи и принявъ монашество, былъ долго учителемъ въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, затѣмъ былъ назначенъ въ должность смотрителя училища въ Переяславлѣ, при чемъ ввѣрено ему настоятельство въ Никитскомъ монастырѣ, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита. О. Нифонтъ отличался необыкновеннымъ добродушемъ и простотою въ обращеніи съ братіей монастыря, впрочемъ весьма немногочисленнаго. Никто не видалъ его разсерженнымъ; но при этомъ онъ умѣлъ сохранять строгій порядокъ между монахами и между учениками училища. Послѣдніе любили его какъ отца и горько плакали, когда онъ былъ переведенъ изъ Переславля въ Муромъ, для управленія Спасскимъ монастыремъ.

Въ числѣ лицъ, присланныхъ въ Никитскій монастырь для исправленія, находился игуменъ Григорій, кандидатъ IV курса Московской духовной Академіи. Онъ былъ сынъ крестьянина Владимірской губерніи, но какъ родной племянникъ по матери преосв. Ксенофонта, тогда епископа Владимірскаго, а впослѣдствіи архіепископа Каменецъ-Подольскаго, онъ былъ принятъ сначала въ семинарію, а позднѣе и въ Академію. По окончаніи академическаго курса, онъ не получилъ учительскаго мѣста и, будучи уже монахомъ, уѣхалъ на югъ Россіи. Тамъ, при покровительствѣ дяди, сдѣлался намѣстникомъ какого-то многолюднаго монастыря и возведенъ въ санъ игумена. Отличаясь красивою величавою наружностью и искусствомъ прекрасно пѣть густымъ басомъ, онъ къ сожалѣнію, еще въ молодости, пристрастился къ хмѣльнымъ напиткамъ. Эта несчастная страсть, усиливаясь со дня на день, довела его наконецъ до запоя. Въ этомъ положеніи онъ, по указу св. Синода, былъ присланъ въ Никитскій монастырь въ число братіи.

Позволимъ себѣ небольшое отступленіе. Запой не есть

обыкновенное пьянство: это страшная болѣзнь, почти всегда неизлѣчимая. Человѣкъ привыкшій къ пьянству, но сознающій всю гнусность этого порока, старается воздерживаться отъ вина, долго крѣпится, наконецъ, выбивается изъ силъ и какъ бы безсознательно начинаетъ поглощать такое количество спиртной влаги, что всѣ свидѣтели подобнаго припадка приходятъ въ ужасъ.

Больной теряетъ сознаніе, видитъ вокругъ себя какихъ-то злыхъ духовъ и не перестаетъ пить вино, покуда кто-нибудь изъ жалости не приметъ на себя заботу уменьшать постепенно количество употребляемаго имъ вина. Тогда больной, мало по малу приходитъ въ память и уже не прикасается къ вину, иногда очень долго, именно до тѣхъ поръ, покуда внезапный припадокъ тоски не приведетъ его вновь къ прежнему жалкому состоянію. Таковъ обыкновенный ходъ болѣзни, называемой запоемъ.

Особенно замѣчательно то, что предъ наступленіемъ припадка появляется у больнаго, кто бы онъ ни былъ, внезапно гордость. Такъ и отецъ Григорій, въ здоровое время скромный и молчаливый, предъ наступленіемъ припадка, начиналъ обыкновенно хвалиться своею (не очень обширною) ученостію, степенью кандидата богословія, громогласнымъ голосомъ и умѣньемъ хорошо пѣть и читать въ церкви.

Въ 1857 году я пріѣхалъ, послѣ тяжкой болѣзни, на богомолье въ Никитскій монастырь и здѣсь впервые увидѣлъ отца игумена Григорія. Самый видъ его, какъ старца, украшеннаго серебристыми сѣдинами, и скромная приличная бесѣда внушали невольное къ нему уваженіе. Но прошло два дня и онъ совершенно перемѣнился. За всенощною, подъ праздникъ св. пророка Иліи, онъ превосходно пѣлъ на клиросѣ и читалъ паремі, а на другой день участвовалъ въ соборномъ служеніи литургіи. Пришедъ въ келью архимандрита послѣ обѣдни, онъ усѣлся на диванъ и началъ хвалиться своими успѣхами въ разныхъ наукахъ и обратясь къ хозяину, сказалъ: «хорошо бы теперь выпить водочки». О. Нифонтъ скромно отвѣчалъ, что водки у него нѣтъ. О. Гри-

горій сказалъ на это: «коли нѣтъ, такъ и не надо», и тотчасъ же ушелъ въ свою келью, которая находилась подлѣ колокольни, съ выходомъ на балконъ, въ третьемъ этажѣ. Прошло не болѣе часа, какъ мы, услышавъ необыкновенный крикъ, бросились къ окнамъ и увидѣли о. Григорія на балконѣ. Онъ кричалъ какія-то непонятныя слова, опершись на непрочныя отъ ветхости перила. «Вотъ бѣднякъ, того и гляди, упадетъ и присмертится» (т.-е. разобьется до смерти) со вздохомъ сказалъ архимандритъ и тотчасъ же послалъ къ больному послушника, который увелъ его въ келью и заперъ дверь на балконъ.

Подобные припадки еще много разъ повторялись съ больнымъ игуменомъ: онъ съ горестію сознавалъ свое бѣдственное положеніе, но не имѣлъ довольно энергіи, что бы переломить и исправить себя. Казалось, что состояніе его безнадежно, и что только одна смерть сможетъ прекратить страданія больнаго. Но случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Весною 1861 года мнѣ случилось услышать, что о. Григорій за годъ предъ тѣмъ совершенно выздоровѣлъ. Послѣ такого извѣстія я тѣмъ же лѣтомъ побывалъ въ Никитскомъ монастырѣ и узналъ (не отъ настоятеля, а отъ монаховъ) слѣдующія обстоятельства.

Въ воскресенье послѣ масляницы (въ недѣлю сыропустную) всѣ Никитскіе монахи, одинъ за другимъ, приходили по обычаю прощаться съ архимандритомъ. Не пришелъ только о. Григорій, въ то время выздоравливавшій послѣ тяжкаго припадка запоя. Настоятелю вздумалось навѣстить его. Войдя въ келью, онъ поклонился въ ноги игумену, примолвивъ: «прости и благослови отче.» Глубоко тронутый этимъ поступкомъ, игуменъ вскочилъ съ дивана, на которомъ лежалъ, палъ на колѣни и обливаясь слезами воскликнулъ: «мнѣ ли, недостойному грѣшнику, такое почтеніе?» Съ этой минуты совершенно прекратилась страшная болѣзнь о. Григорія.

Наружность исцѣлившагося совершенно измѣнилась: онъ быстро состарился, сгорбился, ходилъ поникнувъ головою

и направивъ глаза къ землѣ, часто вздыхалъ и тихо шепталъ молитву. Однажды случилось мнѣ сидѣть съ нимъ на скамейкѣ за воротами монастыря, подъ тѣнью старыхъ деревьевъ. Онъ долго молчалъ; наконецъ, сказалъ: «Вы видѣли мое прежнее, безнадежное и безотрадное состояніе. Господь помиловалъ меня грѣшнаго, исцѣлилъ посредствомъ смиренія отца архимандрита».

Старецъ сказалъ правду: неизлѣчимый недугъ могъ прекратиться не иначе, какъ благодатною силою Спасителя, умилосердившагося надъ искреннимъ раскаяніемъ страдальца; а это раскаяніе вызвано смиреніемъ настоятеля, хотя послѣдній увѣрялъ, что поступилъ такъ, исполняя только обычный обрядъ.

О. Григорій прожилъ еще пять лѣтъ, представляя собою образецъ непрерывнаго покаянія и ни разу не подвергаясь прежней своей болѣзни. Онъ мирно почилъ въ 1866 году. На могилѣ его, за олтаремъ соборной церкви Никитскаго монастыря, положена, по завѣщанію его, небольшая плита съ именемъ его и текстомъ: «Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь».

Теперь и о. Нифонта нѣтъ уже въ живыхъ. Онъ не долго прожилъ въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ и скончался тамъ осенью 1877 года.

ИСИДОРЪ,

митрополитъ Новгородскій, Петербургскій и Финляндскій, первенствующій членъ Святѣйшаго Синода и предсѣдатель Человѣколюбиваго Общества (въ мірѣ Яковъ Сергѣевичъ Никольскій), родился 1 октября 1799 года, въ селѣ Никольскомъ, Тульской губ., гдѣ отецъ его былъ діакономъ. Воспитывался въ Тульской семинаріи и Петербургской Духовной Академіи. Окончивъ курсъ въ 1825 году со степенью магистра, и послѣ того принявъ монашество, началъ педагогическое поприще въ академіи въ званіи баккалавра

и затѣмъ продолжалъ его въ должности ректора, сначала Орловской, а потомъ Московской семинаріи. Скоро открылся предъ нимъ болѣе обширный кругъ дѣйствій — служеніе православной церкви въ архіерейскомъ санѣ: 11 ноября 1834 года онъ былъ рукоположенъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. Послѣ трехлѣтняго управленія викаріатствомъ подъ руководствомъ незабвеннаго святителя Филарета, преосв Исидоръ постепенно занималъ самостоятельныя каѳедры въ Полоцкѣ и Могилевѣ. Здѣсь онъ твердо стоялъ на стражѣ православія, много содѣйствуя возсоединенію уніатовъ, возстановляя древніе храмы и являя собою высокій примѣръ подвижничества. Оттуда, изъ западнаго края Россіи, плодотворная дѣятельность его перенеслась на юго-восточный край Русскаго государства: въ 1844 году онъ былъ переведенъ на каѳедру Карталинской и Кахетинской епархій съ возведеніемъ въ званіе экзарха Грузіи и назначеніемъ въ члены Святѣйшаго Синода. Тутъ, въ Закавказскомъ краѣ, заботы покойнаго архипастыря были обращены на устройство храмовъ въ мѣстахъ разноплеменнаго православнаго населенія и на просвѣщеніе христіанскою вѣрою тамошнихъ горцевъ. Эти труды экзарха положили твердое основаніе для дальнѣйшаго распространенія православія въ краѣ. Въ день коронованія Императора Александра II, экзархъ былъ возведенъ въ санъ митрополита и черезъ 2 года былъ назначенъ на древнюю Кіевскую митрополію, а оттуда въ 1860 году перемѣщенъ на каѳедру митрополита Новгородскаго и Петербургскаго, причемъ былъ удостоенъ званія первенствующаго члена Св. Синода. Почилъ въ маститой старости, 7 сентября 1892 года, и погребенъ въ устроенной имъ церкви св. Исидора Пелусіота.

Въ виду свѣжей могилы, при всеобщей скорби о кончинѣ первосвятителя, не настало еще время для безпристрастной оцѣнки подвиговъ и заслугъ его. Мнѣ остается только сообщить о личныхъ отношеніяхъ моихъ къ почившему іерарху.

Напечатавъ книгу «Святыни и древности великаго Нова Города» и будучи неизвѣстенъ лично преосв. Исидору, я

рѣшился незадолго до торжества 1000-лѣтія Россіи обратиться къ нему съ письмомъ, испрашивая благословенія на продажу моей книги при монастыряхъ и перквахъ Новгородскихъ. Я могъ ожидать благосклонной резолюціи владыки, но, къ удивленію моему, получилъ отвѣтное письмо, весьма благосклонное и писанное, съ начала до конца, собственною рукою митрополита. Это драгоцѣнное письмо сохраняется у меня до сего времени. Прибывъ въ Новгородъ за нѣсколько дней до торжества, я удостоился радушнаго, какъ бы отеческаго, пріема владыки.

Государыня Императрица Марія Александровна, послѣ торжественнаго обѣда, на которомъ первый тостъ: «за благоденствіе Россіи» былъ провозглашенъ самимъ Государемъ Александромъ II, обратилась къ митрополиту Исидору, прося его указать ей кого-либо для объясненія древностей Софійскаго собора и другихъ храмовъ Новгородскаго Кремля. При томъ она сказала: «иное нужно мнѣ объяснить по-французски; иначе я не пойму». Владыка рекомендовалъ ей меня, какъ автора книги, въ тотъ же день поднесенной мною Государю и Государынѣ.

Въ тотъ же вечеръ митрополитъ прислалъ ко мнѣ келейника съ приглашеніемъ на чай и сообщилъ мнѣ въ интимной бесѣдѣ разговоръ съ нимъ императрицы. Тутъ пришелъ незнавшій меня оберъ-прокуроръ Св. Синода А. П. Ахматовъ и сталъ говорить владыкѣ, что напрасно онъ рекомендовалъ свѣтскаго человѣка на такое дѣло, которое болѣе прилично духовному лицу и просилъ замѣнить его ректоромъ семинаріи архимандритомъ Макаріемъ (нынѣ архіепископъ Донской). Но митрополитъ отвѣчалъ: «призовите отца Макарія, если хотите; а присутствіе графа (указавъ на меня) все-таки нужно, потому что для Ея Величества требуется французскій языкъ».

Такимъ образомъ, 9 сентября отецъ Макарій и я ожидали прихода Императрицы въ сѣверномъ придѣлѣ Софійскаго собора, гдѣ, по совѣту моему, были разложены на особомъ столѣ замѣчательнѣйшіе предметы, перенесенные изъ

ризницы. По приходѣ Государыни въ соборъ, мы оба объясняли ей разложенные предметы и указывали на замѣчательныя древнія иконы, причемъ она обратила особенное вниманіе на образа Софіи, премудрости Божіей, и Соловецкихъ чудотворцевъ; особенно на послѣднюю икону, потому что на ней въ квадратикахъ, окружающихъ чудотворцевъ, два раза изображена Марѳа Борецкая, извѣстная подъ названіемъ Посадницы. При осмотрѣ собора оказалось, что для Императрицы французскій языкъ вовсе не нуженъ.

Со стороны митрополита избраніе меня для сопровожденія Императрицы при осмотрѣ Софійскаго собора, Грановитой палаты и Крестовой церкви Преподобнаго Сергія, было мнѣ истиннымъ и великимъ благодѣяніемъ: съ того времени Государыня изволила обратить на меня особенное вниманіе и почти при каждомъ пріѣздѣ въ Москву удостоивала приглашать меня къ Себѣ.

До глубины души благодарный митрополиту, я послѣ того при каждомъ пріѣздѣ въ Петербургъ приходилъ къ нему для принятія благословенія и всегда былъ благосклонно имъ принятъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ почившаго нынѣ іерарха въ 1888 году: онъ былъ тогда еще бодръ и дѣятеленъ, несмотря на глубокую старость.

Вѣчная память доблестному первоіерарху, прослужившему три четверти столѣтія православной церкви и отечеству! Да почіетъ душа его въ мирѣ!

ГОЛОВИНЪ,

Николай Александровичъ, статскій совѣтникъ. Онъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ средѣ московскихъ масоновъ и предметомъ всеобщаго ихъ благоговѣйнаго почтенія и повиновенія, какъ человѣкъ необыкновенно-умный, хитрый и обладавшій разнородными познаніями, особенно въ такъ-называемыхъ тайныхъ наукахъ. Кромѣ степени мастера въ этой

ложѣ, онъ былъ также мастеромъ въ Великой Провинціальной и, какъ кажется, принадлежалъ къ сословію рыцарей Розоваго Креста, о которомъ говорится въ масонской пѣснѣ:

„Блещетъ надъ нами Розовый Крестъ:
Онъ насъ наставитъ, онъ вразумитъ,
Тѣло прославитъ, духъ оживитъ“...

Головинъ почти всегда былъ боленъ; отъ разлива желчи, или отъ природнаго ѣдкаго, непріятнаго характера, онъ былъ нестерпимъ въ обращеніи съ братьями, такъ что нѣкоторые соблазнились и ушли отъ него. Раздражительность его достигла до высшей степени по возвращеніи въ 1831 году изъ за границы, куда онъ ѣздилъ лѣчиться (но безъ успѣха) съ пособіемъ отъ правительства и съ сохраненіемъ жалованья по званію директора Московской адресъ-конторы. Онъ скончался весною 1832 года и погребенъ въ Андроньевскомъ монастырѣ, близъ могилъ многихъ его собратій и учениковъ. На могилѣ его поставленъ чугунный кубъ (символъ ввободнаго каменщичества) съ текстомъ: «Подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру сохранилъ» и позолоченный крестъ Мальтійской формы, съ розою въ срединѣ—знакъ рыцарей Розоваго Креста (Розенкрейцеровъ).

Объ ученіи масоновъ или «свободныхъ каменьщиковъ», какъ они себя называютъ, мнѣ удалось узнать очень немногое изъ отрывочныхъ разсказовъ Н. М. Шатрова, какъ наименѣе скромнаго между «братьями». Другіе масоны, которыхъ я зналъ, были болѣе скрытны и никогда не обмолвились ни однимъ словомъ о таинственномъ смыслѣ своего ученія. Разскажу, что удалось мнѣ узнать отъ нихъ, и то что могъ извлечь изъ собранія масонскихъ бумагъ, переданныхъ въ Московскій публичный музей послѣ графа Серг. Степ. Ланскаго.

Гонимое при Екатеринѣ II, отдохнувшее при Павлѣ I, русское масонство пользовалось полною свободою и довѣріемъ правительства въ царствованіе Александра Павловича до 1821 года. Тогда публично существовала въ Петербургѣ «Великая Провинціальная Ложа» подъ предсѣдательствомъ

великаго провинціальнаго мастера графа М. Ю. Віельгорскаго (онъ подписывался Вильгурскимъ) и множество зависящихъ отъ нея ложъ въ разныхъ городахъ Россіи и Польши. Одна изъ числа ихъ, (какъ увѣдомилъ графъ Вильгурскій «высокопочтеннаго великаго намѣстнаго мастера, управляющаго Великою Провинціальною ложею Сергѣя Степановича Ланскаго») открыта имъ въ пятницу 7 числа 10 мѣсяца 5817 года *) «на Востокѣ Москвы, благословеніемъ всевышняго архитектора, подъ правленіемъ Великой Провинціальной ложи, совершенная и справедливая св. Іоанна Крестителя ложа, имѣющая названіе ищущихъ манны» (дѣла Великой Провинціальной ложи № 1893, 12). Эта ложа получила вмѣсто герба—золотой въ кругѣ крестъ съ надписью: «исполняй понятное, поймешь непонятное». Отличительный знакъ членовъ ложи—такой же крестъ въ петлицѣ кафтана на бѣлой съ золотыми каймами лентѣ; мастера во время собраній носили этотъ крестъ на шеѣ, а предсѣдатель, или «мастеръ стула»—на широкой лентѣ чрезъ плечо. (Тамъ же).

Въ спискѣ членовъ этой ложи, составленномъ въ 1819 году, названы: мастеръ стула С. П. фонъ-Визинъ, намѣстный мастеръ П. А. Курбатовъ; 1й надзиратель В. Д. Камынинъ; 2й надзиратель Я. Ѳ. Скарятинъ; риторъ А. О. Поздѣевъ; 1й стуартъ (стражъ Stewart) В. Л. Пушкинъ; 2й стуартъ А. И. Яфимовичъ; секретарь А. Н. Садыковъ и обрядоначальникъ Я. Х. Венкстернъ. Мастеръ стула и два надзирателя назывались «чиновниками» ложи, а прочія должностныя лица «офиціалами». Братья раздѣлялись на три степени: мастеровъ, товарищей и учениковъ; изъ двухъ послѣднихъ разрядовъ они постепенно достигали до перваго. Всѣхъ братьевъ въ спискѣ 1 мая 1821 года было 56 (№ 1915, 73).

Теперь сообщу съ полною откровенностію тѣ немногія

*) Во всѣхъ масонскихъ бумагахъ лѣтосчисленіе начинается за 4,000 лѣтъ до Р. Х.

свѣдѣнія объ ученіи масоновъ, какія удалось мнѣ узнать или замѣтить.

I. Масоны считаютъ свои учрежденія весьма древними и доводятъ ихъ до временъ Соломона. Всѣ таинственные предметы: лопатки, молотки, передники, ковры съ изображеніями и т. п. устроены въ память храма, сооруженнаго Соломономъ. Сюда же относится и самое названіе «свободныхъ каменьщиковъ». Въ христіанской церкви основателемъ масонства, по мнѣнію ихъ, былъ, будто бы, Іоаннъ Креститель.

II. Чтобы сдѣлаться масономъ, необходимы три условія: 1) Вѣра въ Единаго Бога. Такимъ образомъ не только христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ, деистамъ и т. п. дозволяется присоединеніе къ ложамъ. Я читалъ, что въ Херсонѣ существовала ложа, состоявшая исключительно изъ евреевъ-караимовъ, а въ масонскихъ книгахъ упоминается о ложахъ у индѣйскихъ браминовъ. 2) Отъ масона или «истиннаго свободнаго каменьщика» требуются непрестанные подвиги для самоусовершенствованія; 3) поступающій въ братство обязанъ быть сострадательнымъ и милосердымъ ко всѣмъ бѣднымъ, особенно къ нуждающимся братьямъ. Онъ долженъ отдѣлять на дѣла милосердія не менѣе 10й части своего дохода.

III. По первому пункту масонскихъ обязанностей, то-есть относительно догматовъ вѣры, нужно замѣтить, что братья нисколько не стѣснялись исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и даже самыми догматами того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежали. Нѣкоторые изъ нихъ любили ходить въ церковь, соблюдали уставленные посты, чтили память святыхъ и благоговѣйно лобызали св. иконы; другіе, напротивъ, хотя и православные по крещенію, ограничивались поклоненіемъ одному Господу Іисусу Христу, не обращая вниманія на все прочее. Въ доказательство могу привести примѣръ. Когда я напечаталъ книжку о чудотворной Иверской иконѣ Богородицы, многіе изъ этихъ господъ говорили мнѣ: «Къ чему этотъ напрасный трудъ? Что за чудотворныя иконы?» Но если иные изъ братьевъ-каменьщи-

ковъ оставались равнодушными къ святынямъ православной церкви, зато всѣ они вѣрили въ существованіе безплотныхъ духовъ и притомъ весьма различныхъ, не только добрыхъ и злыхъ, на основаніи Св. Писанія, но и какихъ-то среднихъ, приставленныхъ къ водамъ, лѣсамъ, домамъ (по простонароднымъ названіямъ: водяныхъ, лѣшихъ, домовыхъ и проч.). Сношенія отшедшихъ душъ съ живыми людьми были однимъ изъ любимыхъ предметовъ ихъ бесѣдъ. Книги, изданныя на счетъ масонскаго братства, по распоряженію Н. А. Головина, какъ-то: «Любопытныя приключенія и сны» и «смѣсь полезнаго съ любопытнымъ и пріятнымъ», въ двухъ томахъ, наполнены разсказами о духахъ и видѣніяхъ. Нужно замѣтить, что предисловія этихъ книгъ подписаны буквами П. И. К. Эти заглавныя буквы значатъ: «Почитатели истиннаго каменьщичества». Еще была у нихъ одна толстая рукопись, подъ заглавіемъ: «Пневматологія», заключающая въ себѣ множество разсказовъ о явленіи разныхъ духовъ.

IV. Ко второму пункту масонскаго ученія относится нравственная обязанность каждаго лица, принадлежавшаго къ братству, заботиться о своемъ самоусовершенствованіи и, прежде всего, бороться съ своими «темпераментальными» недостатками. Дѣйствительно, многіе изъ знакомыхъ мнѣ масоновъ дѣятельно подвизались въ исправленіи своихъ порочныхъ наклонностей и, при нравственномъ вліяніи старшихъ своихъ собратій, оказывали успѣхи въ трудѣ своемъ. Такъ Н. А. Головинъ отучилъ было себя отъ насмѣшливости, въ которую, впрочемъ, впалъ снова передъ смертью, «по недостатку тѣлесныхъ силъ для борьбы съ темпераментомъ», какъ говорили его почитатели; такъ С. П. фонъ-Визинъ, по выраженію Шатрова, «уцѣломудрился»; Перваго одолѣвалъ свою скупость. Руководствомъ для наблюденія надъ собою служила имъ книга І. Месона «О самопознаніи», нѣсколько разъ напечатанная въ Россіи. Одно изъ изданій ея, было сдѣлано трудами Н. А. Головина, со множествомъ выписокъ изъ древнихъ и новыхъ писателей на разныхъ языкахъ. Въ послѣдній разъ трактатъ Месона былъ перене-

денъ и изданъ С. А. Масловымъ, безъ всякихъ выписокъ, небольшею книжкою.

V. Благотворительность масоновъ заслуживала не только похвалы, но и удивленія. Можно было бы указать много примѣровъ поразительной щедрости. Особенно замѣчательна была взаимная помощь ихъ другъ другу: братство не только выдавало ежемѣсячныя пособія обѣднѣвшимъ своимъ сочленамъ, не только заботилось о доставленіи имъ и сыновьямъ ихъ выгодныхъ мѣстъ, но иногда и устраивало браки ихъ, въ тѣхъ же видахъ. Такъ удалось имъ сосватать младшую дочь В. Д. за С. Н. А; вдову своего собрата купца Шевелкина за А. И. Маслова, между тѣмъ какъ она имѣла въ то же время другаго, лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ, жениха, заслуженнаго генерала. Но вотъ самый поразительный опытъ дѣятельностд масоновъ въ этомъ родѣ. Въ числѣ ихъ находился нѣкто О—въ, человѣкъ, отличавшійся единственно атлетическимъ тѣлосложеніемъ и ненасытнымъ любостяжаніемъ. Ему удалось (не знаю, съ помощію ли собратій или нѣтъ) жениться на богатой, пожилой барынѣ, вдовѣ гофмейстера; она чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла, и О—въ завладѣлъ всѣмъ, что̀ послѣ нея осталось такъ что дочь ея отъ перваго брака не получила ничего. Но этого было для него мало; онъ просилъ содѣйствія старшихъ братьевъ для сближенія его съ старой барышней М. Ѳ. Я—вой, на которой будто бы хотѣлъ жениться; они поручили это дѣло одному изъ братьевъ П. Г. Шицу и Шицъ познакомилъ О—ва съ Я—вой. Неожиданно для почтенныхъ покровителей, дѣло приняло совершенно иное направленіе: О—въ сблизился съ старой дѣвицей, издавна одержимой желаніемъ найти себѣ мужа, но не женился на ней, а ограбилъ ее до чиста и бросилъ. Шицъ за это съ нимъ поссорился, но начальники братства поспѣшили помирить ихъ. Впрочемъ выгодные расчеты О—ва не пошли ему въ прокъ: онъ умеръ, въ крайней бѣдности.

Въ масонскихъ ложахъ заведено было, какъ всѣмъ извѣстно и подробно описано въ романѣ Писемскаго «Масоны»,

множество разныхъ обрядовъ; особенною торжественностію отличался обрядъ присоединенія новыхъ лицъ. Послѣ закрытія ложъ, всѣ обряды изчезли, но собранія братьевъ продолжались въ видѣ бесѣдъ довольно часто, особенно по средамъ, въ домѣ П. А. Курбатова, и принятіе новопоступающихъ продолжалось тайно. Нужно думать, что нѣкоторые изъ братьевъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ ложѣ «Ищущихъ Манны», были приняты уже послѣ указа 1822 года, потому что имена ихъ не значатся въ спискахъ ложи сохраняющихся въ Румянцевскомъ Музеѣ.

Часто занималъ меня вопросъ: зачѣмъ какой-то таинственный, своеобразный путь къ исправленію нравственнаго характера и къ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, когда есть у насъ открытый, прямой путь въ Божественномъ Откровеніи и ученіи св. Церкви? Зачѣмъ руководствоваться какими-то иновѣрными книгами, часто несогласными съ догматами православной церкви, а иногда даже богохульными (какъ напр. «Таинство Креста» и нѣкоторыя статьи «Сіонскаго Вѣстника»), когда для насъ всегда готовы душеполезныя творенія отцевъ церкви? Зачѣмъ «пить изъ сокрытыхъ и, можетъ быть, нечистыхъ кладезей, когда есть у насъ источникъ воды живой, дарованной намъ самимъ Богомъ?» какъ выразился о масонахъ митрополитъ Филаретъ. «Зачѣмъ (по словамъ покойнаго И. С. Аксакова) заходить къ Богу съ задняго крыльца, когда переднее открыто?» На эти вопросы я самъ себѣ не умѣлъ отвѣчать и не могъ получить разъясненія отъ тѣхъ, къ которымъ обращался за совѣтомъ.

Самая таинственность масонскаго ученія заставляетъ сомнѣваться въ чистотѣ его. Историкъ ордена іезуитовъ Кретино-Жоли совершенно правъ, когда говоритъ: «гдѣ нѣтъ ничего зазорнаго, тамъ неумѣстна таинственность» (Histoire de la Compagnie de Iesus, t. 1, chap. 1).

ПОЗДѢЕВЪ,

Алексѣй Осиповичъ, флота капитанъ-лейтенантъ въ отставкѣ, возведенный въ степень мастера 25 марта 1818 года, сынъ Осипа Алексѣевича, увлекательно описаннаго въ романѣ «Война и Миръ» подъ именемъ Баздѣева, пользовался особеннымъ уваженіемъ братьевъ. Прослуживъ долго въ морской службѣ, онъ отличался характеромъ прямымъ, правдивымъ и откровеннымъ (во всемъ, что не касалось масонства).

Жилъ на самомъ краю города, въ Красномъ Селѣ, въ домѣ, построенномъ еще отцемъ его, по необыкновенному способу: стѣны были сложены изъ двухъ рядовъ кирпича, положеннаго на ребро, при чемъ пространство между рядами было набито пескомъ и толченымъ углемъ. Домъ этотъ отличался необыкновенною теплотою и отсутствіемъ сырости; онъ стоитъ болѣе 100 лѣтъ и принадлежитъ теперь какому-то купцу. А. О. Поздѣевъ былъ большой охотникъ ходить пѣшкомъ; онъ приходилъ къ намъ чрезъ всю Москву на Плющиху и однажды «по дорогѣ» (какъ онъ выражался), вздумалъ зайти къ Тверской заставѣ, посмотрѣть на Тріумфальныя ворота, которыя тогда строились. Умеръ онъ около 1833 года. Между друзьями и собратіями А. О. Поздѣева, сохранилась картинка, изображающая его въ послѣднія минуты жизни.

Отца его я не засталъ въ живыхъ, такъ же какъ и жившаго вмѣстѣ съ нимъ слѣпца Руфа Семеновича Степанова. Всѣ они погребены въ Андроньевѣ. На могилѣ Степанова замѣчательны стихи, написанные А. М. Зиловымъ:

„Онъ жилъ, вседневно умирая,
И умеръ такъ, чтобъ вѣчно жить;
Былъ слѣпъ, но въ горній міръ взирая,
Умѣлъ страдать, молчать, любить“.

КАЗАНСКІЙ,

Петръ Симоновичъ, заслуженный профессоръ Моск. Духовн. Академіи, докторъ богословія. Онъ родился въ Московской губерніи отъ сельскаго священника. Послѣ первоначальнаго домашняго ученія, онъ поступилъ въ Виѳанскую Семинарію, а изъ нея въ Московскую Д. Академію, въ которой по окончаніи курса и оставленъ баккалавромъ (по теперешнему доцентомъ) на каѳедрѣ общей гражданской исторіи. Профессоромъ въ Академіи, постоянно занимавъ одну и ту же каѳедру, прослужилъ 30 лѣтъ (1842—1872).

По причинѣ слабаго здоровья, по особой душевной настроенности и, главное, какъ кажется, по великодушному желанію быть постояннымъ помощникомъ сиротъ-родственниковъ, Петръ Симоновичъ не вступалъ въ бракъ и провелъ жизнь въ холостомъ, поистинѣ монашескомъ, одиночествѣ. Одиночество есть другъ ученыхъ занятій; но врагомъ покойнаго было его здоровье, не только слабое, но и совсѣмъ хилое, такъ что онъ хворалъ и лѣчился весь свой вѣкъ, чуть не каждый годъ принужденъ былъ ложиться на болѣе или менѣе продолжительное время въ постель, перенося несчетное множество горловыхъ жабъ, воспаленій груди и печени. Въ виду этого многочисленные ученые труды Петра Симоновича по всей справедливости должны быть цѣнимы особою высокою цѣной и пріобрѣтаютъ значеніе нравственнаго подвига. Покойный былъ другомъ и соревнователемъ покойнаго А. В. Горскаго: достойный дружбы, онъ соревновалъ ему, превозмогая бодрымъ духомъ немощную плоть.

Предметомъ спеціальныхъ ученыхъ занятій и письменныхъ трудовъ Петра Симоновича была главнымъ образомъ не гражданская общая исторія, которую онъ читалъ съ каѳедры, а исторіи церковныя—общая и русская и гражданская русская.

Огромная масса историческихъ трудовъ Петра Симоновича, (подробно исчисленныхъ въ его некрологѣ) поистинѣ изумительна. Между ними занимаютъ главное мѣсто: 1) *Исто-*

рія православнаго монашества на востокѣ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1854 — 56 г. (Отдѣльными статьями была помѣщаема въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ святыхъ отцовъ, начиная съ 1845 года). Въ 1872 г. это сочиненіе было представлено на соисканіе степени доктора богословія, при чемъ дополнено двумя статьями (напечатанными отдѣльно): «Объ источникахъ для исторіи монашества египетскаго въ IV и V вѣкахъ» и «Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ». 2) Учебная книга Всеобщей исторіи, составленная для употребленія въ семинаріяхъ. Часть первая, древняя исторія (отъ начала до Константина Великаго). Спб., 1863, второе исправленное изданіе 1864. Была составлена П. С—мъ по порученію духовнаго начальства. Слѣдующихъ частей не было написано. 3) Критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о лѣтописи Нестора, 1850 г., и 4) Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія. Это былъ послѣдній трудъ неутомимаго труженика.

Но многочисленными учеными трудами не исчерпывается вся авторская дѣятельность Петра Симоновича. Бывъ человѣкомъ искренно и усердно благочестивымъ, какъ это хорошо извѣстно всѣмъ его знавшимъ, онъ, отчасти по собственному побужденію, отчасти по просьбамъ, написалъ нѣсколько службъ, акаѳистовъ и молитвъ, и немалое количество духовно-нравственныхъ и духовно-назидательныхъ статей, книжекъ и книгъ. Какъ человѣкъ горячо преданный церкви, онъ писалъ полемическія статьи въ защиту ея и ея учрежденій. Въ послѣднемъ случаѣ и поборники церкви можетъ быть не всѣ во всемъ согласятся съ Петромъ Симоновичемъ; но во всякомъ случаѣ должно отдать честь его ревности.

Знакомство мое съ Петромъ Симоновичемъ продолжалось болѣе двадцати лѣтъ. Мнѣ коротко была извѣстна его готовность подѣлиться со всякимъ своими познаніями и оказать содѣйствіе въ трудѣ. Ревность въ исполненіи долга, неуклонное стояніе за правду и искренность въ обращеніи со всѣми были основными чертами нравственнаго его ха-

рактера. Но, къ сожалѣнію, эта самая искренность, при болѣзненномъ состояніи Петра Симоновича (особенно при страданіи печени), доходила иногда до рѣзкости и суровости и навлекала на него неудовольствіе нѣкоторыхъ изъ числа его сослуживцевъ. Онъ вытерпѣлъ много непріятностей предъ полученіемъ степени доктора богословія (1873) и послѣ тридцатилѣтнихъ трудовъ принужденъ былъ, съ тяжкою скорбію, оставить службу при дорогой ему Академіи.

Кончина Петра Симоновича (14 февраля 1878 года) была почти неожиданною для друзей его и знакомыхъ. Постоянно больной, онъ, такъ сказать, пріучилъ ихъ къ своимъ болѣзнямъ. Разнеслась вѣсть, что онъ тяжело боленъ, и тѣ, до кого она дошла, не подозрѣвая опасности, только пожалѣли, что человѣку истинно многострадальному приходится переносить тяжкую болѣзнь, чуть не сотую по счету. Но на этотъ разъ болѣзнь, весьма короткая, была послѣдняя, и не успѣли еще всѣ узнать о ней, какъ П. С. уже не стало.

Могила его находится въ академическомъ саду, рядомъ съ могилою наставника и друга его А. В. Горскаго.

ІОСИФЪ,

(Сѣмашко) митрополитъ Литовскій.

Въ маѣ 1840 года я имѣлъ счастіе встрѣтить у митрополита Филарета преосв. Іосифа Литовскаго, главнаго и приснопамятнаго дѣятеля при возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью. Онъ при мнѣ разсказывалъ нашему владыкѣ, что, довершивъ это великое дѣло, которое составляло всю цѣль его жизни, онъ просилъ у государя увольненія отъ епархіи, чтобы прожить остатокъ дней своихъ въ уединеніи, но не въ монастырѣ. «Двѣнадцать лѣтъ такой удручающей работы», говорилъ онъ, «такихъ безпокойствъ и такой отвѣтственности утомили бы всякаго. Я же ничего

не добивался. Идеаломъ земнаго счастія для меня былъ имѣть домикъ съ садомъ и кабинетъ съ книгами. Но Государю просьба моя была неугодна, и я долженъ былъ остаться на своемъ мѣстѣ». Онъ разсказалъ еще, что папа, раздраженный отступленіемъ отъ него уніатскихъ архіереевъ, торжественно проклялъ ихъ. Актъ проклятія былъ изложенъ въ дикой, средневѣковой формѣ («вѣчный мракъ на очи, вѣчный трескъ и громъ на уши; вѣчный змій на грудь, вѣчный огнь на языкъ и т. д.) и читанъ во время литургіи, предъ самымъ освященіемъ Святыхъ Даровъ (!!) Преосв. Іосифъ былъ принятъ въ Москвѣ съ большимъ почетомъ: въ Чудовѣ, гдѣ онъ останавливался, викарій представлялъ ему настоятелей монастырей и членовъ консисторіи; онъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ и въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ встрѣчали его со звономъ во всѣ колокола: владыка давалъ для него обѣдъ, на которомъ былъ и я. За годъ или за нѣсколько мѣсяцевъ прежде, пріѣзжалъ въ Москву изъ Полоцка другой новоприсоединенный епископъ, преосв. Василій съ древнимъ крестомъ преп. Евфросиніи. Филаретъ былъ тогда въ Петербургѣ и не зналъ о его путешествіи, и потому Полоцкій епископъ былъ очень холодно принятъ въ Москвѣ. Тогда говорили, что этимъ были недовольны, почему владыка митрополитъ и сдѣлалъ наилучшій пріемъ Литовскому архіепископу.

АНТОНІЙ,

(въ мірѣ Яковъ Амфитеатровъ) архіепископъ Казанскій, докторъ богословія. Сынъ священника, родной племянникъ преосвящ. Филарета (Амфитеатрова) митрополита Кіевскаго, онъ окончилъ курсъ магистромъ въ Кіевской духовной академіи въ 1839 году и проходилъ тамъ разныя должности. Будучи ректоромъ Кіевской семинаріи въ 1848 году, за сочиненіе—«Догматическое богословіе православной церкви»,

принятое учебникомъ въ духовныхъ семинаріяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ, возведенъ Св. Синодомъ на степень доктора богословія. Ректоръ Кіевской духовной академіи въ 1851: хиротонисанъ въ санъ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи, въ 1858; епископъ Смоленскій въ 1859 году. Семилѣтнее управленіе Смоленской епархіею преосв. Антоній ознаменовалъ неусыпными попеченіями объ улучшеніи быта духовенства, о средствахъ содержанія духовно-учебныхъ заведеній, составилъ образцовое описаніе епархіи и пріобрѣлъ всеобщую любовь, обнаружившуюся вполнѣ при проводахъ его въ Казань, куда онъ былъ переведенъ въ 1866 году. И здѣсь, какъ прежде въ Смоленскѣ, съ тою же благотворною силою, продолжалась архипастырская дѣятельность владыки. Онъ самъ очень мѣтко и вѣрно обрисовалъ характеръ своего управленія: «Что касается до характера моихъ отношеній къ начальникамъ и наставникамъ семинаріи, то мое правило—начальствовать и управлять такъ, чтобы не давать и чувствовать своего начальствованія, чтобы начальства какъ бы и не было. И это тѣмъ легче мнѣ было дѣлать, что я видѣлъ и въ начальникахъ и въ наставникахъ семинаріи столько усердія и благоразумія, что могъ безъ опасенія предоставлять имъ самостоятельную дѣятельность, оставляя за собою только бдительный надзоръ и въ нужныхъ случаяхъ руководство» *).

Академію Казанскую онъ любилъ горячо; ея радости были его радостями, ея скорби были его скорбями. Во всѣхъ рѣчахъ, которыя произносилъ онъ въ академіи во дни ея праздниковъ, онъ неоднократно повторялъ передъ цѣлой корпораціей академическихъ наставниковъ и передъ цѣлыми собраніями и другихъ любителей духовнаго просвѣщенія, что онъ любитъ академію, и что ничего такъ не желаетъ какъ ея процвѣтанія, а въ особенности процвѣтанія въ ней высшаго собственно богословскаго образованія.

Преосв. Антоній всѣми зависящими отъ него мѣрами на-

*) Смоленскія епарх. вѣд. за 1866 годъ, № 24, стр. 426.

стаивалъ на усиленіи преподаванія миссіонерскихъ наукъ въ подвѣдомственныхъ ему академіи и семинаріи, покровительствовалъ благосостоянію и развитію Казанской крещено-татарской центральной школы, учрежденной бывшимъ профессоромъ, а потомъ директоромъ Казанской инородческой учительской семинаріи Н. И. Ильменскимъ; всячески содѣйствовалъ изученію приходскими священниками инородческихъ языковъ, особенно татарскаго языка, и съ этой цѣлію для поощренія ревностнымъ въ дѣлѣ миссіонерства священникамъ исходатайствовалъ у Синода значительные добавочные къ ихъ казенному жалованью оклады; и наконецъ всячески содѣйствовалъ учрежденію при здѣшнемъ каѳедральномъ соборѣ и успѣхамъ братства св. Гурія, которое имѣетъ главной цѣлію просвѣщеніе инородцевъ и вразумленіе заблуждающихъ.—Съ тою же просвѣтительной цѣлію онъ устроилъ два монастыря и третью женскую общину, имѣющую тоже монастырскій уставъ, и наконецъ достроилъ еще прежде него основанный и начатый постройкою въ видахъ спасительнаго дѣйствованія на мѣстныхъ раскольниковъ въ г. Чистополѣ женскій Успенскій общежительный монастырь.

Личное мое знакомство съ преосв. Антоніемъ началось въ 1869 году, на юбилеѣ Кіевской духовной академіи. Еще болѣе мы сблизились на юбилеѣ митрополита Арсенія. Сверхъ того мнѣ случилось быть два раза въ Казани: въ первый пріѣздъ мой я нашелъ самый родственный пріемъ, какъ бы у сестры родной, у милой, хотя прежде того мало знакомой кузины Вѣры Михайловны Осокиной, дочери роднаго дяди моего графа Михаила Степановича. Тогда она имѣла при себѣ только одну младшую дочь Наденьку, а мужъ ея, съ сыномъ, страдавшимъ глазною болѣзнію, и старшею дочерью, былъ за границею. На пути въ Казань, я занемогъ подагрою и пріѣхалъ больной; милая кузина не хотѣла допустить, чтобы я жилъ въ гостинницѣ, и перевезла меня къ себѣ.

Нѣсколько оправившись отъ болѣзни, я поспѣшилъ къ преосвящ. Антонію, онъ жилъ тогда въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, построенномъ, по повелѣнію Екатерины II

и по плану Растрелли, для архіепископа Веніамина, невинно потерпѣвшаго много непріятностей по доносу о тайныхъ судто бы сношеніяхъ его съ Пугачевымъ. Большой, тѣнистый садъ, состоящій изъ липовыхъ аллей, насаженъ современно съ постройкою дома. Здѣсь, незадолго до моего пріѣзда, едва не случилось ужасное несчастіе.

Преосв. Антоній, гуляя по саду вечеромъ, услышалъ писк въ дуплѣ одной старой липы и неосторожно сунулъ туда концемъ своей трости. Вдругъ вылетѣла сова, кинулась на владыку, повалила его на землю и вонзила острыя когти надъ его глазами. По крику, келейники съ трудомъ успѣли снять и убить сову. Я видѣлъ на лицѣ владыки слѣды когтей, а на каминѣ огромную чучелу злой птицы, угрожавшей слѣпотою одному изъ достойнѣйшихъ архипастырей.

Опять былъ я въ Казани въ 1877 году, принималъ участіе въ засѣданіяхъ IV Археологическаго съѣзда и снова пользовался родственнымъ гостепріимствомъ въ домѣ Осокиныхъ; на этотъ разъ почтенный Алексѣй Гавриловичъ былъ дома и вмѣстѣ со мною ѣздилъ на богомолье въ Седьміезерную пустынь и въ деревню, гдѣ жила тогда младшая дочь Осокиныхъ, Наденька, съ мужемъ своимъ Н. А. Желтухинымъ. Въ этотъ же пріѣзъ я познакомился съ племянникомъ, М. А. Осокинымъ, который возвратился изъ Берлина слѣпымъ, и съ старшею изъ сестеръ его, Варенькой.

Преосв. Антоній принялъ живое участіе въ доставленіи научныхъ удобствъ для пріѣзжихъ археологовъ; по распоряженію многоученаго и неутомимо-дѣятельнаго архипастыря, всѣ замѣчательные предметы ризницъ, какъ соборныхъ, такъ и монастырскихъ, были выставлены для обозрѣнія и снабжены ярлыками съ краткимъ описаніемъ. Посѣтивъ преосв. Антонія въ лѣтнемъ его жилищѣ, я нашелъ его значительно похудѣвшимъ и постарѣвшимъ; въ немъ таились уже корни той внутренней болѣзни, которые, спустя нѣсколько времени, пресѣкли жизнь, драгоцѣнную для русской Церкви Преосв. Антоній скончался 8 ноября 1880 года.

ЭНГЕЛЬГАРДТЪ,

Владиміръ Егоровичъ, сынъ извѣстнаго въ свое время директора Царскосельскаго Лицея, Егора Антоновича Энгельгардта. Рожденный въ нѣмецкомъ семействѣ, онъ былъ крещенъ въ «евангелическомъ» исповѣданіи; воспитываясь въ Лицеѣ подъ надзоромъ отца, онъ вмѣстѣ съ прочими воспитанниками-лютеранами постоянно ходилъ въ воскресные и праздничные дни въ дворцовую православную церковь. Объ этомъ времени своей жизни В. Е. говоритъ въ письмѣ къ духовнику своему священнику М И. Голубицкому: «Въ Лицеѣ былъ свой хоръ и учитель пѣнія, и мы лютеране всегда пѣли на клиросѣ дворцовой церкви, когда наши православные товарищи говѣли. Я въ хорѣ былъ первымъ теноромъ, и съ двумя товарищами (лютеранами) пѣли мы Бортнянскаго трехголосную преждеосвященную обѣдню.— Надобно вамъ сказать, что въ наше время въ лицеѣ былъ отличный законоучитель, докторъ богословія, протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ. Этотъ достойнѣйшій пастырь былъ въ высшей степени симпатиченъ; онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, какъ пожилыми людьми, такъ и молодежью Воспитанники всегда съ нетерпѣніемъ ожидали его прибытія изъ Петербурга, и часы его преподаванія были истинно-духовнымъ наслажденіемъ для его юныхъ слушателей: при весьма благообразной наружности онъ обладалъ увлекательнымъ даромъ слова. У лютеранъ конечно былъ свой законоучитель, Царско-Сельскій пасторъ; но когда онъ, по какимъ-либо причинамъ не приходилъ въ урочные часы, то случалось, что я ходилъ слушать православнаго законоучителя и всегда жалѣлъ, что я не принадлежу къ его паствѣ. Изъ всего сказаннаго вы можете усмотрѣть, что ученіе православной Церкви и божественная служба ея уже тогда мнѣ были довольно знакомы».

По выходѣ изъ Лицея, Владиміръ Егоровичъ прослужилъ болѣе 20 лѣтъ въ гражданской службѣ. Послѣднимъ мѣстомъ

его служенія была какая-то коммиссаріатская коммиссія въ Архангельскѣ, гдѣ исправлялъ онъ должность предсѣдателя, и при выходѣ въ отставку остался такимъ же бѣднякомъ, какимъ вступилъ въ службу. А между тѣмъ было извѣстно, что предмѣстники его, оставляя свою должность, оказывались людьми весьма богатыми.

Послѣ того Энгельгардтъ постоянно жилъ въ Москвѣ скудной своею пенсіей, занимая небольшую комнатку въ самой глуби Замоскворѣчья; питался самой простою пищею и ходилъ всегда пѣшкомъ, не жалуясь на свою бѣдность и не принимая никакихъ пособій отъ друзей и знакомыхъ. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ М. М. Евреиновымъ, а чрезъ него—со мною и моимъ семействомъ.

Въ 1871 г. Вл. Ег., съ отроческихъ лѣтъ полюбившій православное богослуженіе, рѣшился приготовить себя къ переходу въ лоно православной Церкви. Объ этомъ рѣшеніи онъ разсказывалъ мнѣ такъ: «Мое желаніе—ѣхать въ Ростовъ, въ Спасо-Яковлевъ монастырь, гдѣ почиваютъ мощи святителя Димитрія;—между тѣмъ весьма уважаемыя лица говорили мнѣ, что чинъ присоединенія гораздо удобнѣе совершить въ Москвѣ, въ приходской церкви. Словомъ много было совѣтовъ и pro и contra; я не зналъ, что дѣлать и невыразимо скорбѣлъ, потому, что думалъ: послѣдній часъ мой не за горами, а за плечами!..—Причиною моего желанія ѣхать именно въ Ростовъ, кромѣ сильной вѣры въ благодатную помощь великаго поборника православія, святителя Димитрія,—есть еще другое обстоятельство: я увѣренъ, что въ этомъ уединенномъ монастырѣ (гдѣ меня никто не знаетъ), въ присутствіи святыхъ мощей святителей Іакова и Димитрія, я никѣмъ и ничѣмъ не буду развлекаемъ, но буду вполнѣ сосредоточенъ въ мысли о важности совершаемаго надо мною великаго, спасительнаго священнодѣйствія, тогда какъ въ Москвѣ, гдѣ множество людей меня знаютъ, приходская церковь наполнилась бы толпой любопытныхъ зрителей, которые пришли бы посмотрѣть на это святое дѣло, какъ на любопытное зрѣлище, и изъ которыхъ иные тутъ

же стали бы перешептываться,—отъ чего произошелъ бы соблазнъ, какъ для меня, такъ и для всѣхъ предстоящихъ».

Наконецъ, Вл. Ег. рѣшился отправиться въ Ростовъ, а М. М. Евреиновъ и я предложили ему сопутствовать и содѣйствовать по возможности успѣшному исполненію его желанія: 12 іюня 1872 года мы вмѣстѣ пустились въ путь. Дорогою встрѣтили мы настоятеля того самаго Спасо-Яковлевскаго монастыря, куда мы ѣхали, отца архимандрита Иларіона.

Въ первый же вечеръ пребыванія нашего въ Яковлевской гостинницѣ отецъ архимандритъ пожаловалъ къ намъ и заявилъ о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ и даже препятствіяхъ къ совершенію имъ чина присоединенія къ православной церкви: вопервыхъ, онъ безъ разрѣшенія Святѣйшаго Сунода не имѣетъ права быть духовникомъ; вовторыхъ, монастырь не имѣетъ св. мура и метрическихъ книгъ, въ которыя долженъ быть внесенъ новоприсоединенный къ Церкви; въ третьихъ, въ монастырѣ не имѣется печатнаго «чина присоединенія». Всѣ эти затрудненія были разрѣшены очень легко: я присовѣтовалъ пригласить священника ближайшей къ монастырю церкви Архангела Михаила; онъ охотно согласился быть духовникомъ Вл. Ег—ча, участвовать при совершеніи таинства священнодѣйствія, принеся съ собою св. муро, а потомъ внести новоприсоединеннаго въ метрику своего прихода. Архимандритъ очень доволенъ былъ такимъ рѣшеніемъ и сказалъ, что въ слѣдующую пятницу онъ предполагаетъ совершить присоединеніе Э—та къ православной Церкви.

Присоединеніе исполнилось въ назначенное время, а мы, возвратившись изъ храма въ гостинницу, были свидѣтелями необыкновеннаго, смѣю сказать чудеснаго проявленія милости Божіей. Вл. Ег., раскрывая бумажникъ, нечаянно выронилъ оттуда бумажку, пожелтѣвшую отъ времени; на ней собственной его рукою написана слѣдующая замѣтка: «Въ 1855 году, въ ночь съ 15-го на 16-е іюня, я видѣлъ сонъ. Моему взору представилась дивная мѣстность, которую я не

только никогда не видѣлъ, но которую не въ состояніи былъ бы даже вообразить, а тѣмъ менѣе описать словесно или письменно. Находясь въ невыразимомъ созерцаніи всего меня окружающаго, вдругъ вижу, что приближается ко мнѣ дивный отрокъ, небольшаго роста, и говоритъ мнѣ «1872 года, чрезъ 17 лѣтъ, будь готовъ!»—Я не успѣлъ спросить поясненія этихъ таинственныхъ словъ, — дивное существо удалилось отъ меня. Почти вслѣдъ за нимъ приблизился ко мнѣ другой чудный отрокъ, но немного большаго роста, который мнѣ сказалъ: «чрезъ 17 лѣтъ 1872 года».—Что?!—спросилъ я, объятый страхомъ.—«Это послѣдній срокъ,—будь готовъ!» получилъ я въ отвѣтъ... и я проснулся, будучи преисполненъ таинственнымъ и, могу сказать, благотворнымъ страхомъ.—Вижу, что это сновидѣніе послано мнѣ по особой милости Божіей, указывающей срокъ земной моей жизни. Во всякомъ случаѣ настало время неупустительно помышлять о жизни будущей, какъ о единственной спасительной цѣли нашего существованія въ этотъ бренномъ мірѣ. Аминь».

Прочитавъ внимательно эту замѣтку, мы (М. М. Евреиновъ, Эн—тъ и я) поражены были мыслію, что этотъ знаменательный сонъ, неисповѣдимымъ Божіимъ Промысломъ, сбылся нынѣ: 16 іюня 1872 года, ровно, число въ число, черезъ 17 лѣтъ, но сонъ сбылся не къ смерти тѣлесной, какъ предполагалъ писавшій, но къ жизни, къ жизни новой, духовной, ибо 16 іюня 1872 года Вл. Ег. сподобился быть принятымъ въ лоно единой, святой, соборной и апостольской Церкви.

Во время присоединенія Вл. Ег. къ православной Церкви, ему было 64 года отъ роду. Послѣ того онъ прожилъ еще болѣе 15 лѣтъ, но я, переселившись изъ Москвы въ Сергіевскій Посадъ, къ сожалѣнію, потерялъ его изъ виду и только на дняхъ случайно узналъ, что жизнь его недавно окончилась христіанскою, мирной кончиною.

ДІЕВЪ

Михаилъ Яковлевичъ, протоіерей, неутомимый труженикъ науки и всесторонній изслѣдователь-историкъ Костромской старины. Онъ родился 22 октября 1794 года, окончилъ курсъ въ Костромской семинаріи съ званіемъ студента и рукоположенъ во священника села Тетеринскаго, Нерехотскаго уѣзда. Здѣсь онъ нѣсколько лѣтъ проходилъ должность депутата и 8 іюня 1827 года опредѣленъ законоучителемъ въ Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ. Тогда начались и потекли обильными струями ученые труды его по исторіи, археологіи и этнографіи, доставившіе автору званіе дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Всѣхъ сочиненій Діева сохранилось болѣе 80-ти; сохранилась и обширная переписка его съ секретаремъ сказаннаго Общества И. М. Снегиревымъ и много писемъ къ нему отъ извѣстныхъ ученыхъ.

Въ 1832 году отецъ Михаилъ былъ переведенъ къ церкви села Сыпанова, лежащаго въ 2 хъ верстахъ отъ г. Нерехты. Эта церковь прежде была соборною Троицкаго монастыря, основаннаго преп. Пахоміемъ († 1484), котораго мощи почиваютъ здѣсь подъ спудомъ. Живя близъ города, Діевъ могъ удобнѣе исправлять должность законоучителя, которую продолжалъ нести до 1857 года. А между тѣмъ за свои ученые труды удостоивался благодарности отъ попечителя Московскаго учебнаго округа, отъ министра Народнаго Просвѣщенія; а за составленіе исторіи владыкъ Новгородскихъ всемилостивѣйше награжденъ въ 1837 году золотыми часами. Въ 1842 году Діевъ былъ приглашенъ, въ качествѣ сотрудника, въ коммиссію, учрежденную при Св. Сѵнодѣ для исправленія и пополненія исторіи россійской іерархіи. Согласно мнѣнію Московскаго митрополита Филарета, разсматривавшаго, по порученію Св. Сѵнода, сочиненіе о. Діева: «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами» награжденъ 4 сентября 1857 года саномъ протоіерея.

10 августа 1865 г. былъ поданъ о. Діевымъ рапортъ на имя преосвященнаго Платона, епископа Костромского. Этимъ рапортомъ о. протоіерей просилъ уволить его по слабости здоровья, «какъ отъ должности священника» (которую онъ исполнялъ въ продолженіи 52 лѣтъ), «такъ благочиннаго по XII округу и депутата (при испытаніяхъ) по Нерехотскимъ училищамъ. Къ рапорту было приложено медицинское свидѣтельство Нерехтскаго уѣзднаго врача Ѳедорова о томъ, что «от. протоіерей Михаилъ Діевъ страдаетъ параличемъ и не владѣетъ правою рукою, а потому должность священника исправлять не въ состояніи». Просьба о. Діева была уважена. На прошеніи его послѣдовала резолюція преосвященнаго Платона: «1865 года, августа 12 дня. Согласно прошенію, достопочтеннѣйшій о. протоіерей увольняется отъ обязанностей приходскаго священника и благочиннаго церкви Сыпановой свободы и депутата при испытаніяхъ въ свѣтскихъ училищахъ».

Не прожилъ и полугода о. Михаилъ Діевъ послѣ оставленія пастырской должности: 3 февраля 1866 года онъ скончался, на 71 году, и погребенъ при церкви села Ильинскаго, что на р. Мезѣ, Костромскаго уѣзда.

Въ первый разъ случилось мнѣ видѣть от. протоіерея Діева въ 1829 году: въ селѣ Красномъ, Нерехотскаго уѣзда, при освященіи придѣла въ честь преп. Сергія въ имѣніи роднаго дяди моего П. Н. Сумарокова, бывшаго тогда почетнымъ смотрителемъ Нерехотскаго уѣзднаго училища. Не смотря на свою раннюю молодость, я замѣтилъ въ обращеніи о. Михаила съ гостями и даже съ мѣстнымъ губернаторомъ полную самостоятельность, съ отсутствіемъ всякой лести и униженія.

РИКОРДЪ,

Петръ Ивановичъ, адмиралъ состоявшій при особѣ Его Величества, предсѣдатель Морскаго Ученаго Комитета и вице-президентъ Вольнаго Экономическаго Общества, происходилъ изъ небогатаго семейства, русскихъ дворянъ. Родился въ 1776 году, по окончаніи курса наукъ въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ мичманы въ 1794 году. Первымъ отличіемъ морской его службы было освобожденіе капитана Головнина, захваченнаго въ плѣнъ Японцами,—отличіе, прославившее молодаго капитанъ-лейтенанта Рикорда. Послѣ того онъ пробылъ пять лѣтъ начальникомъ Камчатскаго полуострова и въ эти годы успѣлъ пріучить мѣстныхъ жителей къ воздѣлыванію огородныхъ овощей, какъ то: капусты, рѣдьки, луку и чесноку, отъ чего прекратилась между Камчадалами губительная цынга, истреблявшая народъ во множествѣ. Весною 1828 года Рикордъ назначенъ былъ, въ чинѣ вице-адмирала, начальникомъ эскадры, назначенной въ Средиземное море. Отправясь съ Кронштадтскаго рейда, до острова Мальты, онъ былъ направленъ съ отдѣльнымъ отрядомъ къ блокадѣ Дарданеллъ и Константинополя, съ южной стороны пролива.

При частныхъ сношеніяхъ Вольнаго Экономическаго Общества съ Московскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства, П. И. Рикордъ сблизился и подружился съ непремѣннымъ секретаремъ послѣдняго Общества С, А. Масловымъ.

Въ 1845 году по случаю юбилея Московскаго Общества почтенный адмиралъ провелъ около недѣли въ Москвѣ. Тогда и мнѣ открылась возможность узнать его лично. Любя хорошій чай, онъ говорилъ иногда Маслову: «Я сегодня приду къ тебѣ чаевать», и Масловъ покупалъ четвертку самаго лучшаго чая для угощенія дорогаго гостя. На этихъ вечерахъ бывало не болѣе четырехъ или пяти человѣкъ, и въ томъ числѣ—я. Сколько тогда наслушался я занимательно-

ныхъ разсказовъ о прошломъ времени и въ особенности объ эпизодахъ морской службы П. И.

Въ 1849 году, будучи въ Петербургѣ прикомандированнымъ къ Промышленной выставкѣ, я нѣсколько разъ видѣлся съ П. И. Рикордомъ и обѣдалъ у него, въ день его именинъ, 29 іюня, на дачѣ его «Камчатка». Здѣсь я былъ свидѣтелемъ интимнаго дружескаго обращенія уважаемаго всѣми хозяина съ множествомъ моряковъ, отъ адмирала до мичмана, наполнявшихъ его дачу. Когда одинъ изъ младшихъ офицеровъ обратился къ почтенному хозяину, величая его высокопревосходительствомъ, адмиралъ отвѣчалъ ему: «Да развѣ вы не знаете, что меня зовутъ Петромъ Ивановичемъ? Здѣсь намъ не приходится разбирать чины, а нужно быть друзьями. На службѣ—другое дѣло».

Въ началѣ 1854 года, когда ожидали въ Петербургѣ нашествія англо-французской эскадры, адмиралъ Рикордъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Балтійскаго флота. Тогда онъ, какъ человѣкъ искренно-вѣрующій и благочестивый, написалъ слѣдующее письмо къ Московскому митрополиту Филарету: «По Высочайшей волѣ Государя Императора, назначенъ я командующимъ флота, находящагося въ Кронштадтѣ. Вступая въ это званіе и обязанности его, первымъ долгомъ поставляю обратиться къ молитвамъ и благословенію Церкви и вашего Высокопреосвященства. Съ незапамятныхъ временъ воинство Россійское находило утѣшеніе въ словахъ православной Церкви и силу въ знаменіи креста. И если всегда нуждались общественными молитвами наши воины на сушѣ, то сколько необходимѣе онѣ на той стихіи, которая съ трудомъ покоряется и долголѣтнему опыту и наукѣ. Нынѣ же, ожидая на этой стихіи встрѣтить сильнаго непріятеля, флотъ Балтійскій имѣетъ двойную потребность въ молитвахъ и благословеніи вѣры. Вотъ почему обращаюсь къ вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшей просьбою наградить насъ вашимъ архипастырскимъ словомъ, которое съ подобающимъ приличіемъ будетъ прочтено на всѣхъ корабляхъ, и вы, отсутствуя, будете съ нами, и бла-

гословеніе ваше осѣнитъ насъ, готовыхъ сказать вмѣстѣ съ храбрыми Маккавеями: «Мы сражаемся за души и законы наши!» Съ восторгомъ при этомъ могу сообщить вашему Высокопреосвященству, что ввѣренный мнѣ флотъ, отъ начальниковъ до матросовъ, одушевлены необычайнымъ самоотверженіемъ, и всѣ готовы биться до послѣдняго и принять честную смерть, защищая свою родную вѣру, Всемилостивѣйшаго нашего Государя, воодушевляющаго насъ высокимъ примѣромъ своего непоколебимаго мужества и нашу вѣрную и православную Россію. Итакъ благословеніе ваше встрѣтится съ восторженнымъ духомъ народа и, обложивъ насъ двойной защитою, утвердитъ сугубой крѣпостью на подвигъ».

Вотъ отвѣтъ святителя Филарета на это письмо: «Ваше слово и вѣсть, что вы начальствуете надъ флотомъ, находящимся въ Кронштадтѣ, нашли меня сражающимся—съ болѣзнію и побѣждаемымъ ею. Но на голосъ любви къ Царю и Отечеству не должна ли отозваться любовь къ Царю и Отечеству, хотя бы то было послѣднимъ воздыханіемъ, хотя бы то было безсильнымъ воздѣяніемъ рукъ къ Господу силъ, съ моленіемъ о помощи защитникамъ Отечества?

«Христе Царю велій по всей земли! Въ руцѣ Твоей вси концы земли. Твое есть море, и Ты сотворилъ еси е́. Ты владычествуеши державой морскою; смущеніе же волнъ его Ты укрощаеши, Твоя мышца съ силою: да вознесется десница Твоя. Возстани въ помощь нашу. Ты зриши сердца наши и помышленія враговъ нашихъ. Мы ни противъ кого не враждовали; Царь нашъ мирнымъ словомъ желалъ дать миръ Твоимъ святымъ мѣстамъ и православнымъ чтителямъ Твоего имени; но противъ насъ возстали враги Твоего имени, и, что болѣе неожиданно, именующіеся христіанами явились друзьями враговъ и мучителей христіанства, и мирные съ нами, ничѣмъ не оскорбленные нами, подвигли противъ насъ ухищренія клеветы, и наконецъ, оружіе на сушѣ и морѣ. Владычествующій державою морской! Воздвигни руцѣ Твои на гордыни ихъ! Да вознегодуетъ на нихъ вода морская! Да сопротивъ станетъ имъ духъ силы! Сокруши

оружіе ихъ, разруши единомысліе неправды. Аще же что согрѣшихомъ и мы предъ Тобою (ибо кто живъ будетъ и не согрѣшитъ?) покрый милосердіемъ Твоимъ наши предъ Тобою грѣхи, которые смиренно исповѣдуемъ предъ Тобою. Помози намъ Боже, Спасе нашъ, славы ради имени Твоего: да не когда рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ ихъ? Призри и на единовѣрныхъ намъ сыновъ православнаго востока, нынѣ тягчаѣ прежняго подъ чуждымъ игомъ страждущихъ безвинно, безоружныхъ, мучимыхъ и убиваемыхъ отъ безчувственныхъ, невѣрныхъ утѣснителей, предъ столь же безчувственными взорами неправославнаго запада. Помози Господи благочестивѣйшему Царю нашему не только свое достояніе защитить, но и братій нашихъ за предѣлами отечества нашего исторгнуть отъ сѣти смертныя и узы ихъ растерзать.

«Вы говорите, что съ незапамятныхъ временъ воинство Россійское находило силу въ знаменіи креста. На сіе слово утвердительнымъ отвѣтомъ да будетъ изображеніе креста Господня, при семъ припровождаемое, съ призываніемъ Вамъ, и сподвижникамъ Вашимъ молитвенной помощи святыхъ, почивающихъ въ древлепрестольномъ градѣ и окрестъ его. «Христосъ Богъ силою креста Своего да оградитъ Васъ и все ввѣренное Вашему управленію и охраненію!»

При этомъ письмѣ адмиралъ Рикордъ получилъ отъ митроп. Филарета серебряный крестъ съ надписью: «На крестѣ пречистыя руцѣ Твои простерлъ еси, Христе, отъ Тебе далече бывшія призывая и близу Тебѣ устроя, тѣмъ же молютися плѣнена мя бывше страстми собери и покаяніе ми даруй, всяку скверну страстную очищающее; Кресте, ты ми сила буди, крѣпость и держава, избивитель и предратникъ на борющія мя, щитъ и хранитель, побѣда и утвержденіе мое, присно соблюдая мя и покрывая?»

Послѣднею наградою многолѣтней и усердной службы адмирала Рикорда было пожалованіе вензеля Его Величества для ношенія на эполетахъ. Почтенный и заслуженный старецъ скончался въ 1855 году.

ГАТЦУКЪ,

Алексѣй Алексѣевичъ, литераторъ. Фамилія Гатцуковъ (первоначально: Гацуковъ) извѣстна съ XVII вѣка. Тогда Яковъ Гадукъ служилъ въ «Золотой Хоругви» королевства Польскаго. Послѣ того потомки его перешли въ Малороссію и съ того времени всѣ они были православные. Алексѣй Алексѣевичъ родился 2 декабря 1832 года, получилъ образованіе во 2-й Московской гимназіи, а высшее—въ Московскомъ Университетѣ, откуда онъ вышелъ со степенью кандидата историко-филологическаго факультета. Въ 1859 году онъ поступилъ адъюнктъ-профессоромъ въ Одесскій Ришельевскій Лицей по каѳедрѣ русской словесности.

Во время своего профессорства А. А. былъ любимъ и уважаемъ своими слушателями, которые и впослѣдствіи, встрѣчаясь съ нимъ, выражали ему свои дружескія чувства и глубокое уваженіе. Тогда вопросъ о курганахъ (древнихъ могилахъ) центральной Руси оставался еще совершенно неразработаннымъ. Раскопки А. А. въ Московской и Тульской губерніяхъ способствовали къ разработкѣ историческихъ памятниковъ этого рода. Затѣмъ, поселившись въ Москвѣ, Гатцукъ былъ дѣйств. членомъ Общества Любителей Естествознанія и былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей при учрежденіи Археологическаго Общества, въ трудахъ котораго онъ участвовалъ почти до самой своей смерти.

Брошюра: «Слово о старинѣ незапамятной», написанная Гатцукомъ въ 1865 году, имѣла огромный успѣхъ. Первый выпускъ ея разошелся въ 36.000 экземплярахъ и послужилъ къ распространенію въ русской публикѣ археологическихъ интересовъ. Когда въ 1866 году Академія Наукъ отказалась отъ предоставленной ей монополіи изданія календарей, А. А. издалъ первый «Крестный календарь». Въ этомъ изданіи принимали участіе профессоры Погодинъ и Бодянскій. Этотъ календарь, собравши въ себѣ множество церковныхъ и гражданскихъ свѣдѣній, нужныхъ для русскаго человѣка, и при

томъ въ самой простой формѣ, доступной для всякаго простаго человѣка, съ перваго же года изданія сталъ расходиться въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Сверхъ того А. А. съ 1875 года, предпринялъ изданіе еженедѣльной политико-литературной газеты подъ названіемъ «Газеты А. Гатцука». Эта гатета имѣла очень большой успѣхъ: въ 1877 и 1878 гг. было до 20.000 подписчиковъ. Но съ 1880 года, когда здоровье издателя пошатнулось отъ постоянныхъ трудовъ, А. А. принужденъ былъ провести почти цѣлый годъ въ Крыму и прекратить всякое умственное напряженіе.

Съ 1868 года я былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ А. А. Гатцукомъ и принималъ иногда участіе въ составленіи «Крестнаго календаря» доставленіемъ разныхъ церковно-историческихъ свѣдѣній. А. А. бывалъ иногда у меня, но чаще мы видались съ нимъ у О. М. Бодянскаго и въ засѣданіяхъ Археологическаго Общества. Всегда чистый сердцемъ, искренній, правдивый и добродушный, А. А. былъ однако причастенъ одному недостатку, замѣчаемому въ большинствѣ малороссіянъ—упорству въ своихъ мнѣніяхъ. Невозможно было никакими доводами поколебать мнѣнія однажды имъ принятаго.

Осенью 1891 года заболѣлъ эпидеміей, извѣстной подъ названіемъ инфлюэнцы, и тихо угасъ 23 октября. Тѣло его погребено въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

СОЛНЦЕВЪ

Ѳедоръ Григорьевичъ, извѣстный художникъ. Великолѣпные рисунки его, изданные въ книгѣ: *Древности Россійскаго Государства*, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, извѣстны во всѣхъ краяхъ не только Россіи, но и Европы. Они имѣли громадное значеніе для познанія древней Руси. Но нельзя не пожалѣть, что далеко не всѣ рисунки появились въ печати, во всемъ блескѣ красокъ; между тѣмъ до 3.000 (по

отзыву г. Стасова) лежитъ въ папкахъ Московской Оружейной палаты и около 300 другихъ съ рисунками костюмовъ, мужскихъ и женскихъ, изъ всѣхъ краевъ Россіи, остались послѣ кончины Ѳ. Г. Солнцева въ его семействѣ и ждутъ своей очереди для появленія на свѣтъ. Собраніе рисунковъ Солнцева составилось послѣ множества путешествій по Россіи. «Я ѣздилъ, говоритъ онъ въ своей автобіографіи, отыскивать и срисовывать русскія древности въ Псковъ, Новгородъ, Рязань, Москву, Троицкую Лавру, Новый Іерусалимъ, Александровскую слободу, Владиміръ на Клязьмѣ, Суздаль, Тверь, Изборскъ, Печору, Кіевъ, Орелъ, Юрьевъ-Польскій, Витебскъ, Могилевъ—словомъ сказать, кажется нѣтъ такого древнерусскаго города, историческаго мѣста, монастыря или храма, въ которомъ я не побывалъ бы».

Вношу знаменитое имя Ѳ. Г. Солнцева въ «Хранилище моей памяти» по чувству благодарности къ радушію почтеннаго старца, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться въ 1860 году, въ домѣ дальняго родственника моего, вице-президента Академіи Художествъ, графа Ѳедора Петровича Толстаго. Добрѣйшій Ѳ. Г. не только охотно представилъ мнѣ воспользоваться для моего изданія фасадомъ и планомъ Новгородскаго Софійскаго собора, но предложилъ нѣсколько рисунковъ Псковскихъ древностей, изъ числа которыхъ я напечаталъ изображенія мечей Всеволода и Довмонта, князей Псковскихъ, и видъ Псковской Покровской башни.

АГНІЯ,

игуменья Осташковскаго Знаменскаго монастыря, въ мірѣ Анна Андреевна Толстая, родилась 19 января 1793 года въ городѣ Шуѣ. Родители ея были люди вѣрующіе и благочестивые; особенно мать отличалась необыкновеннымъ терпѣніемъ. Она послѣ рожденія второй дочери своей Маріи была поражена параличемъ и съ великой покорностію волѣ Божіей переносила свои страданія до самой кончины. Стар-

шая дочь ея, Анна Андреевна, съ дѣтскихъ лѣтъ охотно посѣщала храмы Божіи и въ ранней молодости желала поступить въ монастырь, но родители на то не согласились.

Въ 1810 году отецъ ея назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Тверь, гдѣ тогда жилъ принцъ Ольденбургскій съ августѣйшей супругою своею, великой княгинею Екатериною Павловною. При дворѣ принца часто бывали балы, на которые приглашали и Толстыхъ. Анна Андреевна, бывшая тогда 17 лѣтъ отъ роду, хотя посѣщала эти балы, и танцовала, но не охотно. Она была очень довольна, когда отецъ ея, по болѣзни, оставилъ службу и переѣхалъ на жительство въ деревню. Здѣсь молодая дѣвица усердно ходила и за нимъ и за своей больною матерію, и свободно могла предаваться влеченію своего добраго сердца; она усердно молилась Богу дома и служила ближнимъ; любила бывать въ храмѣ Божіемъ, посѣщала больныхъ, помогала бѣднымъ и вскорѣ пріобрѣла общую любовь къ себѣ отъ окрестныхъ крестьянъ. Такими поступками своими она поддерживала въ себѣ твердо запавшее въ ея душу стремленіе всецѣло посвятить себя Богу. Между тѣмъ младшая сестра ея, Марья Андреевна, вышла замужъ и имѣла много дѣтей, о которыхъ усердно заботилась Анна Андреевна. Мать ея, умирая, просила ее не спѣшить поступленіемъ въ монастырь, а помогать сестрѣ въ воспитаніи дѣтей ея. Просьба матери была священнымъ завѣтомъ для доброй дочери. Переѣхавъ въ Москву, вмѣстѣ съ семьей сестры, которой мужъ служилъ тамъ, Анна Андреевна нашла себѣ утѣшеніе въ ежедневномъ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Дома она дѣятельно помогала сестрѣ воспитывать дѣтей ея; и тутъ-то проявлялась вся кроткая, любящая душа ея: съ дѣтьми она сама была какъ дитя, подроставшихъ сама учила. Такъ прожила она въ домѣ сестры своей болѣе 7 лѣтъ до того времени, когда послѣдняя племянница ея отвезена была въ Смольный; такъ она свято и въ точности исполнила завѣщаніе своей матери.

Ей было уже 45 лѣтъ отъ роду; теперь она съ спокойной совѣстію могла оставить сестру и подумать о себѣ са-

мой. Она рѣшилась исполнить свое давнее задушевное желаніе—поступить въ монастырь. Она избрала для себя Тверской Христорождественскій женскій монастырь, куда и поступила въ 1839 году, но прежде поступленія въ обитель устроила свои мірскія дѣла, и устроила такъ, какъ говорило ей любящее ея сердце: она отказалась отъ всего своего имѣнія въ пользу сестры своей и выговорила для себя только небольшой ежегодный доходъ.

Въ 1844 году, съ разрѣшенія преосв. Григорія, она получила постриженіе съ именемъ Агніи, и съ ревностію проходила различныя монастырскія послушанія: была письмоводительницей, надзирательницей пріюта бѣдныхъ сиротъ духовнаго званія, который при ней получилъ свое основаніе и въ которомъ она была учительницей,—ходила за больными сестрами, была казначеей и въ 1849 году опредѣлена была игуменіей въ Осташковскій Знаменскій женскій монастырь.

Будучи отъ природы тихаго и кроткаго характера, она еще болѣе усовершенствовалась въ этихъ прекрасныхъ свойствахъ и подъ кровомъ родителей своихъ, и родной любимой сестры своей, и въ стѣнахъ Тверскаго Христорождественскаго монастыря. Теперь, когда она, по устроенію Промысла Божія, сдѣлалась настоятельницею обители, ея кротость проявлялась во всемъ блескѣ. Всегда мирная духомъ, всегда тихая, сдержанная и самообладающая, всегда полная любви ко всѣмъ, всегда готовая явить состраданіе и сожалѣніе даже и къ провинившимся, она умѣла дѣйствовать на сердца ввѣренныхъ ей сестеръ этимъ духомъ любви и кротости и покорять ихъ себѣ всецѣло. «Никто никогда не видывалъ матушку сердитой и гнѣвной»,—говоритъ очевидная свидѣтельница ея жизни. Однажды двѣ сестры за что-то поссорились между собою и пришли къ матушкѣ жаловаться одна на другую; матушка кротко выслушала ихъ, мирила, уговаривала, убѣждала, упрашивала; но все было напрасно. Тогда, видя упорство ихъ, она настоятельно сказала имъ: «подите же, помолитесь Царицѣ Небесной и просите себѣ мира и милости отъ Ней». Сестры пошли. Чрезъ нѣсколько

дней матушка видитъ, что обѣ онѣ молятся предъ чудотворной иконою Знаменія Божіей Матери; она обрадовалась; подошла къ нимъ и спрашиваетъ: «ну что? примирились?» Каково же было ея горе, когда она услышала, что одна изъ нихъ говоритъ ей: «нѣтъ, матушка... она не сознается».— «Да ты больше меня виновата», отвѣчаетъ другая.—«Нѣтъ, вѣрно я больше всѣхъ виновата предъ Богомъ и предъ Пресвятою Богородицей», сказала имъ матушка, «что не умѣю помирить васъ», и съ этими словами поклонилась обѣимъ сестрамъ въ ноги. Это такъ поразило сестеръ, что онѣ сами бросились къ ея ногамъ, просили у ней прощенія, простили другъ другу свои обиды и обнялись при ней.

Игуменьѣ Агніи уже въ старости ея суждено было испытать тяжкую скорбь: 8 іюня 1868 года вспыхнулъ въ г. Осташковѣ сильный пожаръ. Сгорѣлъ Знаменскій монасырь, но иконы и утварь церковная были спасены.

«И надо отдать справедливость Осташковскимъ гражданамъ» —говоритъ современница этого страшнаго пожара:— «горитъ половина города; грозитъ опасность всякому; а многіе граждане все свое оставили и прибѣжали спасать обитель и въ ней церкви Божіи. И въ церквахъ все было спасено: иконы, паникадила и даже царскія двери. Кто-то изъ усердствующихъ, покрывъ голову свою мокрымъ платкомъ, полѣзъ по большой лѣстницѣ на верхній ярусъ иконостаса, набралъ тамъ иконъ и лампадъ и началъ спускаться внизъ. Платокъ, бывшій на головѣ его, загорѣлся; а онъ, держа всѣ снятыя имъ вещи въ рукахъ, кричалъ только: «залейте на головѣ платокъ или снимите его»,—а спасеннаго сокровища не хотѣлъ выпустить.» Епархіальное начальство предполагало упразднить погорѣвшій монастырь и перевести изъ него игуменью съ сестрами въ Новоторжскій Воскресенскій монастырь. Но Осташковское дворянство и городское общество отстояли существованіе своего монастыря и собрали средства для его возстановленія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пожара игуменья Агнія съ своими сестрами могла возвратиться въ свою обитель.

Достигнувъ 75-лѣтней старости и чувствуя ослабленіе силъ, матушка Агнія испросила себѣ увольненіе отъ управленія монастыремъ. Преосв. Савва, архіепископъ Тверской, разрѣшилъ ей жить на покоѣ въ томъ же помѣщеніи, въ которомъ жила будучи настоятельницей, и внушилъ новой игуменьѣ покоить заслуженную старицу, какъ родную мать.

Матушка Агнія мирно скончалась 18 октября 1886 года, на 93 году своей жизни.

ЛѢСТВИЦЫНЪ,

Вадимъ Ивановичъ, сынъ сельскаго священника, Рыбинскаго уѣзда, родился въ 1827 году. Получивъ образованіе сначала въ Ярославской семинаріи, а потомъ въ Московской Духовной Академіи, онъ получилъ въ 1848 году мѣсто учителя въ Варшавскомъ духовномъ училищѣ и проходилъ эту должность въ теченіи 6 лѣтъ. Затѣмъ, уволенный по прошенію отъ учительской должности, онъ поступилъ на службу при Ярославскомъ Губернскомъ Правленіи и былъ въ продолженіи 40 лѣтъ редакторомъ *Губернскихъ Вѣдомостей*.

Возвратившись изъ Привислинскаго края на родину, Вадимъ Ивановичъ всю служебную жизнь посвятилъ ей. Въ немъ развилась горячая любовь къ исторіи не только мѣстнаго края, но и всего великаго и славнаго Отечества нашего—Россіи. Онъ былъ проникнутъ пламеннымъ патріотизмомъ, доходившимъ до какого-то прорицанія. Такъ, еще вскорѣ послѣ окончанія Крымской войны, В. И. увѣрялъ что вскорѣ Россія расширитъ свои владѣнія въ Средней Азіи, покоритъ Самаркандъ, Хиву и Бухару и, наконецъ, овладѣетъ Индіею. Это прорицаніе отчасти исполнилось еще при жизни его.

Но при всей восторженности патріотическаго чувства, покойный былъ изслѣдователемъ спокойнымъ и строго разсудительнымъ, что доказывается безчисленнымъ множествомъ сочиненій и отдѣльныхъ статей ого, частію напечатанныхъ,

а частію оставшихся въ рукописяхъ. Послѣднія, по счастію, сохранились въ библіотекѣ пріобрѣтшаго ихъ почтеннаго любителя старины И. А. Вахрамѣева и обстоятельно описаны А. А. Титовымъ. В И. издавалъ труды свои не только въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, но помѣщалъ ихъ иногда и въ *Вѣдомостяхъ Епархіальныхъ* и посылалъ въ Московскія и Петербургскія историческія изданія.

В. И. Лѣствицынъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Археологическаго Общества. Здѣсь я часто встрѣчался съ нимъ и съ благодарностію воспоминаю, какъ онъ, всегда скромный и молчаливый, одушевлялся, когда рѣчь доходила до Ярославскихъ или Ростовскихъ древностей. Строго разумный и честный дѣятель, неуклонно вѣрный своимъ убѣжденіямъ, благожелательный ко всѣмъ, онъ никогда не отказывалъ въ добромъ совѣтѣ или вѣрномъ указаніи по занимавшимъ его предметамъ. Это я неоднократно испыталъ на себѣ.

Тяжкая, но непродолжительная болѣзнь, положила конецъ жизни неутомимаго труженика. В. И. скончался 24 декабря 1889 года.

ЕВГЕНІЙ,

архіепископъ Ярославскій (въ мірѣ Андрей Казанцевъ), сынъ священника, поступилъ учиться въ Троицкую семинарію въ 1791 году, и черезъ 9 лѣтъ былъ уже учителемъ грамматическаго класса, а въ 1800 году былъ уже префектомъ Лаврской семинаріи и вскорѣ потомъ постригся въ монашество. Когда въ 1808 году учреждалась въ Петербургѣ духовная академія по новому уставу, коммиссія духовныхъ училищъ вызвала туда двухъ молодыхъ монаховъ—сначала Филарета (Дроздова), будущаго митрополита Московскаго, а затѣмъ и Евгенія. Послѣдній опредѣленъ баккалавромъ философскихъ наукъ и инспекторомъ академіи. Митрополитъ Московскій Платонъ былъ безутѣшно огорченъ отнятіемъ этихъ двухъ лицъ отъ Троицкой семинаріи. Онъ

писалъ изъ Виѳаніи къ викарію своему Августину отъ 3 января 1809 года: «Хлопотъ и досадъ конца нѣтъ. Вотъ и префекта Евгенія берутъ: когда бы хотя Филаретъ былъ возвращенъ!» Отъ 10 января того же года онъ писалъ: «Вамъ извѣстно, что у меня и префекта и Филарета берутъ. Префектъ просилъ письменно, чтобъ его уволить отъ Питера; не знаю, что выйдетъ...» Отъ 30 января писалъ: «Префекта отъ меня отнимаютъ, а Филарета не отдаютъ: весьма несовѣстно!» Впрочемъ, въ утѣшеніе престарѣлаго митрополита и по неотступной просьбѣ самого Евгенія, послѣдній въ 1810 году переведенъ ректоромъ въ Троицкую семинарію. Вскорѣ онъ посвященъ въ санъ архимандрита и настоятельствовалъ постепенно въ нѣсколькихъ монастыряхъ, отъ Угрѣшскаго до Донскаго. На погребеніи благодѣтеля своего, митрополита Платона, Евгеній произнесъ глубокопрочувствованное надгробное слово, доставившее ему, какъ проповѣднику, обширную извѣстность. Въ сентябрѣ 1814 года Троицкая семинарія была закрыта, а ректоръ ея переведенъ на ту же должность въ новую Московскую (Перервинскую) семинарію. Въ 1818 году Евгеній рукоположенъ въ санъ епископа Курскаго, а въ 1822 году назначенъ архіепископомъ Псковскимъ.

Не можемъ умолчать о необыкновенномъ случаѣ, заставившемъ Евгенія просить о переводѣ на Тобольскую каѳедру: онъ видѣлъ во снѣ митрополита Платона, который сказалъ ему: «въ Тобольскѣ открылась архіерейская каѳедра: просись туда».—«Какъ»— отвѣчалъ Евгеній — «да вѣдь это— Сибирь!»—«Нужды нѣтъ»—повторилъ явившійся —«требую отъ тебя непремѣннаго послушанія; просись туда».—Проснувшись, смиренный архипастырь принялъ сновидѣніе за изъявленіе воли Божіей и неотступно, вопреки обычаю, просилъ Св. Синодъ о переводѣ его въ Тобольскъ. Въ Св. Синодѣ всѣ удивлялись желанію Псковскаго архіепископа— перейти изъ не обширной и спокойной епархіи въ холодную и малоустроенную, по причинѣ необъятнаго протяженія, Сибирскую епархію, но желаніе Евгенія было исполнено

Послѣ оказалось, что это назначеніе устроилось по волѣ Промысла Божія: при архипастырствѣ Евгенія явился въ Сибирь для проповѣданія христіанства бурятамъ архимандритъ Макарій (Глухаревъ). Преосв. Евгеній принялъ его съ любовію и способствовалъ, насколько могъ, устройству его миссіонерской дѣятельности. Быть можетъ, при другомъ владыкѣ, Алтайская миссія о. Макарія имѣла бы менѣе успѣха.

Только восемь лѣтъ прожилъ Евгеній въ Тобольскѣ; въ 1831 году онъ перемѣщенъ въ Рязань, а въ 1837 — въ Ярославскую епархію.

Достигнувъ 76-лѣтняго возраста и чувствуя ослабленіе зрѣнія, преосв. Евгеній въ 1854 году, согласно прошенію, уволенъ отъ управленія епархіей, съ пожалованіемъ въ члены Св. Синода и съ предоставленіемъ въ управленіе его Донскаго монастыря. Здѣсь, послѣ торжественнаго чествованія 50-лѣтія его въ санѣ епископскомъ, престарѣлый святитель мирно почилъ 26 іюля 1871 года, на 93 году отъ рожденія.

Случайно встрѣтившись съ нимъ однажды у митрополита Филарета, я послѣ того нѣсколько разъ былъ въ Донскомъ монастырѣ у преосв. Евгенія, слышалъ отъ него много разсказовъ о митрополитѣ Платонѣ, предъ памятью котораго онъ благоговѣлъ; слышалъ также разсказъ о знаменательномъ снѣ, видѣнномъ имъ во Псковѣ.

ВЯЗЕМСКІЙ.

Князь Василій Васильевичъ, богатый помѣщикъ Московской губ., человѣкъ очень образованный, отличался широкою благотворительностью. Онъ всю жизнь трудился и работалъ въ потѣ лица: былъ отличный кузнецъ, столяръ, слесарь, рѣщикъ и архитекторъ. Въ имѣніи его устроена была обширная мастерская. Сверхъ того, при необыкновенной памяти, онъ отличался обширными познаніями въ области химіи, физики, анатоміи и ботаники, имѣлъ богатую библіотеку и разныя коллекціи. Уважая человѣческую личность, онъ еще

въ 1850-52 гг. отпустилъ безплатно на волю всѣхъ своихъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ и крѣпостныхъ дворовыхъ людей, а затѣмъ продалъ остальную землю. Я зналъ лично князя В. В. въ 1840—1847 гг., встрѣчая его иногда въ домѣ добраго моего пріятеля Кн. П. А. Голицына.

Съ капиталомъ, вырученнымъ чрезъ продажу земли, съ своею библіотекою и разными коллекціями, Вяземскій поселился (около 1856 г.) пустынникомъ, на берегу р. Нары въ небольшомъ домѣ, который срубилъ самъ съ помощью преданныхъ ему сосѣднихъ крестьянъ. Съ того времени я уже не видалъ его, но много слышалъ о разныхъ его странностяхъ, вѣроятно преувеличенныхъ молвою. Разсказывали, будто бы онъ роздалъ ближайшимъ бѣднымъ крестьянамъ весь свой капиталъ, и самъ себя обрекъ на добровольную бѣдность. Когда ему недоставало хлѣба и вообще пищи, (о которой онъ мало заботился) онъ будто бы спускался на берегъ Нары и громко кричалъ: «У меня хлѣба нѣтъ, хлѣба нѣтъ!» — Едва только крикъ его доносился до ушей крестьянъ с. Кудаева, стоящаго на другомъ берегу рѣки, какъ оттуда тотчасъ же пускались къ нему тамошніе крестьяне кто съ краюхой хлѣба, кто съ кринкой молока, съ капустой, съ медомъ и другими сельскими припасами. Изъ сосѣднихъ деревень Бутырокъ и Скребухова также приносили ему пищу. «Вотъ я живу, какъ пророкъ Илія, — говорилъ онъ, мои вороны носятъ мнѣ пищу. Теперь я самъ буду сытъ и другихъ могу угостить.» Такъ прожилъ онъ тридцать слишкомъ лѣтъ въ своей пустынѣ душа въ душу съ простымъ народомъ, питаясь его пищею, ненавидя всякую роскошь и лакомство.

Въ Москвѣ считали его сумасшедшимъ. Умирая, онъ просилъ похоронить себя за оградой Кудаевскаго кладбища, рядомъ съ неизвѣстными нищими, и не тратить на похороны болѣе 3 рублей. Но неожиданно погребеніе его оказалось весьма многолюднымъ: явилось духовенство изъ трехъ селъ, пѣвчіе и толпа въ нѣсколько тысячъ народа.

СМИРНОВА,

Анна Петровна, дѣвица, надзирательница Симоновской школы. Эта школа, во время службы моей правителемъ дѣлъ Московскаго Благотворительнаго Общества, была счастливѣе всѣхъ прочихъ школъ того же Общества; въ ней, благодаря неистощимой щедрости основателя ея, почетн. гражд. Ѳ. И. Симонова, можно было предпринимать многое, недоступное для другихъ школъ по недостатку денежныхъ средствъ. Такъ, напр., тамъ шили женскія платья, чепцы и шляпки, что̀ для воспитанницъ, окончившихъ курсъ, было выгоднѣе вышиванья. Кромѣ того, попечительницей школы была женщина, хотя очень молодая, но разумная и вполнѣ способная къ руководству общественнымъ воспитаніемъ, Варвара Сергѣевна Ершова., рожденная княжна Вяземская. Она пользовалась наставленіями жившей съ нею матери ея княгини Е. Р. Вяземской, весьма умной, опытной (по долговременному управленію Домомъ Трудолюбія) и всѣми почитаемой старушки. Надзирательницей Симоновской школы была очень бойкая и дѣятельная дѣвица А. П. Смирнова. Общество было обязано ей пріобрѣтеніемъ дома на Татарской улицѣ. Вотъ какъ это случилось. Хозяйка дома, занимаемаго школой по найму, г-жа Жаркова была больная женщина, разбитая параличемъ, одинокая, почти забытая родными. Смирнова вмѣстѣ съ старшими пансіонерками школы изъ состраданія ухаживала за больной и убѣдила ее отказать домъ по духовному завѣщанію Симоновской школѣ. Завѣщаніе было составлено, подписано, вмѣсто завѣщательницы (не владѣвшей правою рукою), В. О. Колоколовымъ и нѣсколькими свидѣтелями, въ числѣ которыхъ былъ духовникъ, мѣстный приходскій священникъ.

Вскорѣ завѣщательница скончалась, и завѣщаніе поступило на утвержденіе въ Гражданскую Палату. Братъ г-жи Жарковой, Соковнинъ, пользовавшійся расположеніемъ и

довѣремъ князя С. М. Голицына, подалъ жалобу на незаконность завѣщанія, будто бы поддѣланнаго Смирновою. Возникло слѣдствіе, при которомъ я былъ депутатомъ со стороны Общества. Соковнинъ хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, жаловался князю на меня, какъ на соучастника мнимаго подлога; князь передавалъ его жалобы генералъ-губернатору. Слѣдователь, приставъ Пятницкой части, видимо держалъ сторону Соковнина. Не зная, гдѣ найти опору правому дѣлу и особенно опасаясь за Смирнову и Колоколова, я рѣшился обратиться къ гражданскому губернатору Н. П. Синельникову. Онъ пользовался тогда большою популярностію, былъ прежде губернаторомъ въ Житомірѣ, Владимірѣ и Воронежѣ и всюду оставилъ по себѣ неизгладимую добрую память. Неутомимый, энергичный, неподкупный, справедливый и вмѣстѣ съ тѣмъ вспыльчивый и рѣзкій, Синельниковъ являлся грознымъ бичемъ взяточничества и всякихъ несправедливостей; онъ входилъ во всѣ мелочи и, неутомимый самъ, требовалъ такой же неутомимости и отъ своихъ подчиненныхъ; при немъ апатія и распущенность быстро смѣнялись лихорадочною дѣятельностью. Выслушавъ отъ меня всѣ подробности дѣла, Н. П. отозвался, что хотя всѣ присутственныя мѣста г. Москвы подчинены прямо генералъ-губернатору, но онъ принимаетъ на себя представить дѣло кн. Д. В. Голицыну въ надлежащемъ видѣ. По докладу его назначенъ былъ отъ генералъ-губернатора особый чиновникъ, для производства слѣдствія; несправедливость притязаній Соковнина была доказана, завѣщаніе утверждено, а князь Сергій Михаиловичъ, убѣжденный доставленною отъ меня запискою о дѣлѣ, удалилъ отъ себя Соковнина и съ того времени удостоивалъ меня благосклоннымъ вниманіемъ.

Не могу умолчать, что счастливая во всѣхъ отношеніяхъ Симоновская школа имѣла лучшаго изъ всѣхъ школьныхъ законоучителей—священника Скорбященской церкви, магистра VIII-го курса Московской академіи, П. С. Ляпидевскаго (см. это слово). Онъ умѣлъ преподавать законъ Божій и

свящ. исторію, до такой степени примѣняясь къ понятіямъ дѣтскаго возраста, что даже маленькія дѣвочки свободно отвѣчали на вопросы, поясняя заученный урокъ своими словами. Это удивляло всѣхъ на годовыхъ экзаменахъ, введенныхъ тогда во всѣхъ школахъ по моему представленію.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

Королева Виртембергская, вторая дочь Вел. Кн. (впослѣдствіи Императора) Николая Павловича, родилась 30 августа 1822 г. Крещеніе ея было совершено и отпраздновано въ Таврическомъ дворцѣ. Воспріемниками были: вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна и, заочно, король Прусскій и государь Императоръ Александръ I (бывшій въ то время на Веронскомъ конгрессѣ).

Съ 1827 г. великія княжны Марія, Ольга и Александра Николаевны были поручены надзору Юліи Ѳедоровны Барановой (позднѣе Графини). Ученіе ихъ высочествъ шло оживленно и правильно и принаровлено было къ программѣ Смольнаго. Великія княжны очень часто бывали въ этомъ заведеніи и сами причисляли себя каждая къ извѣстному классу. Когда Марія Николаевна была въ числѣ «бѣлыхъ», Ольга Николаевна считалась въ «голубыхъ». Ольга Николаевна какъ бы состояла въ выпускѣ 1838 года.

Духъ воспитанія, господствовавшій въ Императорской семьѣ, достаточно извѣстенъ. Во главѣ воспитанія стоялъ Жуковскій.

Еще предъ нимъ раскрылся жребій славный:
Святой залогъ пріявъ отъ царскихъ рукъ,
Онъ пробудилъ въ младой семьѣ державной
Благой разсвѣтъ познаній и наукъ.

Съ дѣтства великой княжны было замѣтно, что душа ея роднилась со всѣмъ изящнымъ и возвышеннымъ. Обстановка вполнѣ благопріятствовала такому развитію. При Ольгѣ Николаевнѣ состояла съ 1838 года воспитательницей Анна Алексѣевна Окулова. Въ одно изъ путешествій по Россіи,

государь Николай Павловичъ случайно встрѣтилъ эту дѣвицу,—уже не первой молодости, и узналъ въ ней воспитанницу одного изъ петербургскихъ институтовъ. Г-жа Окулова была приглашена ко двору и приставлена къ великой княжнѣ Ольгѣ. Анна Алексѣевна была чистокровная русская и притомъ глубоко вѣрующая и чрезвычайно добрая. Она внесла съ собою ту національную стихію, которую любилъ Государь и которой противодѣйствовало иноземное вліяніе. Анна Алексѣевна знала хорошо нашъ чудный языкъ, любила читать все русское. Она занималась закономъ Божіимъ съ Цесаревной, работая надъ усвоеніемъ уроковъ о. Бажанова. Русское чувство воспринято было душою впечатлительной и склонной къ нему великой княжны.

Мнѣ посчастливилось въ 1843 году, по должности правителя дѣлъ Московскаго благотворительнаго общества, сдѣлаться лично извѣстнымъ Ея Высочеству, когда она, вмѣстѣ съ В. Кн. Маріею Николаевною, обозрѣвала Николаевскую школу. Въ 1846 г. я отвозилъ въ Петербургъ заказанныя для приданаго ея вышиванья и былъ удостоенъ весьма благосклоннаго пріема—чрезъ А. А. Окулову, съ дѣтства мнѣ знакомую. Въ 1849 г., когда Дворъ былъ въ Москвѣ, по случаю открытія новаго дворца, в. кн. Ольга Николаевна, уже супруга наслѣднаго принца Виртембергскаго, обошлась со мною, какъ со старымъ знакомымъ. Я принималъ ее тогда въ Симоновской школѣ и помню, какъ она дивилась искусству преподаванія законоучителя (см. слово *Ляпидевскій*).

Но разсказывая о милостивомъ вниманіи Ея Высочества ко мнѣ, я зашелъ слишкомъ далеко впередъ и долженъ возвратиться къ первымъ годамъ ея юности. Великая княжна Ольга Николаевна отличалась необыкновенною, идеальною красотою, которая служила выраженіемъ ея прекрасной души. Искренняя привязанность къ православной вѣрѣ одушевляла юную царевну и внушила ей мысль о созданіи нобывалаго еще въ Россіи училища для дѣвицъ духовнаго званія, въ Царскомъ Селѣ. Она привязалась всею душою къ учрежденному ею заведенію, посѣщала его почти ежедневно и тогда, когда

было всего 12 воспитанницъ, помѣщавшихся въ наемной квартирѣ, въ деревянномъ домикѣ, противъ нынѣшняго училища.

Великая княжна стремилась дать религіозное воспитаніе и хорошую грамотность дѣвицамъ, чтобы онѣ могли учить впослѣдствіи и своихъ дѣтей, стремилась пріучать ихъ къ трудамъ въ прачешной и кухнѣ—и ко всякому женскому рукодѣлью. Первая начальница заведенія Надежда Павловна Шульцъ, рожденная Шипова, родная сестра генералъ-адъютанта Серг. П. Шипова, начальницы Смольнаго Мон., М. П. Леонтьевой и основательницы Ярославскаго училища для дѣвицъ духовнаго происхожденія Ел. Павл. Шиповой состояла въ родственной связи съ Анной Алексѣевной Окуловой. Къ лицамъ, потрудившимся при основаніи училища, принадлежалъ и извѣстный въ Петербургѣ ученый протоіерей Іоакимъ Семеновичъ Кочетовъ. Зять его И. И. Базаровъ впослѣдствіи избранъ былъ Ольгою Николаевною священникомъ въ Штутгардъ и до самой ея кончины былъ духовникомъ ея. Это указываетъ на сердечныя, такъ сказать, духовныя связи Ольги Николаевны съ любимымъ ею Царскосельскимъ училищемъ.

Нѣсколько разъ подробно осматривалъ я это учебное заведеніе и удивлялся неусыпной дѣятельности Н. П. Шульцъ. Выпущенныя изъ заведенія воспитанницы были потомъ матерями и воспитательницами цѣлаго поколѣнія пастырей церкви, внесшихъ начало благовоспитанія въ свою среду. Въ 1868 году училище праздновало двадцати-пятилѣтіе. Самыми горячими участницами этого празднества были: императрица Марія Александровна, которой заботы объ училищѣ, въ 1846 г. передала отъѣзжавшая на чужбину Ольга Николаевна, и сама основательница, тогда уже королева. «Мои мысли съ благодарностію окружаютъ васъ въ эту годовщину»,— телеграфировала королева Виртембергская изъ Фридрихсгафена, Н. П. Шульцъ. «Передайте мои добрыя желанія и благословеніе дѣтямъ. Ольга.»

Зиму 1845—6 г. наша прекрасная царевна провела вмѣ-

стѣ съ августѣйшею своею родительницею въ южной Италіи и въ Палермо. Здѣсь итальянцы и сицилійцы были въ восторгѣ отъ красоты ея и неудержимо кричали: che bella, che angelo!» (что за красавица, что за ангелъ!) Прибывшій туда кронъ-принцъ Виртембергскій пораженъ былъ красотою вел. княжны и предложилъ ей свою руку. Помолвка жениха и невѣсты послѣдовала по державной волѣ императора Николая Павловича, а торжественное обрученіе въ Петергофѣ, 25 іюня 1846 г. Брачное торжество, по обычному церемоніалу, совершено было также въ Петергофѣ 1 іюля, въ день рожденія императрицы; за нимъ послѣдовалъ балъ или куртагъ и великолѣпная иллюминація сада съ полною игрою всѣхъ фонтановъ. Въ 1847 году вел. кн. прибыла въ свое новое отечество. Вскорѣ послѣ того Виртембергскую страну постигъ голодъ, и швабы тогда хорошо узнали свою кронъ-принцессу по ея неистощимой благотворительности. Въ слѣдующемъ году возникли въ Германіи революціонныя движенія. И въ Штутгардѣ было неспокойно. Начались уличныя сходбища и безпорядки. Разъ такое скопище въ теченіе нѣсколькихъ часовъ окружала дворецъ кронъ-принца. Тогда кронъ-принцесса вышла но балконъ и сказала народу нѣсколько словъ. Рѣчь начиналась тѣмъ, что она никого не боится, что она дочь Императора Николая,—кончалась же разъясненіемъ безцѣльности сходки и просьбою разойтись по домамъ. Рѣчь произвела магическое впечатлѣніе; толпа разошлась съ крикомъ: «Hoch dem Kronprinzen! Hoch der Kronprinzessin!» (Ура Кронпринцу! Ура Кронпринцессѣ!)

Отношеніе Ольги Николаевны къ русскимъ за границею было самое дружественное и сердечное. Не далеко отъ Штутгарта доживалъ послѣдніе годы Василій Андреевичъ Жуковскій. Великая княгиня переписывалась съ нимъ и во время его болѣзни принимала самое живое участіе во всѣхъ обстоятельствахъ семейной его жизни. Духовникъ ея о. И. И. Базаровъ былъ отпущенъ къ одру умирающаго въ Баденъ, и оттуда давалъ ежедневныя извѣстія королевѣ.

Князь П. А. Вяземскій бывалъ въ Штутгардѣ очень часто, проводилъ тамъ Пасху и дни именинъ королевы. Онъ поднесъ ей стихотвореніе, изъ котораго выписываю нѣсколько словъ:

Изъ родника воспоминаній
Мила вамъ свѣжая струя;
Слышна вамъ въ голосѣ преданій
Пѣснь стараго житья-бытья.
. . . . . .
Вы съ ласковымъ долготерпѣньемъ,
Съ обычной прелестью своей
Внимали разнымъ откровеньямъ
Болтливой памяти моей.
Мнѣ будутъ памятными днями
Тѣ дни, когда на Вашъ привѣтъ,
Я перелистывалъ предъ Вами
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ.
Тѣ дни я не на долго встрѣтилъ:
И возвратятся ли они?
Но ихъ я звѣздочкой отмѣтилъ,
Какъ сердца праздничные дни.

Горестны были послѣднія крупныя событія въ жизни королевы: кончина вел. кн. Маріи Николаевны, во время предсмертной болѣзни которой королева долго прожила въ Петербургѣ, внезапная смерть любимаго племянника, Сергія Максимиліановича отъ турецкой пули, кончина императрицы Маріи Александровны, съ которой королева вела дружбу и дѣятельную переписку, кончина брата-Царя-мученика и кончина супруга-короля переполнили чашу скорби. Здоровье королевы было потрясено за нѣсколько лѣтъ до кончины ея. Для здоровья своего она проводила зимы въ Ниццѣ, гдѣ была по обыкновенію краснымъ солнышкомъ для русскихъ. Она принимала къ сердцу заботы о православной церкви въ Ниццѣ и объ организаціи общества вспоможенія нуждающимся русскимъ, преимущественно больнымъ на чужбинѣ. Покойная королева искала случая сдѣлать добро. Она достойно совершила свой царственный

путь, подвигомъ добрымъ подвизалась и вѣру соблюла. Тихая истинно христіанская кончина королевы Ольги послѣдовала 18 октября 1892 года.

Тѣло ея покоится въ общей усыпальницѣ королевскаго Виртембергскаго дома.

ЕФРЕМОВЪ,

Лука Васильевичъ, Елецкій протоіерей, почтенный старецъ, уже уволенный отъ приходской и благочинической должности, проживалъ въ 1864 году нѣсколько времени въ Москвѣ, познакомился со мною и бывалъ иногда у меня. Онъ подарилъ мнѣ свои книжки, въ числѣ которыхъ одна, подъ заглавіемъ «Пути Промысла Божія въ моей жизни» особенно замѣчательна по изложенію необыкновенныхъ обстоятельствъ его жизни.

Л. В. Ефремовъ, по его собственнымъ словамъ, былъ сынъ Елецкаго приходскаго священника, родился въ 1789 году и на десятомъ году отвезенъ въ Орловскую семинарію, въ которой заключалось и первоначальное училище. Тамъ онъ учился порядочно и отличался добрымъ поведеніемъ, а потому пользовался особеннымъ вниманіемъ инспектора Филарета, (Амфитеатрова, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго) «котораго вся семинарія называла отцемъ своимъ и защитникомъ».

Предъ окончаніемъ богословскаго курса, имѣя надежду на мѣсто больнаго отца своего, Ефремовъ сталъ пріискивать для себя невѣсту. Онъ имѣлъ въ виду до четырехъ дѣвицъ; всѣ онѣ были недурны собою и по тому времени считались богатыми: каждая изъ нихъ имѣла отъ 1,000 до 4.000 рублей ассигнаціями. «Но я—говоритъ о. Лука—рѣшился жениться на купеческой дочери Прасковьѣ Семеновнѣ Перекалиной, за которою деньгами ничего не было и приданое было очень скудное; но за то она сама была отличная красавица и имѣла примѣрныхъ по благочестію

родителей. Она со мною прожила на свѣтѣ двадцать пять лѣтъ. Наружной красотѣ ея соотвѣтствовала красота души. — За что меня Господь наградилъ такой отличною женою? За то, я думаю, что, при выборѣ невѣсты для себя, искалъ я не прилагательнаго, а существеннаго, — не приданаго, не денегъ, а человѣка. И вотъ за это то Богъ и наградилъ меня рѣдкимъ человѣкомъ—прекрасной женою. Въ деньгахъ тогда я очень нуждался. Отъ отца моего мнѣ досталось всего наслѣдства—только полтораста рублей ассигн., которые я употребилъ на свадьбу свою и на производство во священника. Но, и бывши молодымъ, я умѣлъ по одежкѣ протягивать ножки... да и послѣ этой же пословицы старался держаться».

Въ 1809 году Ефремовъ рукоположенъ въ санъ священника къ Елецкой слободской Предтеченской церкви, а оттуда черезъ 6 лѣтъ перешелъ въ болѣе богатый приходъ къ городской Владимірской церкви, по желанію тамошнихъ прихожанъ. Впродолженіе семи лѣтъ, пишетъ о. Лука, со времени поступленія моего на должность священническую, мы съ женою сберегли денегъ, за умѣреннымъ расходомъ, до полуторы тысячи рублей ассигнаціями. Такая сумма, судя по нашему званію, довольно велика и можно бы прибавлять къ ней больше и больше. Но, слава Богу! Господь остановилъ меня отъ заботы запасаться деньгами; Онъ далъ мнѣ усердіе и разогрѣлъ мое сердце къ призрѣнію бѣдныхъ. Вообще, ихъ горькое и несчастное положеніе меня очень трогало, и я рѣшился особенно быть благотворителемъ ихъ. Посему въ одинъ благой день и часъ, подозвавъ къ себѣ жену свою, я сказалъ ей: «Любезная! мы съ тобою грѣшить умѣемъ, а во грѣхахъ прощенія просить у Господа Бога, удовлетворять правдѣ Его за нихъ и въ лицѣ Его поплатиться нищимъ людямъ не умѣемъ. Они приходятъ къ намъ для принятія отъ насъ милостыни, а мы, отказывая имъ, часто говоримъ: «Богъ дастъ» или скажемъ: «Идите къ богатымъ». А мы вотъ какъ будемъ дѣлать: съ сего времени и впредь навсегда, все то, что будетъ у насъ оставаться за

умѣреннымъ расходомъ, станемъ отдавать бѣднымъ. Согласна ли ты на это?»—Не только, другъ мой, согласна, но еще премного благодарю тебя за это святое дѣло. Мнѣ часто и самой бываетъ иногда очень грустно и тяжело на сердцѣ отъ того, что приходятъ къ намъ бѣдные люди, вдовы и сироты, а мы, давши по грошу, а рѣдко по десяти или двадцати коп, говоримъ: дали бы больше, да не имѣемъ. А это вѣдь большой грѣхъ. Богъ знаетъ и видитъ, что мы съ тобою богаты.—Потомъ, нѣсколько помолчавъ, спросила она меня:—А съ тѣми то деньгами, которыя у насъ въ сборѣ есть, что станемъ дѣлать?—А ты насчетъ ихъ какъ думаешь? куда бы ихъ опредѣлить, или какъ бы ихъ лучше сберечь?—Да я не знаю; твоя воля.—Когда моя воля, то мы ихъ дома держать не будемъ, а отдадимъ для сбереженія взаймы, пустимъ ихъ въ ростъ.—Кому же отдадимъ?—Богу, любезная, Богу мы ихъ взаймы отдадимъ; расточимъ мы ихъ съ тобою на святыя дѣла и на пользу бѣдной Христовой братіи. Мы ихъ собирали на нужды; какъ говорится—«на черный день» и для дѣтей, которыхъ у насъ съ тобою еще теперь нѣтъ, а если и были, то умирали. Но Онъ, въ случаѣ нуждъ нашихъ и для будущихъ взрослыхъ дѣтей, несравненно больше пошлетъ намъ, чѣмъ мы съ тобою теперь собрали. Объ этомъ Священное Писаніе такъ говоритъ: «милуй нища взаимъ даетъ Богу и отъ него во сто кратъ болѣе пріемлетъ»; а въ добавокъ къ этому, чего нѣтъ драгоцѣннѣе, животъ вѣчный, царствіе Божіе получитъ. Но ты жена, я вижу, плачешь; или тебѣ жаль денегъ?—Нѣтъ, другъ, я плачу не о деньгахъ, а отъ радости, что Богъ разогрѣлъ твое сердце любовію къ ближнимъ; что Онъ далъ тебѣ усердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ. Я отъ души благодарю за это Господа и чрезъ свои слезы изливаю предъ Нимъ признательность».

Послѣ этого разговора о. Лука придумалъ устроить церковную богадѣльню, употребивъ деньги, сбереженныя имъ и собранныя съ прихожанъ на постройку каменной богадѣльни. Она обошлась въ 4.000 рублей ассигн. и была предметомъ постоянныхъ попеченій о. Луки.

Жена его Прасковья Семеновна вмѣстѣ съ нимъ дала обѣтъ по мѣрѣ силъ своихъ служить бѣднымъ и страждущимъ и не только отъ избытковъ своихъ надѣляла бѣдныхъ, но и послѣднее отдавала имъ. Любила она посѣщать убогіе домы, къ больнымъ ходить, а преимущественно въ дѣвичій Знаменскій монастырь, гдѣ часто посѣщала затворницу Меланію. Эта затворница, по словамъ о. Луки, весьма многимъ была извѣстна своей богоугодною жизнію, и по смерти своей прославилась благодатными дарованіями и знаменіями. Изъ разныхъ странъ и городовъ стекаются къ ея могилѣ и по сіе время благочестивые люди и служатъ по ней паннихиды. Меланія, при жизни своей, находясь въ затворѣ около двадцати лѣтъ, не принимала никого къ себѣ въ келію не только изъ мірскихъ людей, но даже изъ монастырскихъ, а жену о. Луки всегда принимала съ удовольствіемъ и считала ее единственной своею духовною собесѣдницею. Вотъ какое расположеніе заслужила она отъ жены праведной и богоугодной! Да и сама она была богоугодная женщина, отличалась тихостію, кротостію, большимъ усердіемъ къ св. церкви, а особенно сострадательностію къ бѣдствующему человѣчеству, о чемъ коротко зналъ весь городъ Елецъ.

Ефремовы по данному обѣщанію не копили денегъ, а всѣ остатки отдавали бѣднымъ; а между тѣмъ были уже у нихъ дѣти и приближалось время подумать о судьбѣ старшей дочери; мать начала скорбѣть о приданомъ, котораго не было, и не разъ говорила мужу: «Что же намъ теперь дѣлать? Вотъ скоро подойдетъ время, что за дочь нашу начнутъ свататься женихи, а у насъ для нея ничего не приготовлено».

О. Лука старался, но безуспѣшно успокоить заботливость матери: она грустила, плакала и въ слезахъ заснула. «Во время этого сна,—пишетъ онъ—представилось ей чудное видѣніе. Пришла къ ней необыкновенной красоты жена въ томъ видѣ, какъ изображается Матерь Божія на иконѣ Ея, именуемой Калужскою, и спросила ее: «О чемъ ты плачешь?»—О томъ, отвѣчала ей жена моя, что скоро дочери моей выйдутъ совершенные года, ее надобно отдавать замужъ,

а у насъ ничего нѣтъ ей для приданаго.—Не безпокойся и не скорби, Божія Матерь сказала ей: Я знаю причину вашего недостатка; вижу, что вы съ мужемъ употребляли и употребляете деньги ваши на пользу бѣдныхъ людей. Но къ милостивымъ самъ Богъ многомилостивъ, и Я, по благодати, данной мнѣ Сыномъ Моимъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ, богата милостію и щедра». И тутъ она разсыпала по столу изъ разныхъ кошельковъ много золота и рекла: «вотъ это все явится къ отдачѣ вашихъ дочерей замужъ».

«Но вскорѣ послѣ этого радостнаго сновидѣнія приснился ей другой сонъ—печальный. Ей видѣлось, будто пришла къ ней черничка и начала ее съ головы до ногъ вымѣривать всю ниткою. «Для чего ты измѣряешь меня? спросила она черничку.—«Для того, отвѣчала та, чтобы по смерти безошибочно изготовить для тебя погребальное платье и все нужное для дороги въ вѣчность». — «Да развѣ я скоро умру?» Скоро.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало исполненіе этого пророческаго сна: жена о. Луки, послѣ краткой болѣзни, скончалась.

Вскорѣ сбылось обѣщаніе Царицы Небесной. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ о. Лука. «Когда старшей дочери моей Александрѣ вышли совершенныя лѣта, тогда пріѣхалъ въ городъ Елецъ изъ Воронежа протоіерей о. Василій Скрябинъ съ сыномъ своимъ Н, студентомъ Воронежской семинаріи, имѣвшимъ при себѣ билетъ на вступленіе въ бракъ, съ надеждою послѣ быть священникомъ. Предлагаетъ мнѣ о. протоіерей, не согласенъ ли я отдать дочь свою за его сына? Ну, какъ мнѣ не согласиться на такое лестное для меня предложеніе? Прекрасная аттестація объ женихѣ его начальства соотвѣтствовала его наружной красотѣ. Притомъ онъ былъ сынъ богатаго отца, и кромѣ его никого изъ дѣтей у отца не было. Я съ удовольствіемъ соглашаюсь на предложеніе. Но когда я узналъ отъ него, что онъ желаетъ, чтобы за дочерью моею, сверхъ отличнаго приданаго, было дано еще деньгами тысяча руб. асс., то хотѣлъ ему отка-

зать. Услышалъ объ этомъ сватовствѣ одинъ изъ числа моихъ прихожанъ (теперь уже покойный) почтенный купецъ Иванъ Климентовичъ Калабинъ и посовѣтовалъ мнѣ отложить сватовство недѣли на двѣ, а между тѣмъ обратиться къ помощи прихожанъ».

Дѣло было отложено на время, по общему согласію; о. Лука пришелъ къ Калабину и сказалъ ему: «Ну, Иванъ Климентовичъ, я поступилъ по вашему совѣту. О. протоіерей согласился ждать. И такъ какъ вы предложили мнѣ обратиться для устройства моей дочери съ просьбою о помощи къ прихожанамъ, то я теперь и начинаю съ васъ». И что жъ? совѣтникъ мой, чего я никакъ не воображалъ, жертвуетъ мнѣ одинъ полторы тысячи рублей ассигн.». Затѣмъ, не только другіе прихожане о. Луки, но и посторонніе, совершенно неизвѣстныя ему лица, приняли участіе въ составленіи приданаго для его дочери, и выдача ея за Скрябина состоялась.

Также благополучна была выдача замужъ второй дочери о. Луки—Маріи. Отецъ ея былъ увѣренъ, что «Царица Небесная, по своему обѣту, въ свое время явится и къ ней съ своими золотыми кошельками», и по совѣту одного изъ своихъ пріятелей обратился за помощію къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. Отъ нея и отъ духовной своей дочери Е. Г. Палицыной о. Лука получилъ достаточную сумму, выдалъ дочь за магистра Кіевской духовной академіи А. Вуколова и вступилъ въ постоянную переписку съ графиней Орловой въ 1846 году.

«Въ 1848 году, въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца, разсказываетъ о. Лука, привидѣлся мнѣ во снѣ одинъ изъ числа покойниковъ, бывшій священникъ Іоаннъ Саввичъ Посельскій, который въ послѣдніе годы жизни своей былъ гонимъ невинно и умеръ въ тюремномъ замкѣ, назадъ тому около 40 лѣтъ. Онъ мнѣ сказалъ: «напиши знакомой своей, графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой-Чесменской, чтобы она особенно занялась собою и изготовилась къ смерти». Проснувшись и дивясь сему необычайному сну, я однако же не

повѣрилъ ему и писать объ этомъ графинѣ не рѣшился. Чрезъ недѣлю опять мнѣ приснился тотъ же священникъ и повторилъ тѣ же слова. Тутъ я убѣдился, что это не простое сновидѣніе; но все не рѣшился написать объ этомъ графинѣ и выжидалъ, что будетъ дальше. Еще чрезъ недѣлю въ третій разъ тотъ же покойникъ предсталъ предо мною во снѣ и ужъ съ выговоромъ за то, что я не выполняю его приказанія и не извѣщаю Анну Алексѣевну о скоромъ концѣ ея жизни. Тогда я отвѣчалъ ему: «Я напишу ей объ этомъ, когда окончу начатое мною стихотвореніе». «Ты свои стихи скоро окончить не можешь, и она ихъ не дождется», сказалъ мнѣ покойный. «Если ты хотя одну почту пропустишь и не напишешь ей, то ты ее съ своимъ извѣстіемъ не застанешь въ живыхъ, за что Богъ на тебѣ взыщетъ; по Его велѣнію я тебѣ приказываю извѣстить ее о скорой смерти». Тутъ я ему далъ слово непремѣнно съ слѣдующей почтою извѣстить о своемъ сновидѣніи. Проснувшись, я рѣшился исполнить данное слово, но опять, на утренней зарѣ, заснулъ».

«Но что жъ еще мнѣ приснилось? Вижу, будто я пріѣхалъ на кладбище, которое было въ томъ самомъ краю, гдѣ жила Анна Алексѣевна. Вижу, что она сама бѣгаетъ въ толпѣ народной и проситъ у какого-то старичка себѣ денегъ, а старикъ ей въ томъ отказываетъ. Услышавъ это, я спросилъ у ней: «сколько тебѣ, Анна Алексѣевна, нужно денегъ?» — «Двадцать копѣекъ мѣди», отвѣчала она. «На что же тебѣ?»—«На опару; я хочу пироги печь; у меня будетъ небывалый пиръ». Я далъ ей деньги и тогда же увидѣлъ на томъ кладбищѣ келію ея, или маленькую комнатку».

«Проснувшись, я ей написалъ о своемъ снѣ, но не о томъ, въ которомъ явился мнѣ покойный священникъ, а только о томъ, что я ее видѣлъ на кладбищѣ въ толпѣ народной и что будто ея маленькая, низенькая комнатка на томъ кладбищѣ была къ ней очень близка. Посему я давалъ ей совѣтъ особенно заняться спасеніемъ души своей и быть готовою къ смерти на всякъ часъ, чтобы смерть не

постигла ее внезапно. Получивъ это письмо, она показала его своему духовнику-іеромонаху Иліодору и сказала ему, что она, судя по моему письму, скоро должна умереть».

Графиня въ тотъ же день исповѣдалась, а на другой день пріобщилась св. Таинъ и, по пріобщеніи, идя въ келію къ Юрьевскому отцу архимандриту Мануилу, почувствовала, при входѣ на крыльцо, дурноту, нестерпимую боль и, какъ только вошла въ келію, упала на софу и вдругъ волей Божіею кончила жизнь свою, 6 октября 1848 года.

Въ это время о. Лука былъ уже заштатнымъ протоіереемъ. Еще въ 1847 году, по причинѣ старости и ослабленія силъ, онъ уступилъ мѣсто свое родному сыну и отказался отъ всѣхъ должностей, кромѣ должности сотрудника попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Съ весны 1848 года онъ отправился на богомоліе въ Калугу, въ Москву, въ Сергіеву Лавру, въ Ростовъ и въ Новгородъ, гдѣ поклонился могилѣ своей благодѣтельницы, графини А. А. Орловой-Чесменской, въ Юрьевомъ монастырѣ. Оттуда онъ отплылъ на пароходѣ въ г. Тихвинъ и отправился въ Петербургъ.

Въ Москвѣ старецъ пробылъ болѣе мѣсяца, и я узналъ его довольно близко. Онъ былъ нрава тихаго, скромнаго и веселаго; лицо его сіяло искренностію и правдивостію. Записку о своей жизни онъ написалъ для дѣтей своихъ. Разсказывая мнѣ о необыкновенныхъ проявленіяхъ милости Божіей, онъ не могъ удерживать слезъ и голосъ его дрожалъ тогда отъ волненія. Послѣ отъѣзда о. Луки изъ Москвы я уже не видалъ его, но, спустя нѣсколько лѣтъ, слышалъ, что онъ скончался въ глубокой старости и погребенъ на Воскресенскомъ кладбищѣ г. Ельца, рядомъ съ могилою жены его.

СОФРОНОВА,

Татіана Ивановна, вдова священника села Берновичъ, Смоленской губ., Порѣчскаго уѣзда, извѣстная, отъ Смоленска до Петербурга, отъ Риги до Харькова и Гельсингфорса — ревнительница благосостоянія святыхъ Божіихъ церквей и благотворительныхъ учрежденій на пользу бѣдствующей и страждущей меньшей братіи. Съ 1851 года, среди всякихъ лишеній и неизбѣжныхъ огорченій, на перекоръ всѣмъ препятствіямъ, небоязненно и бодро, доходя до крайнихъ предѣловъ безкорыстія и самоотреченія, занималась она собираніемъ, большею частію, малыхъ приношеній, на построеніе каменнаго храма въ селѣ Берновичахъ вмѣсто деревяннаго, ветхаго, построеннаго еще во времена царя Алексѣя Михайловича, и на устройство богадѣльни для бѣдствующихъ своихъ соотечественницъ. И неутомимая труженица достигла предъ своею смертію намѣченной ею цѣли! Устроена епархіальная богадѣльня ея имени; освящена церковь, построенная на собранныя ею средства; на обезпеченіе въ будущемъ благосостоянія сей церкви, положены ею, Софроновой, въ Хозяйственномъ управленіи св. Синода до 20,000 руб. Софронова скончалась въ Петергофѣ 2 сентября 1888 года, на 75 году отъ рожденія. Тѣло ея перевезено въ Берновичи, куда оно прибыло 22 октября, въ день празднованія Казанской иконы Божіей Матери, предъ которою когда то цѣлыми днями, до крайняго изнеможенія молилась она, выступая на избранный ею многотрудный путь сборщицы. Многочисленныя толпы благодарнаго простаго народа: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сопровождали тѣло ея отъ желѣзнодорожной станціи Ярцево чрезъ уѣздный г. Духовщину до села Берновичи, на разстояніи 45 верстъ, въ теченіе двухъ дней. Погребальное шествіе сопровождалось почти на каждомъ шагу панихидами по усопшей. Въ дни прихода въ Берновичи съ тѣломъ храмоздательницы Та-

тіаны 22 числа и положенія тѣла ея въ склепъ подъ церковью 25 октября Берновичская новая обширная церковь положительно не могла вмѣстить всего того количества деревенскихъ жителей, которые собрались на отданіе послѣд нихъ почестей тѣлу благодѣтельной старицы.

ГОЛОВИНЫ,

Павелъ Васильевичъ и сынъ его Гавріилъ Павловичъ, потомки знаменитаго и нѣкогда весьма богатаго боярскаго рода, происходящаго отъ князя Стефана Мангупскаго, родственника императоровъ Цареградскихъ. Оба Головины, отецъ и сынъ, были люди истинно благочестивые, любители церковнаго благолѣпія и добрые помѣщики, при чемъ у нихъ появлялись нѣкоторыя странности и суевѣрныя привычки, унаслѣдованныя ими отъ отцевъ и дѣдовъ. Для объясненія этихъ странностей нужно сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Дѣдъ Павла Васильевича, Василій Васильевичъ 1-й при Биронѣ былъ пытанъ и затѣмъ два года сидѣлъ въ тѣсномъ заключеніи при церкви Воскресенія Христова въ Преображенскомъ, на краю Москвы. Несчастія, испытанныя имъ, имѣли сильное вліяніе на его характеръ. Онъ сдѣлался нелюдимымъ и суевѣрнымъ и сталъ вести своеобразную жизнь: такъ, напр. всѣ его дворовыя власти входили въ его комнату по командѣ горничной и докладывали съ низкими поклонами по разъ утвержденнымъ правиламъ.

Вокругъ его дома всю ночь ходилъ неусыпный дозоръ, билъ въ колотушки, гремѣлъ въ доску и трубилъ въ рожекъ. Утромъ послѣ докладовъ ему приносили чай и впереди обыкновенно шелъ одинъ слуга съ большимъ мѣднымъ чайникомъ съ горячей водою, за нимъ другой несъ большую желѣзную жаровню съ горячими угольями, шествіе заключалъ выборный съ вѣникомъ, насаженнымъ на длинной палкѣ, для обмахиванія золы и пыли.

Напившись чаю, онъ отправлялся въ церковь. Послѣ обѣдни

его вели подъ руки двое слугъ; подавали затѣмъ завтракъ и послѣ обѣдъ;—обѣдъ тянулся три часа. Кушаній бывало обыкновенно семь блюдъ, но иногда число ихъ доходило и до сорока. Для каждаго блюда былъ особый поваръ и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ приносилъ самъ свое блюдо. По ночамъ В. В., если ему не удавалось скоро уснуть, читалъ заклинанія противъ сатаны и злыхъ духовъ. Отправляясь зимою въ Москву, онъ былъ всегда сопровождаемъ чрезвычайно пышнымъ поѣздомъ, въ которомъ находилось до 70 лошадей и около 20 различныхъ экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Влахернской Божіей Матери въ золоченой каретѣ, съ утвержденнымъ внутри фонаремъ, въ сопровожденіи священника съ крестомъ. Затѣмъ слѣдовалъ баринъ съ барыней въ особенныхъ шестимѣстныхъ фаэтонахъ, запряженныхъ парадным цугомъ въ восемь лошадей. Дочери ѣхали въ четырехмѣстныхъ каретахъ, въ шесть лошадей; молодые господа—въ открытыхъ колясках или саняхъ, въ четыре лошади. Всѣ они сидѣли поодиночкѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ, которыя помѣщались съ матерями. Барскія барыни и сѣнныя дѣвицы ѣхали въ бричкахъ и кибиткахъ. Канцелярія, гардеробъ, буфетъ, кухня были отправляемы въ особыхъ фурахъ. Такъ провелъ свою жизнь В. В. Головинъ I й. Онъ скончался въ 1781 г.

Сынъ его, Василій Васильевичъ II-й, родился въ 1738 году. Онъ отличался тѣми же свойствами, какъ и отецъ его, и сверхъ того удивлялъ москвичей необыкновенной роскошью. Онъ выѣзжалъ не иначе, какъ парадомъ, съ вершниками, гусарами, съ гайдуками и скороходами, окруженный всегда множествомъ дуръ и дураковъ. Свиту его составляли также арабы, башкиры, татары и калмыки. Впрочемъ, при всей своей роскошной жизни, онъ не забывалъ о должностяхъ каждаго христіанина, помогалъ неимущимъ и страждущимъ, въ особенности любилъ духовенство и построилъ семь церквей въ богатыхъ своихъ селахъ. Въ родовомъ селѣ своемъ Новоспасскомъ—Деденевѣ онъ заложилъ въ 1798 г. на мѣсто погорѣвшей деревянной, каменную церковь, 43 арш. въ

длину и 42 въ ширину, крестообразную по формѣ, въ честь Нерукотвореннаго образа Спасителя, съ двумя придѣлами по сторонамъ.—Онъ скончался въ 1809 г.

Конечно я не могъ знать Василія Васильевича 2-го, но съ дѣтства моего помню сына его, которому досталось отъ отца село Новоспасское. Павелъ Васильевичъ Головинъ родился въ 1770 году, служилъ въ военной службѣ и получилъ при отставкѣ чинъ подполковника. Былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Гавриловнѣ, дочери кн. Гавріила Петровича Гагарина, которому митрополитъ Московскій Платонъ писалъ въ то время: «о обрученіи вашей дщери, я тѣмъ болѣе радуюся, что и законная ваша кровь почтена; и обручникъ мнѣ давно знакомъ съ лучшей стороны, то есть со стороны благочестія и благонравія. Благословивый Кану Галилейскую, да благословитъ и вашу Кану; и да сотворитъ чудо: премѣнивъ хладность воды въ горячность вина истинныя любви». Другая дочь кн. Гагарина, княжна Екатерина Гавриловна была въ супружествѣ съ роднымъ дядею моей матери, княземъ Никитою Сергѣевичемъ Долгоруковымъ; на праздникахъ въ селахъ послѣдняго Опаринѣ и Богородскомъ я часто видалъ П. В. Головина. Какъ теперь, вижу его въ голубомъ бархатномъ стихарѣ, полученномъ имъ будто бы отъ преосвященнаго Августина, архіепископа Московскаго, за значительныя пожертвованія въ пользу Кремлевскихъ соборовъ въ 1813 году. Онъ былъ на видъ очень скромный и тихій, съ потупленнымъ взоромъ, почти постоянно молчалъ всѣмъ низко кланялся. Многіе считали его скудоумнымъ, но этому мнѣнію противорѣчитъ письменное наставленіе, оставленное имъ для дѣтей его, очень благочестиво и умно написанное.

Послѣ увольненія въ отставку, П. В. тихо и мирно провелъ остальную жизнь свою, въ дѣлахъ благочестія, благотворенія и хозяйственныхъ заботахъ. Главнымъ предметомъ попеченій его было построеніе большей каменной церкви, начатой еще отцемъ его. Храмъ былъ оконченъ и освященъ въ 1811 году. П. В. скончался въ 1836 г.

Село Новоспасское досталось второму сыну почившаго Гавріилу Павловичу, вопреки прежнему обыкновенію, по которому оно всегда переходило въ наслѣдство старшему въ родѣ. Мнѣ случилось однажды быть тамъ по приглашенію хозяина; я дивился множеству святынь, собранныхъ въ сельской церкви нѣсколькими поколѣніями владѣльцевъ; въ числѣ агіазмъ находится часть животворящаго Креста, ризы Господней, пояса Богородицы и нѣсколько ковчеговъ съ частями св. мощей. Послѣдній помѣщикъ села Новоспасскаго много украсилъ этотъ древній храмъ. Уповая на помощь Божію, и желая исполнить волю добродѣтельной своей матери, онъ имѣлъ непреодолимое желаніе устроить на семъ мѣстѣ общежительный дѣвичій монастырь. Желаніе его исполнилось: въ 1852 г. дозволено было вдовѣ подполковника А. Г. Головиной, урожденной княжнѣ Гагариной, учредить въ этомъ селѣ женское общежитіе подъ наименованіемъ Влахернскаго, а въ 1861 г. община переименована въ общежительный дѣвичій монастырь. Въ храмѣ монастыря находятся многочтимыя иконы: 1) Спаса на убрусѣ—благословенія вел. кн. Василія Васильевича Темнаго, въ 1391 г., родоначальнику фамиліи Головиныхъ; 2) Смоленская икона Богородицы — благословеніе вел. кн. Василія Димитріевича; 3) Влахернская Богородичная икона, устроенная изъ воско-мастики и принесенная изъ Царьграда.

Влахернскій-Спасскій, женскій, 3-го класса монастырь при селѣ Новоспасскомъ-Деденевѣ, Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, находится въ 13 верстахъ къ югу отъ Дмитрова, при рѣчкѣ Икшѣ.

ЗАМѢТКА. Помѣщенная въ Майской книжкѣ, въ отдѣленіи „Хранилище моей памяти“ „статейка“: „Ольга Николаевна, Королева Виртембергская“ большею частію дословно взята мною изъ статьи Г. Хрущова подъ тѣмъ же заглавіемъ (Русск. Вѣстникъ № 1, 1893 года). Объ этомъ заимствованіи я не успѣлъ тогда упомянуть по ошибкѣ.

МУДРОВЪ,

Матѳій Яковлевичъ, профессоръ терапіи и клиники въ Московскомъ Университетѣ, родился въ Вологдѣ, 1772 года 23 марта. Родитель его, священникъ Дѣвичьяго монастыря въ городѣ, Іаковъ Іоанновичъ Мудровъ, былъ, по тогдашнему времени, мужъ просвѣщенный, хорошо изучившій языки древніе—латинскій, греческій и еврейскій; онъ очень уважалъ врачебную науку, любилъ читать творенія Гиппократа и Цельса; осмѣливался давать врачебные совѣты бѣднымъ людямъ, на исцѣленіе простыми средствами, и былъ въ тѣсной пріязни со всѣми тамошними врачами. Какъ добрый пастырь душъ и сердецъ, онъ былъ вовсе не любостяжателенъ, но весь преданъ дѣламъ милосердія, всегда готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку, послѣднюю корку хлѣба голодной бѣдной нуждѣ. Бывало, возвращаясь отъ дѣлъ служенія домой, никакъ не умѣлъ онъ отказывать просящимъ милостыни, а такихъ въ Вологдѣ всегда великое множество: это прохожіе на поклоненіе къ Соловецкимъ Чудотворцамъ, бѣдные, недужные и увѣчные богомольцы, чающіе Божественной помощи въ ихъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ. Раздавши все изъ своего кармана, онъ приводилъ къ себѣ домой тѣхъ, которымъ не могъ сдѣлать подаянія, и раздѣлялъ съ ними весьма неприхотливую свою трапезу. Съ такимъ добродѣтельнымъ образомъ жизни, онъ претерпѣвалъ крайніе недостатки, такъ что въ праздничные великіе дни сплошь да рядомъ въ семействѣ его не находилось и одной горсти пшеничной муки на пирожокъ или лепешку.

Матѳій Яковлевичъ Мудровъ свое первое образованіе началъ подъ руководствомъ родителя, продолжалъ въ Духовной Семинаріи и потомъ въ народномъ училищѣ, тогда лишь вновь открытомъ. При великихъ нуждахъ и бѣдности, безъ средствъ пріобрѣтать учебныя книги, семинарское ученіе для молодаго Мудрова было весьма трудно; ибо надобно

было печатныя книги списывать на тетради, да и бумаги-то нелегко было промышлять.

У тамошняго штабъ-лекаря О. И. Кирдана подростали два сына, и молодой Мудровъ былъ приглашенъ учить ихъ началамъ русскаго и латинскаго языковъ, за что, кромѣ весьма умѣренной платы, по рублю въ мѣсяцъ, онъ получалъ иногда и подарки, кой-какое поношенное платье съ плечъ самого Кирдана. Въ 1794 году Матѳій Яковлевичъ Мудровъ собрался въ Московскій Университетъ, вмѣстѣ съ дѣтьми Кирдана, ввѣренными его надзору. Въ Москвѣ онъ представилъ отъ Кирдана рекомендательное и вмѣстѣ просительное письмо къ профессору университета Ф Ф Керестури, старинному съ Кирданомъ пріятелю и сослуживцу во время свирѣпствовавшей по Москвѣ заразы чумной въ 1771 году. Добрый Керестури всѣхъ троихъ путешественниковъ привезъ съ собою въ университетъ, представивъ ихъ сперва директору Фонвизину, а потомъ инспектору, профессору Петру Ивановичу Страхову, и въ тотъ же день всѣ трое сидѣли на скамьяхъ въ классахъ гимназіи. Въ 1796 году, какъ способный и благонравный ученикъ, Мудровъ былъ переведенъ изъ гимназическаго ректорскаго класса въ университетъ. Здѣсь онъ предался изученію врачебныхъ наукъ съ такою горячею любовію и прилежаніемъ, что отказывалъ себѣ даже въ самыхъ невинныхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ. Онъ былъ всегда набоженъ и никогда не пропускалъ праздничной и воскресной службы въ церкви университета, почти всегда тутъ справлялъ чтеніе шестопсалмія, часовъ, апостола, и читывалъ отмѣнно хорошо. Заступившій мѣсто Фонвизина новый директоръ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, великій охотникъ самъ пѣть и читать въ церкви, и супруга его Прасковья Семеновна, весьма богомольная барыня, полюбили Мудрова, какъ за чтеніе, такъ и за его благонравіе, соединявшееся съ благообразіемъ наружнымъ: ибо Мудровъ былъ хорошъ, даже красивъ собою: стройнаго роста, волосы имѣлъ черные, отъ природы кудря-

вые, глаза большіе, черные, лицо чистое, бѣлое, съ нѣжнымъ румянцемъ, взглядъ откровенный, благородный *).

Въ 1797 году отчаянно занемогла оспою одиннадцатилѣтняя дочь профессора и библіотекаря въ университетѣ Харитона Андреевича Чеботарева, Софья Харитоновна; докторъ, пріятель и товарищъ Чеботареву, профессоръ университета Ѳ. Г. Политковскій призналъ за необходимое, для строжайшаго наблюденія болѣзни, препоручить больную въ неотлучный надзоръ кому-либо изъ студентовъ медицинскаго факультета, и въ этомъ случаѣ выборъ его палъ на студента Мудрова. Оспа была сплошная и сливная и, когда назрѣла, тогда студентъ-наблюдатель открылъ каждую оспину ланцетомъ и гноевидную матерію снялъ мокрою въ парномъ молокѣ губкою; болѣзнь протекла благополучно почти безъ примѣтныхъ слѣдовъ; обрадованный отецъ обнялъ студента и сказалъ ему: «Ты хлопоталъ о дѣвочкѣ больной, какъ лучшій другъ нашъ, какъ родной братъ ей, такъ будь же ей, теперь твоими же попеченіями исцѣленной, женихомъ, а мнѣ роднымъ сыномъ». Мудровъ не отказался отъ предложенія. Тургеневъ и Чеботаревъ познакомили его со многими важными лицами, каковы, напримѣръ, были извѣстный любитель и соревнователь русскаго просвѣщенія Николай Ивановичъ Новиковъ, сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, почтъ-директоръ въ Москвѣ Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ и многіе другіе **). Новыя знакомства открыли ему входъ въ лучшіе московскіе дома и образованнѣйшій кругъ, и здѣсь для него было, такъ-сказать, практическое училище свѣтскаго обращенія и благоприличій.

Въ 1800 году воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отпускъ лучшихъ студентовъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, и Мудровъ, въ званіи кандидата медици-

*) Такъ описываетъ наружность М. Я. Мудрова облагодѣтельствованный имъ проф. П. Ил. Страховъ, въ Біограф. словарѣ Импер. Моск. Университета, ч. 2, стр. 119.

**) Всѣ эти лица были членами масонскихъ ложъ, основанныхъ извѣстнымъ профессоромъ Шварцемъ.

ны, былъ избранъ въ это путешествіе. Но оно началось не ранѣе 1802 года: тогда всѣ назначенные отъ университета кандидаты собрались въ С.-Петербургѣ и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ предназначенный путь, въ іюлѣ того же 1802 года. Въ Берлинѣ Мудровъ снискалъ особенную благосклонность лейбъ-медика и профессора, знаменитаго Гуфеланда. Тогда по всей Германіи въ медицинскихъ факультетахъ господствовала почти надъ всѣми умами Браунова система, и Гуфеландъ въ такомъ же воззрѣніи написалъ и напечаталъ тогда первый томъ своей системы практической медицины.

Въ Парижѣ Мудровъ прожилъ четыре года, задержанный военными обстоятельствами, и во все это время прилежно слушалъ лекціи публичныя и приватныя у знаменитѣйшихъ профессоровъ Портала, Пинеля, Бойе и другихъ. Обучая князей Голицыныхъ русскому языку и живя у нихъ въ домѣ, онъ всегда былъ въ кругу лучшаго парижскаго общества. За границею Мудровъ написалъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ: «De spontanea placentae solutione» и прислалъ въ Совѣтъ университета. За это сочиненіе, 1804 года, 7 марта онъ удостоенъ степени доктора медицины, а 1805 года, августа 2 дня возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1807 году, на возвратномъ пути въ Москву, онъ былъ, по распоряженію правительства, задержанъ въ Вильнѣ; гдѣ въ то время была расположена главная военная госпиталь всей арміи, въ которой тогда свирѣпствовала эпидемія заразительныхъ кровавыхъ поносовъ. Тутъ ему поручено было одно изъ отдѣленій съ 1.200 больныхъ Съ легкой руки, и даже съ перваго разу, смертность уменьшилась и вскорѣ совсѣмъ прекратилась въ его отдѣленіи, а потомъ и во всей госпитали. За этотъ подвигъ Мудровъ награжденъ чипомъ надворнаго совѣтника и единовременно изъ Кабинета Императора выдачею 2.000 рублей. Въ Вильнѣ Мудровъ сдружился съ профессоромъ мѣстнаго университета, знаменитымъ Іосифомъ Франкомъ.

Въ іюнѣ 1808 года Мудровъ возвратился изъ путешествія въ Москву прямо въ семейство заслуженнаго профессора

Чеботарева, женился на дочери его и первымъ долгомъ поставилъ себѣ явиться къ начальникамъ своимъ, учителямъ и лучшимъ знакомымъ. И одинъ изъ прежнихъ знакомцевъ, сенаторъ Иванъ Вл. Лопухинъ, поспѣшилъ новоприѣзжаго путешественника представить важнѣйшимъ лицамъ въ Москвѣ. Тогда же началась въ Университетѣ профессорская дѣятельность Мудрова. Сначала онъ преподавалъ военную гигіену или ученіе о болѣзняхъ, обыкновенныхъ въ дѣйствующихъ войскахъ; но вскорѣ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора и директора Клиническаго института. Въ сентябрѣ 1812 года, при нашествіи полчищъ западныхъ народовъ, Мудровъ, тогда деканъ врачебнаго отдѣленія, слѣдовалъ вмѣстѣ съ ректоромъ и другими членами университета въ Нижній Новгородъ, гдѣ не оставлялъ подавать дѣятельную помощь больнымъ. По очищеніи Москвы отъ непріятельскихъ войскъ, Мудровъ въ 1813 году, какъ деканъ медицинскаго факультета, прилагалъ особое усердіе при возобновленіи прежней анатомической аудиторіи, для преподаванія всѣхъ вообще медицинскихъ наукъ, и 13 октября собственнымъ иждивеніемъ торжественно открылъ медицинскій факультетъ, при чемъ произнесъ «Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача», которое тогда же и напечатано.

Въ клинической и обширной частной практикѣ Матѳій Яковлевичъ показалъ себя прямымъ послѣдователемъ медицины Гиппократовской, непричастнымъ никакой теоріи или системѣ. Но съ 1824 года нѣсколько началъ склоняться къ теоретическому воззрѣнію новой, образовавшейся во Франціи, медицины физіологической; стали ему нравиться сочиненія, въ коихъ излагалось ученіе парижскаго профессора Бруссе, нѣкоторымъ образомъ подходившее къ его практическимъ наблюденіямъ. Въ клиникѣ Мудровъ ни мало не оскорблялся, когда медикъ, помощникъ его, отмѣнялъ назначенныя имъ кому-либо изъ больныхъ предписанія, но всегда при этомъ говаривалъ своимъ слушателямъ: «На то мнѣ и помощникъ надобенъ, чтобы подмѣчалъ то, чего я не подглядѣлъ, и по-

правлялъ бы мои ошибки: errare humanum est, и на старуху бываетъ проруха». Когда же кто изъ слушателей сообщалъ при постели больнаго свое мнѣніе, профессоръ ласково принималъ въ соображеніе къ своимъ объясненіямъ, и если замѣчаніе студента казалось ему умѣстнымъ, то хвалилъ, приговаривая: «хорошо, душа, очень хорошо, и я и всѣмы тебѣ спасибо, что надоумилъ». Какъ богобоязливый христіанинъ, какъ добрый и воздержный семьянинъ, какъ чиновникъ, преданный долгу службы, какъ вѣрноподданный, благоговѣйно чтившій и любившій Государя и весь Царственный Домъ, Мудровъ, разставаясь съ молодыми врачами, при отпускѣ ихъ на службу, преподавалъ имъ самыя искреннія, краткія поученія: «Ступай, душа, будь скроменъ, не объѣдайся мясищемъ, не пей винища и пивища, не блуди, бѣгай отъ картишекъ, будь покоренъ начальству, люби свое дѣло, свою науку, люби службу государеву, и будешь счастливъ и почтенъ».

Ученикъ Мудрова и Мухина А. Г. Терновскій, тогда еще молодой и очень бѣдный медикъ, пригласилъ обоихъ своихъ учителей на консульстацію къ больной своей матери, вдовѣ священника. Мухинъ пріѣхалъ первый, подождалъ нѣсколько времени Мудрова, но видя, что онъ не ѣдетъ, сказалъ свое мнѣніе о болѣзни и, получивъ отъ Терновскаго десятирублевую ассигнацію, хотѣлъ уѣхать. При выходѣ встрѣтился ему Мудровъ и убѣдилъ его воротиться на нѣсколько минутъ. Когда консульстація кончилась, и оба профессора распростились съ благодарившимъ ихъ ученикомъ, послѣдній подалъ Мудрову такую же красную ассигнацію. Догадавшись, что Мухинъ успѣлъ уже получить деньги, Мудровъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «Что это? Какъ ты смѣешь обижать твоего наставника? Вотъ видишь, у тебя братишки и сестренки босикомъ бѣгаютъ, а ты мнѣ деньги предлагаешь! Попробывалъ бы ты предложить его превосходительству Ефрему Осиповичу, онъ бы тебѣ сказалъ: «Негодяй я буду, подлецъ я буду, если возьму». Не съ тебя получать, а тебѣ помочь мы обязаны. Вотъ возьми-ка отъ меня 25 рублей на

лекарство для больной». Послѣ этихъ словъ и Мухинъ принужденъ былъ возвратить Терновскому полученныя имъ деньги Этотъ анекдотъ я слышалъ лично отъ А. Г. Терновскаго.

Высшая слава, какъ награда врачу-христіанину, наступила предъ концомъ жизни его. При первомъ появленіи въ предѣлахъ Россіи восточной холеры, Мудровъ былъ командированъ въ Саратовъ. Тамъ, и послѣ въ Москвѣ, онъ неусыпно боролся съ страшною эпидеміей, первый между врачами сталъ понимать ея сущность и способы леченія. А потому, когда болѣзнь, весною 1831 года, проникла въ Петербургъ, Матѳій Яковлевичъ былъ вызванъ туда, по именному повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, давно уже знакомаго съ медицинской дѣятельностію Мудрова. И здѣсь онъ доказалъ свою великую практическую опытность и отмѣнную вѣрность медицинскаго взгляда въ скоромъ распознаваніи силъ больнаго и степени болѣзни. Онъ проводилъ дни и ночи въ двухъ ввѣренныхъ ему холерныхъ больницахъ. Нарядившись въ какой-то ветхій балахонъ, онъ не зналъ покоя и отъ изнуренія ложился иногда на постелю, очистившуюся послѣ умершаго холерою больнаго.

Однажды вечеромъ разбудилъ Мудрова флигель-адъютантъ и привезъ его, не дозволивъ даже переодѣться, во дворецъ. Здѣсь, въ присутствіи Государя, онъ нашелъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, заболѣвшаго рвотою и болями въ животѣ. «Мудровъ, помогай скорѣе,—сказалъ Государь, сильно встревоженный,—вотъ они (указывая на окружающихъ больнаго врачей) говорятъ, что у Наслѣдника холера». Осмотрѣвъ Августѣйшаго больнаго, М. Я. очень спокойно отвѣчалъ: «Не извольте безпокоиться, Государь, холеры нѣтъ, а только небольшое разстройство желудка. А они все врутъ; имъ бы только похвастаться успѣхомъ. Вотъ мы сейчасъ поможемъ Его Высочеству». Дѣйствительно, больной выпивъ мяты и укутанный въ горячія простыни скоро заснулъ и на утро оказался здоровымъ, а Мудровъ получилъ отъ Государя табакерку, украшенную брилліантами.

Но непрестанное утомленіе и изнуреніе силъ не прошло даромъ для добродѣтельнаго врача: 7 іюля Мудровъ заболѣлъ холерою и на другой день скончался, 59 лѣтъ отъ рожденія. Бренные останки его погребены за Невою, на Выборгской сторонѣ, на холерномъ новомъ кладбищѣ, что за церковію св. Самсона. На могилѣ его стоитъ темный гранитовый памятникъ. Въ началѣ того же 1831 года, въ Вологдѣ, преставился отъ холеры старшій родной братъ его, протоіерей І. Я. Мудровъ, а въ концѣ года, въ Вологдѣ же, умеръ холерою его родной племянникъ, А. К. Мудровъ; ни тотъ, ни другой не оставили дѣтей, а весь родъ Мудровыхъ въ мужскомъ колѣнѣ пресѣкся въ одинъ и тотъ же годъ отъ одной и той же болѣзни.

БОГДАНОВЪ,

Михаилъ Гавриловичъ, подрядчикъ. Оставилъ по себѣ память поднятіемъ большаго колокола на колокольню Ивана Великаго. Самый большой колоколъ въ Москвѣ на колокольнѣ Ивана Великаго, называемый «Успенскій или праздничный», подающій начало торжественному звону всѣхъ московскихъ церквей въ великую ночь передъ Пасхой. Вѣсомъ колоколъ 4000 пудовъ; — онъ перелитъ въ 1819 году изъ стараго, упавшаго въ 1812 году, при взрывѣ Кремля французами. До переливки онъ вѣсилъ 3355 пуд. 4 фунта Старый былъ отлитъ въ 1760 году мастеромъ Слизовымъ по приказу императрицы Екатерины II и, какъ говоритъ преданіе, былъ много лучше новаго. На новомъ колоколѣ изображены: Спаситель, Богородица, Іоаннъ Предтеча, Успеніе Богоматери и Петръ и Алексѣй митрополиты Московскіе; а подъ святыми—изображеніе императора Александра I и всей августѣйшей фамиліи. На старомъ же колоколѣ были изображены тѣ же святые—съ портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъемѣ этого колокола случилась слѣдующая исто-

рія, надѣлавшая въ то время много шуму въ Москвѣ. Незадолго до подъема, митрополиту Московскому (позднѣе Новгородскому) Серафиму донесли, что построенная мастеромъ Богдановымъ каланча для подъема на колокольню Ивана Великаго большаго отлитаго имъ колокола, крайне непрочна, да и брусья на колокольнѣ ненадежны. Слухи эти настолько были распространены въ народѣ, что митрополитъ просилъ военнаго генералъ-губернатора назначить архитектора для освидѣтельствованія каланчи и колокольни. Назначенные генералъ-губернаторомъ, графомъ А. П. Тормасовымъ, чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусьевъ ненадежною. Но Богдановъ стоялъ на своемъ и ручался за прочность. Такая увѣренность Богданова расположила митрополита въ его пользу, и преосвященный далъ ему позволеніе поднять колоколъ. Въ назначенный для подъема день митрополитъ Серафимъ пріѣхалъ въ Успенскій соборъ. Площадь была покрыта несмѣтнымъ количествомъ зрителей. Вдругъ митрополиту докладываютъ, что Богдановъ сидитъ на крыльцѣ и горько плачетъ. Вѣсть эта Серафима крайне встревожила; ему показалось, что Богдановъ отчаявается въ успѣхѣ; онъ приказываетъ позвать подрядчика и узнаетъ отъ него, что тотъ плакалъ потому, что ему мѣшаютъ. Преосвященный, успокоивъ Богданова, идетъ и освящаетъ колоколъ по церковному чиноположенію и, затѣмъ, благословляетъ поднимать его. Колоколъ пошелъ очень ходко и ровно вверхъ и уже былъ на половинѣ высоты, какъ вдругъ раздаются со всѣхъ концовъ крики: «Иванъ Великій шатается, каланча падаетъ!» Къ этимъ крикамъ присоединяются еще крики женщинъ и дѣтей, кинувшихся бѣжать,— паника и тѣснота сдѣлались ужасныя. Оберъ-полицеймейстеръ, А. С Шульгинъ, не потерялъ присутствія духа и бросился въ толпу, увѣряя, что это—выдумки мошенниковъ. Народъ видя, что каланча не упала и Иванъ Великій стоитъ, понемногу пришелъ въ порядокъ. Богдановъ во время этой суматохи не растерялся и, какъ прежде, стойко управлялъ дѣйствіями многихъ воротовъ, посредствомъ колокольчика и палочки съ

навязаннымъ на ней платкомъ и все время умѣлъ удержать работниковъ на своихъ мѣстахъ и своею расторопностію отвратилъ большую бѣду. Но такъ какъ полиціи на площади оказалось немного и боялись, чтобы карманные мошенники опять не произвели безпорядка, то преосвященный распорядился пріостановить поднятіе колокола и объявить народу, что онъ будетъ поднятъ завтра. Послѣ этого толпы народа стали расходиться, и когда народу на площади осталось немного, то Богдановъ скомандовалъ рабочимъ продолжать поднятіе, и черезъ нѣсколько минутъ колоколъ былъ поднятъ на колокольню благополучно. Въ день поднятія колокола, М. Г. Богдановъ былъ приглашенъ къ столу митрополита. За обѣдомъ Серафимъ спросилъ Богданова:

— Ну! еслибы я не согласился позволить тебѣ поднять колоколъ и послалъ бы бумагу спросить объ этомъ въ Петербургъ, чтобы ты сдѣлалъ?

— Я уже рѣшился,—отвѣчалъ Богдановъ,—я бы ночью привезъ колоколъ и поднялъ его потихоньку своими работниками.

Разсказываютъ, что за нѣсколько минутъ до поднятія колокола извѣстный тогда иностранецъ-архитекторъ, изъ сожалѣнія къ Богданову, упрашивалъ его бросить это дѣло, доказывая невозможность поднять такую тяжесть, но Богдановъ ему отвѣчалъ: «Приходи завтра звонить въ колоколъ».

Мнѣ случалось встрѣчать старика Богданова въ 1839 году, въ домѣ сенатора С Д Нечаева, отъ котораго онъ получалъ пособіе, я слышалъ отъ него разсказъ о подъемѣ колокола, но по давности времени забылъ подробности дѣла и теперь излагаю ихъ по статьѣ г. Пыляева.

ІОАННЪ БОРИСОВИЧЪ,

Елецкій священникъ. «Память о немъ—говоритъ протоіерей Лука Ефремовъ (см. это слово), несмотря на его давнюю кончину, такъ высоко чтится въ народѣ, что день его поминовенія считается у жителей города Ельца почти днемъ празд-

ничнымъ: тысячи народа стекаются въ Елецкій Троицкій мужской монастырь и присутствуютъ при отправленіи соборной паннихиды надъ его могилой. Изъ предлагаемыхъ читателямъ свѣдѣній о жизни и дѣяніяхъ его, надѣюсь, будетъ видно, чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое почтеніе къ своей памяти. За достовѣрность сообщаемыхъ мною свѣдѣній объ отцѣ Іоаннѣ могу поручиться: онъ былъ современникомъ моимъ, жилъ въ одномъ со мною городѣ; я былъ лично знакомъ съ нимъ и очень близокъ къ нему; кромѣ того я пользовался свидѣтельствами другихъ, также лично его знавшихъ».

От. Іоаннъ родился около 1750 года, обучался въ Воронежской семинаріи, потомъ священствовалъ въ Преображенской церкви города Ельца.—Усердно желая вполнѣ знать должность священническую и быть добрымъ пастыремъ стада Христова, онъ двумя письмами просилъ святителя Тихона, жившаго тогда на покоѣ въ Задонскѣ, дать ему въ томъ наставленіе. Святитель удовлетворяя его желанію, прислалъ ему «совѣтъ» при письмѣ своемъ.

«Отецъ Іоаннъ! писалъ святитель: два письма я отъ тебя получилъ, за оба благодарствую. Посылаю тебѣ, по твоему желанію, мой совѣтъ, читай его и разсуждай, и поступай такъ; а болѣе самъ читай книги и отъ нихъ учись и себя пасти и люди тебѣ порученные отъ Бога, и молись Богу прилежно, чтобы Самъ Богъ наставилъ тебя пасти стадо Христово. При томъ помни: ищи людей, а не людскихъ, то-есть ищи спасенія душъ, а не денегъ и богатства и почитанія. Спасайся о Христѣ и о мнѣ грѣшномъ Богу молись.

Вашъ бывшій пастырь, недостойный епископъ Тихонъ. Октября 24-го 1776 года. Задонскъ.

Совѣтъ святителя взятъ позднѣе, вмѣстѣ съ разными бумагами от. Іоанна, родственникомъ его, преосв. Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ, и напечатанъ въ *Воскресномъ Чтеніи*.

О храмѣ Божіемъ о. Іоаннъ имѣлъ великое попеченіе Приходскій храмъ его былъ тѣсенъ и неблаголѣпенъ

о. Іоаннъ расширилъ его и внутри росписалъ житіями святыхъ. На свой же домъ онъ мало обращалъ вниманія. Сначала при домѣ его были плетневыя сѣни. Святитель Тихонъ, посѣтивъ однажды о. Іоанна, взглянулъ на нихъ и сказалъ ему: «Не скорби о. Іоаннъ, поживешь и тесовыя наживешь». По слову угодника Божія онъ со временемъ и устроилъ тесовыя сѣни съ чуланомъ и приличнымъ корридоромъ. Но болѣе сего въ теченіе всей своей жизни онъ не производилъ никакихъ улучшеній по устройству своего жилища.

Трапеза от. Іоанна состояла изъ одного насущнаго хлѣба и соли съ небольшимъ припасомъ, не смотря на то, что приходъ его былъ хорошъ, и онъ пользовался отъ него большимъ доходомъ. Куда же употреблялъ онъ значительный денежный доходъ, при незначительномъ домашнемъ расходѣ? Раздавалъ бѣднымъ и нищимъ. Часто бывало, что, за неимѣніемъ денегъ, онъ послѣдній носовой платокъ имъ отдавалъ. Не отказывая въ подаяніи просящимъ, онъ и самъ розыскивалъ по домамъ бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ, и помогалъ имъ, посѣщалъ тюремные замки и подавая заключеннымъ здѣсь лепты, онъ то же время училъ ихъ терпѣнію и убѣждалъ къ раскаянію.

Нерѣдко жена о. Іоанна, укоряла его за его безмѣрную щедрость: «Что ты дѣлаешь», говорила она, «или ты не помнишь, что у тебя есть свое семейство, есть дѣти? Вмѣсто того, чтобы чужихъ награждать, ты бы своимъ кровнымъ что-нибудь приберегъ и собралъ». А онъ ей отвѣчалъ: «Не думай, что я, расточая добро свое, дѣлаю дѣтей своихъ на будущее время скудными. Нѣтъ, не будутъ они бѣдны. Ибо я весь свой избытокъ въ лицѣ нищихъ и бѣдныхъ даю въ заемъ самому Богу, Его дѣлаю должникомъ своимъ, въ твердой надеждѣ, что Онъ въ свое время, когда мои нужды будутъ велики, заплатитъ мнѣ. Итакъ, я не расточаю, а собираю для дѣтей». Слова о. Іоанна оправдались. У него было два сына и двѣ дочери: сыновья, по окончаніи семинарскаго ученія, заняли хорошія должности: одинъ изъ нихъ былъ священникомъ на его мѣстѣ, а другой по

гражданской части служилъ счастливо; дочери же обѣ выданы были за отличныхъ, добрыхъ и умныхъ священниковъ въ томъ же городѣ Ельцѣ.

Однажды у жены о. Іоанна не было денегъ на покупку съѣстнаго припаса къ празднику Рождества Христова, почему она просила мужа, чтобы онъ далъ ей денегъ на этотъ предметъ; а онъ, отказывая ей въ томъ, говорилъ: «У меня нѣтъ денегъ, помолись Богу и потерпи — и Онъ тебѣ безъ денегъ пошлетъ нужное для праздника, какъ это и прежде не разъ случалось съ нами».—«Не стану ждать, давай мнѣ денегъ», безотвязно приставала она къ нему. Отецъ Іоаннъ рѣшительно сказалъ ей, что нѣтъ у него ничего. Но лишь только онъ сіе выговорилъ, вдругъ растворились ворота, и цѣлый возъ всего имъ къ празднику было привезено. Тутъ о. Іоаннъ, обращаясь къ женѣ и уличая ее въ невѣріи въ благость Божію, говоритъ ей: благодари за сіе Господа и впредь будь скромнѣе предо мною и терпѣливѣе въ случаѣ недостатковъ нашихъ.

Согласно совѣту святителя Тихона, о. Іоаннъ никогда по окончаніи службы церковной, находясь въ своемъ домѣ, не былъ праздным, но занимался или молитвою, или чтеніемъ книгъ, или другими какими-либо богоугодными дѣлами. Смѣха и шутокъ онъ не любилъ; при исправленіи требъ былъ нестяжателенъ, всѣ таинства совершалъ съ благоговѣніемъ; по окончаніи погребенія и паннихидъ по домамъ на обѣды не ходилъ, а прямо уходилъ въ свой домикъ или чуланъ, въ которомъ обыкновенно любилъ уединяться. Но по обязанности пастыря-учителя онъ многихъ навѣщалъ, а особенно тѣхъ, которые замѣчены имъ въ дурномъ поведеніи. Пришедъ къ нимъ въ домъ, онъ обличалъ ихъ, увѣщевалъ, угрожалъ имъ гнѣвомъ Божіимъ и нерѣдко, при помощи Божіей, склонялъ ихъ къ покаянію.

Однажды пришелъ къ нему богатый купецъ Кононъ Никитичъ Кожуховъ, для взаимной духовной бесѣды, посидѣлъ у него, поговорилъ и между прочимъ сказалъ о себѣ, что онъ, слава Богу, во всю жизнь свою живетъ покойно, сча-

стливо, всего у него довольно, недостатковъ ни въ чемъ нѣтъ, бѣдъ и скорбей никогда съ нимъ не случалось. От. Іоаннъ, выслушавъ это, воскликнулъ: «О! жаль мнѣ тебя, счастливецъ несчастный!»—«Чѣмъ же я несчастливъ?» спросилъ Кожуховъ.—«Тѣмъ, отвѣчалъ онъ ему, что не посѣщенъ Божіимъ наказаніемъ, тогда какъ эти наказанія суть вѣрные знаки Божіей любви къ намъ: «егоже любитъ Господь, говоритъ Писаніе, того и наказуетъ». А вѣдь ты, я знаю, не малый грѣшникъ. Какъ же можешь считать себя счастливымъ, когда утопаешь во грѣхахъ, піешь иногда беззаконіе какъ воду, а живешь безъ наказанія, безъ вразумленія, безъ бѣдъ и скорбей, которыя спасительны, потому что побуждаютъ грѣшника къ покаянію: «многими скорбми, глаголетъ Писаніе, подобаетъ внити въ царствіе небєсное». Выслушавъ эти слова, Кононъ Никитичъ задумался и скоро затѣмъ, принявъ отъ своего наставника благословеніе, пошелъ домой съ поникшею главой. Что же послѣ случилось съ нимъ? Не болѣе какъ недѣли черезъ двѣ загорѣлся у него домъ; прочіе бросились тушить пожаръ, а онъ выбѣжалъ на улицу, сталъ на колѣна, воздвигъ руки къ небу и воскликнулъ: «благодарю, слезно благодарю Тебя, Господи, что Ты наказуешь меня, великаго грѣшника; чувствую теперь, что Ты не забылъ меня, вижу, что ты любишь меня, пробуждаешь меня окаяннаго. Благодарю же Тебя, Господи, благодарю и съ усердіемъ лобзаю десницу Твою, достойно меня кзрающую». Видно, что сѣмя духовнаго сѣятеля прямо пало на сердце Конона Никитича и принесло плодъ благой.

Въ преклонныхъ годахъ жизни іерея Іоанна, когда духовныя его силы возрасли, созрѣли и укрѣпились, въ немъ открылся благодатный даръ прозорливости. Разскажемъ нѣсколько примѣровъ. Затворникъ Задонскаго монастыря Георгій по обыкновенію усердно ходилъ въ храмъ Господень, стоялъ здѣсь со страхомъ Божіимъ и благоговѣніемъ къ мѣсту, гдѣ невидимо присутствовалъ Самъ Господь; но видя въ храмѣ небрежно стоящихъ, разговаривающихъ и смѣю-

щихся, смущался духомъ, и, чтобы не быть болѣе зрителемъ такихъ безпорядковъ въ Задонскомъ монастырѣ, возъимѣлъ намѣреніе удалиться изъ него въ другой монастырь; исполнить же своего намѣренія не хотѣлъ безъ совѣта съ какимъ-либо опытнымъ старцемъ. Гдѣ же бы ему такого найти?—Нигдѣ больше, думалъ онъ, какъ въ городѣ Ельцѣ. Тамъ есть о. Іоаннъ, о которомъ всѣ говорятъ, что онъ примѣрно-благочестивой и святой жизни. Прибылъ Георгій въ Елецъ, но едва успѣлъ подойти къ дому о. Іоанна, какъ тотъ выбѣжалъ на крыльцо и, хотя никогда прежде не видалъ и не зналъ его, встрѣтилъ его слѣдующими словами: «А я, братъ, сейчасъ только отслужилъ молебенъ съ звономъ Пресвятой Богородицѣ... Она не велитъ давать наставленій монахамъ, особенно смущеннымъ и хотящимъ оставить свой монастырь. Ступай, братъ, ступай! У васъ есть схимонахъ Агапитъ. Онъ тебѣ скажетъ, что надобно дѣлать». И за симъ запѣлъ: «Святымъ Духомъ всяка душа живится».. и спрятался въ свой чуланъ, гдѣ обыкновенно жилъ. Георгій пошелъ въ свой монастырь, побесѣдовалъ съ о. Агапитомъ и, получивъ отъ него назиданіе, остался жить въ Задонскѣ *).

Былъ въ Ельцѣ богачъ Кириллъ Петровичъ Жалудковъ. Онъ жилъ очень весело и роскошно. О. Іоаннъ неоднократно обличалъ его за это и говорилъ ему: «Кириллъ! будь внимателенъ къ самому себѣ, сократи свои беззаконные расходы,—богатство вѣдь тебѣ дано не для роскоши, а для добрыхъ дѣлъ». Но Кириллъ Петровичъ не слушалъ добраго совѣта. О. Іоаннъ сказалъ ему наконецъ: «Знай, Кириллъ, и помни мои слова, что мнимое твое счастіе продлится только по жизнь доброй и блаженной супруги твоей. Прасковья умретъ, и все твое богатство минется и, на удивленіе прочимъ, какъ вода протечетъ».

Такъ и сбылось. По смерти Прасковьи Ивановны въ продолженіе немногихъ лѣтъ милліоны Жалудкова исчезли; дѣти

*) Сей случай упомянутъ въ біографіи Георгія на стр. 7 и 8.

его такъ обѣдняли, что старшему сыну его Петру Кирилловичу не въ чемъ было похорониться: чужіе купили гробъ ему.

Отецъ Іоаннъ скончался 1829 года 20 декабря. Предъ кончиною на одрѣ болѣзни нѣсколько разъ удостоился принятія святыхъ Таинъ и скончался съ миромъ. Погребенъ онъ 24 декабря въ Троицкомъ монастырѣ.

Гробъ его несли до самаго монастыря на раменахъ своихъ духовные братія его, священники. «И я удостоился сей чести, говоритъ от. Лука. Провожалъ его весь городъ и тысячи окрестныхъ жителей. Вопль бѣдныхъ и нищихъ почти заглушалъ пѣніе духовенства. «Не увидимъ мы, несчастные, такого благодѣтеля и кормильца сиротъ»—вопіяли одни; «не увидимъ такого учителя»,—вопіяли другіе; «не найдемъ такого врача и наставника»—вопіяли третьи,—и особенно тѣ, которыхъ онъ отъ грѣховной жизни привелъ на путь покаянія и исправленія».

Мнѣ случилось одинъ только разъ видѣть отца Іоанна въ 1824 году; я проѣзжалъ тогда, будучи 12 лѣтъ, вмѣстѣ съ моей матерью изъ Орла въ Воронежъ и Задонскъ чрезъ Елецъ Матушка подводила меня подъ благословеніе от. Іоанна. Помню, что онъ сказалъ мнѣ: «Бойся Бога и чти родителей». Въ 1865 году, проводя нѣсколько дней, по дѣламъ, въ Ельцѣ, я поклонился его могилѣ.

МАРІЯ,

въ мірѣ Софія Давыдова, настоятельница Костромскаго Анастасіина — Богоявленскаго монастыря. Въ 29-й день января 1889 года, во второмъ часу по полуночи, съ субботы на воскресенье, Костромской Богоявленскій Анастасіинъ дѣвичій монастырь потерпѣлъ горестную, незамѣнимую утрату: волею Божіею отозвана въ вѣчность настоятельница сего монастыря, игуменія Марія. Сестры обители потеряли въ лицѣ усопшей мудрую, проницательную, дальновидную и дѣятельную настоятельницу и мать, руководившую ихъ на пути

иноческаго подвига; сироты, нищіе, слѣпые, недужные—сострадательную попечительницу; всѣ лично знавшіе усопшую—опытную совѣтницу, наставницу и руководительницу въ жизни.

Дѣвица Софія Давыдова съ самой ранней юности отличалась цвѣтущею красотою, ловкостью, необыкновенно живымъ и острымъ умомъ, быстротою и находчивостью въ отвѣтахъ. Такія свойства ея были съ перваго взгляда замѣчены молодымъ наслѣдникомъ престола, Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, объѣзжавшимъ Россію въ 1838 году. Въ Москвѣ было дано, въ честь Его Высочества, нѣсколько баловъ и на каждомъ изъ нихъ Августѣйшій посѣтитель танцовалъ и проводилъ время преимущественно съ Софьей Давыдовой.

Это было первое и послѣднее мірское веселье молодой дѣвушки, предназначенной, по волѣ всеблагаго Промысла, для иного направленія жизни. Вскорѣ она поселилась, вмѣстѣ съ матерью, въ Сергіевскомъ Посадѣ, гдѣ пользовалась наставленіями Намѣстника Сергіевой Лавры, от. архимандрита Антонія, а въ 1847 году, по благословенію митрополита Московскаго Филарета, Софія Дмитріевна Давыдова, 25 лѣтъ отъ роду, поступила въ Костромской Крестовоздвиженскій Анастасіинъ дѣвичій монастырь; въ 1856 году была въ послушаніи надзирательницы монастырской больницы; 17 января 1858 года пострижена въ монашество; 3 февраля 1863 года Архіепископомъ Костромскимъ Платономъ посвящена въ санъ игуменіи. За усердное прохожденіе должности настоятельницы монастыря награждена была въ 1865 году золотымъ наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, въ 1871 году крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями изъ Императорскаго кабинета и въ 1882 году благословеніемъ Св. Синода.

Широка и благотворна была дѣятельность въ Бозѣ почившей игуменіи Маріи. Всей душей преданная истиннымъ интересамъ монашества, твердо и неизмѣнно храня св. вѣру Христову, двадцать шесть лѣтъ она управляла монастыремъ въ духѣ Православной Церкви. Благотворная дѣятельность

усопшей распространялась на всѣ отрасли управленія обителями Богоявленскою и Крестовоздвиженскою. Много потрудилась она, какъ во внутреннемъ духовномъ назиданіи сестеръ, ввѣренныхъ ея водительству, такъ и во внѣшнемъ благоустройствѣ и блогоукрашеніи обителей.

Игуменія Марія вступила въ управленіе сначала однимъ Крестовоздвиженскимъ монастыремъ. Затѣмъ, по совѣту и убѣжденію Преосвященнаго Костромскаго Платона, она приняла въ свое завѣдываніе еще Богоявленскій монастырь, который послѣ пожаровъ 1847 года представлялъ лишь груды пепла и развалинъ. Принявъ этотъ древній монастырь въ свое управленіе въ 1864 году, мать игуменія въ пять лѣтъ на пособія доброхотныхъ дателей, найденныхъ ею же, совсѣмъ возстановила его. Кромѣ великолѣпнаго соборнаго храма келлій для инокинь, въ немъ устроены были ею разныя мастерскія—живописная, портная, золотошвейная и другія.

Перемѣстивъ большую часть инокинь въ Богоявленскій монастырь, игуменья Марія назначила Крестовоздвиженскій монастырь для благотворительныхъ учрежденій. Прежде всего она устроила здѣсь училище для дѣвицъ, затѣмъ въ 1873 году, по волѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны,—первую лечебницу для народа, состоящую подъ Высочайшимъ покровительствомъ, на которую ежегодно отпускается изъ Россійскаго Общества Краснаго Креста по 2700 рублей, изъ коихъ 1200 руб. на жалованье доктору и 1500 руб. на медикаменты и иные по лѣчебницѣ расходы. Въ монастырскомъ училищѣ преподается, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, для воспитанницъ старшихъ классовъ фельдшерскій курсъ; воспитанницы занимаются въ аптекѣ, въ пріемномъ покоѣ и въ больничныхъ палатахъ. Насколько благотворны для общества эти учрежденія, показываетъ то, что многія воспитанницы монастырскаго училища, по окончаніи курса и по испытаніи, состоятъ учительницами сельскихъ школъ и фельдшерицами въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Въ монастырской лѣчебницѣ, со времени ея открытія въ 1873 году до мая мѣсяца 1887 года, получили врачебное пособіе

безмездно 120 тысячъ человѣкъ, и на кроватяхъ лѣчебницы пользовались врачебной помощью 1,520 лицъ женскаго пола.

Въ 1870 году Государь Императоръ Александръ Николаевичъ съ Августѣйшею супругою посѣтилъ Богоявленскій монастырь и провелъ нѣсколько времени въ кельяхъ настоятельницы, при чемъ изволилъ предложить ей вопросъ: «А помните ли вы, какъ мы съ вами веселились на Московскихъ балахъ въ 1838 году?» Затруднительный вопросъ для монахини! И положительно, и отрицательно отвѣчать неудобно. Но остроумная мать Марія не затруднилась отвѣтомъ. «Государь сказала она, я забыла все мірское, но навсегда сохранила благодарную память о милостивомъ ко мнѣ вниманіи Вашего Величества.»

Заботами о благоустройствѣ двухъ монастырей и при нихъ благотворительныхъ учрежденій не окончилась благотворительная дѣятельность игумени Маріи. Въ 1864 году она устроила въ 17 верстахъ отъ г. Костромы, на монастырской землѣ, Назаретскую пустынь съ благотворительными учрежденіями: здѣсь есть церковь, маленькая лѣчебница и школа грамотности. Въ 1868 году ею же открыто образцовое по благоустройству монастырское кладбище съ церковью на участкѣ загородной земли, уступленной ей городскимъ управленіемъ. Такая благотворительная дѣятельность почившей игумени обратила на себя вниманіе высочайшихъ особъ, которыя неоднократно поощряли ея дѣятельность своей щедрою помощью. Такъ, въ 1886 году 17 ноября воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на выдѣлъ Костромскому Богоявленскому монастырю, согласно прошенію его настоятельницы, изъ казенныхъ земель Костромскаго уѣзда, трехъ лѣсныхъ дачъ и четырехъ оброчныхъ статей, всего лѣсу 1,276 дес. 1981 саж., съ тѣмъ условіемъ, чтобы означенный надѣлъ оставался во владѣніи монастыря все время, пока монастырь будетъ удовлетворять своему назначенію и слѣдовать по пути благотворенія и помощи сельскому населенію. Наконецъ, открытое въ г. Костромѣ училище для слѣпыхъ дѣвочекъ также встрѣтило благотворительную поддержку со стороны

игуменіи Маріи, сначала уступившей для него безплатное помѣщеніе въ монастырскомъ домѣ и затѣмъ способствовавшей пріобрѣтенію и собственнаго дома за недорогую цѣну.

Такая многосторонняя дѣятельность игуменіи Маріи, требовавшая постояннаго напряженія душевныхъ силъ, болѣзненно отразилась на здоровьѣ ея. Еще въ 1887 году послѣ пожара, истребившаго большую часть зданій обоихъ монастырей и потребовавшаго новыхъ трудовъ отъ ихъ настоятельницы, она перенесла тяжкую болѣзнь. Затѣмъ въ концѣ августа 1888 года она простудилась и слегла въ постель. Въ началѣ поста Рождественскаго она нѣсколько поправилась и начала даже выходить въ церковь, но съ половины декабря болѣзнь ея (воспаленіе живота) возобновилась въ сильнѣйшей степени и свела ее въ могилу. Сознавая безнадежность своего положенія, мать игуменія привела въ порядокъ всѣ свои монастырскія дѣла и затѣмъ начала приготовляться къ смерти, какъ истинная христіанка. Послѣ исповѣди и пріобщенія св. Таинъ въ началѣ Рождественскаго поста, она 18 декабря съ глубокою вѣрою и умиленіемъ приняла св. Елеосвященіе.

Послѣдніе дни своей жизни Игуменія Марія провела поистинѣ въ Господѣ и съ Господомъ; съ 15 по 27 января она почти ежедневно пріобщалась св. Таинъ; 22 января съ полнымъ вниманіемъ выслушала канонъ на исходъ души изъ тѣла. Глубоко и искренно почитая святительскій санъ, покойная желала получить отъ нашихъ Костромскихъ Архипастырей благословеніе на исходъ въ жизнь загробную. Господь ее сподобилъ получить это утѣшеніе. А за три дня до смерти, мать игуменія получила въ благословеніе отъ Высокопреосвященнаго архіепископа Литовскаго Алексія письмо и св. икону великомученика Пантелеимона, которую она приняла съ великимъ утѣшеніемъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней совершилось прощаніе умирающей матери съ своими дѣтьми. Многимъ монахинямъ преподано было отъ умирающей наставленіе, соотвѣтствующее ихъ духовному устроенію и монастырскому послушанію. Вотъ,

напр., что было сказано ею одной монахинѣ-пѣвчей: «буди на тебѣ отъ меня Божіе благословеніе на вѣки; славословь Господа чистымъ сердцемъ и въ духѣ смиренія и кротости; благодарю тебя за усердное стараніе къ своему послушанію; въ чемъ я тебя оскорбила—прости меня, и я тебя прощаю во всемъ. Прошу меня помянуть. Отца А. А. (живущаго въ Лаврѣ Препод. Сергія) поблагодари за усердную память о мнѣ, но не проси его болѣе продолжать молиться о моемъ выздоровленіи; я уже перехожу въ вѣчность; усердно прошу его помянуть меня. Господь тебя благословитъ.»

Въ такомъ же духѣ совершилось прощаніе умирающей и съ прочими сестрами. Назидательно также было прощаніе покойной съ монастырскимъ духовенствомъ, у котораго она просила молитвъ о себѣ. Многихъ мірянъ, какъ живущихъ въ г. Костромѣ и ей знакомыхъ, такъ и прибывшихъ къ ней нарочито изъ разныхъ мѣстъ Россіи, умирающая благословила св. иконами. Къ особенностямъ духовнаго настроенія во время предсмертной болѣзни игуменіи Маріи надобно отнести и то еще, что она просила монастырскаго священника въ теченіе послѣднихъ пяти дней жизни ея какъ можно чаще и обильнѣе окроплять ее св. Богоявленскою водой, выражаясь, что «она отъ этого окропленія св. водою, (которую она и вкушала) чувствуетъ нѣкое особенное благодатное освященіе души и тѣла». Въ послѣдній разъ умирающая пріобщилась св. тайнъ 27 января, вечеромъ въ пятницу. Затѣмъ въ субботу, 28 Января, въ 9 часовъ вечера, принявъ въ послѣдній разъ окропленіе св. водою, она просила вторично прочитать ей канонъ на исходъ души и потомъ заснула глубокимъ, тихимъ, безмятежнымъ сномъ, во время котораго мирно, безъ страданій и почила о Господѣ.

Тѣло почившей матери игуменіи было положено въ кипарисный гробъ, приготовленный ею еще при жизни, и погребено 31 января.

АГАПИТЪ,

въ мірѣ Петръ Ивановичъ Введенскій, воспитанникъ Владимірской семинаріи, по окончаніи семинарскаго курса поступилъ въ 1824 году въ Московскую Духовную Академію. Въ 1828 году, окончивъ курсъ, получилъ степень магистра и назначенъ инспекторомъ Владимірской семинаріи. Ко времени служенія его въ сей должности относится слѣдующій отзывъ объ немъ епископа Владимірскаго Парѳенія въ письмѣ къ митрополиту Серафиму: «инспекторъ нашъ—рабъ Божій, воистину израильтянинъ, младенецъ по чувствамъ въ новой духовной жизни». О. Агапитъ неохотно поступилъ въ ученую службу, какъ видно изъ донесенія митрополита Филарета коммиссіи духовныхъ училищъ: «нынѣ окончившійся курсъ не скуденъ монашествующими, въ коихъ при добрыхъ успѣхахъ примѣчается сообразное званію расположеніе духа: іеродіаконъ Агапитъ (Введенскій) изъявлялъ желаніе быть уволеннымъ отъ обязанности служить при училищѣ, дабы посвятить себя исключительно монашеской жизни; впрочемъ по долгу послушанія предалъ себя въ распоряженіе начальства». Въ 1834 году о. Агапитъ опредѣленъ ректоромъ Виѳанской семинаріи и произведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1842 году по прошенію уволенъ во ввѣренный его управленію Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Съ 1851 года состоялъ настоятелемъ Московскаго Новоспасскаго монастыря и былъ членомъ Московской Синодальной конторы.

Сказавъ нѣсколько словъ о службѣ от. Агапита, перейдемъ къ нравственнымъ его качествамъ и подвигамъ. Вскорѣ послѣ постриженія, новоначальный монахъ оправдалъ своею жизнію отзывы о немъ обоихъ архипастырей. Сдѣлавшись настоятелемъ монастыря, онъ не имѣлъ особаго стола, а довольствовался пищею братской трапезы. Строгій къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ подчиненнымъ. Однажды въ Новоспасскомъ монастырѣ онъ заперъ на замокъ пьянаго послушника; тотъ, какъ-то освободившись изъ затвора, встрѣтилъ настоятеля посреди монастыря и нанесъ ему побои.

О. Агапитъ, смиренно вытерпѣвъ оскорбленіе, не жаловался по начальству и ограничился увольненіемъ виновнаго изъ монастыря. Но дѣло, происшедшее при народѣ, огласилось и доведено жандармами до свѣдѣнія Императора Николая. По волѣ Государя оскорбитель архимандрита подвергнутъ военному суду и приговоренъ къ прогнанію сквозь строй. Экзекуція совершена передъ воротами Новоспасскаго монастыря. Преступникъ выдержалъ благополучно 600 палочныхъ ударовъ. Этотъ случай не уменьшилъ строгости о. Агапита къ самому себѣ и подчиненнымъ ему лицамъ. Съ неутомимою ревностію преслѣдовалъ онъ пороки подчиненныхъ. Бывало нерѣдко позднимъ вечеромъ посѣщалъ онъ кельи братскія и слѣдилъ тщательно, кто чѣмъ занимается внѣ храма. Боже упаси, кого найдетъ въ нетрезвомъ видѣ или за чтеніемъ свѣтскихъ книгъ легкаго содержанія. Подобныя книги тутъ же предавались огню, а остатки хмѣльнаго напитка выливались на полъ и самая посуда разбивалась въ дребезги. Это судъ на первый разъ, а вторично замѣченный въ винопитіи или разсѣянности не могъ долѣе оставаться въ обители. Когда онъ были инспекторомъ Владимірской семинаріи, по той же ревности къ благочестію и къ нравственному порядку, въ ночное время, несмотря ни на грязь, ни на дождь, ни на темноту осеннюю ходилъ онъ со старшимъ по квартирамъ семинарскимъ и строго наблюдалъ за нравственностію воспитанниковъ. Шалуновъ и лѣнивцевъ терпѣть не могъ, а благонравныхъ и прилежныхъ любилъ, какъ дѣтей родныхъ и не жалѣлъ для нихъ ничего.

Подвижничество о. Агапита было замѣчательно. Во всю жизнь онъ былъ чистый аскетъ. Въ лѣтахъ своей юности, привыкнувъ у бѣдныхъ родителей жать, косить, молотить, рубить дрова, о. Агапитъ и въ санѣ архимандрита Іосифова монастыря часто занимался черными работами. Въ грубомъ одѣяніи, въ простыхъ рукавицахъ, какъ Серафимъ Саровскій, съ топоромъ въ рукахъ отправлялся онъ въ монастырскій дремучій лѣсъ и, благодаря отъ природы крѣпкому своему тѣлосложенію, цѣлые дни проводилъ тамъ въ трудахъ и то-

мящую его плоть томилъ до нельзя. Въ Новоспасскомъ обширномъ саду его видали на покосѣ съ граблями въ рукахъ, а въ кельѣ съ иголкою и сапожнымъ шиломъ. Одежду и сапоги, а равно поношенныя ризы и стихари, онъ всегда починялъ самъ. По свидѣтельству келейника его, монаха Даніила, послужившаго о. Агапиту около шести лѣтъ, въ кельѣ послѣдняго нашлись по кончинѣ его желѣзныя вериги въ 14 фунтовъ. Говорятъ, что въ лѣтахъ мужества о. Агапитъ, смиряя плоть свою, носилъ ихъ тайно и такъ долго, что онѣ вросли въ тѣло его, и на нихъ сохранились слѣды крови.

Архимандритъ - подвижникъ отличался также постничествомъ. Онъ не употреблялъ никогда ни чаю ни бѣлаго хлаба иначе, какъ съ гостями. Обѣдалъ всегда вмѣстѣ съ братіею, которая не начинала безъ него своей строгой трапезы, да и то однажды въ сутки. Въ первую и страстную седмицы Великаго поста совсѣмъ не являлся въ трапезу, да и въ кельѣ лишь вечеромъ позволялъ себѣ подкрѣпиться кускомъ хлѣба съ водою, да и то не каждый день. Вина во всю жизнь не пилъ.

Отличительными чертами нравственной жизни о. Агапита были нестяжательность и благотворительность. Какъ настоятель богатыхъ монастырей: Боголюбскаго (близъ Владиміра), Волоколамскаго и наконецъ Новоспасскаго, покойный располагалъ обильными средствами. Почти всѣ они шли на дѣла благотворенія; онъ помогалъ погорѣвшимъ, сиротамъ и всѣмъ несчастнымъ, особенно тѣмъ, которыхъ зналъ какъ трезвыхъ и благонравныхъ. Значительный капиталъ употребленъ имъ на покупку во Владимірѣ огромнаго дома съ большимъ садомъ для сиротъ, обучавшихся въ семинаріи и впослѣдствіи на прекрасное росписаніе огромнаго собора въ Іосифовомъ монастырѣ. Послѣдніе годы жизни онъ, живя въ Новоспасскомъ монастырѣ, истратилъ много денегъ на помощь миссіямъ, на постройку церквей въ западномъ краѣ, передалъ много денегъ попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія. Все это онъ сдѣлалъ тайно, отъ имени неизвѣстнаго,

чрезъ посредство митроп. Филарета. Также много помогалъ онъ бѣднымъ роднымъ, которыхъ у него было очень много. Не мало денегъ, ему достававшихся при раздѣлѣ братской кружки, любилъ онъ раздавать монахамъ въ награду за исправное и усердное прохожденіе возложенныхъ на нихъ послушаній, а ровно и бѣднымъ послушникамъ, въ добавокъ къ малому ихъ жалованью. Впослѣдствіи, по кончинѣ настоятеля одной изъ богатѣйшихъ обители осталось лишь нѣсколько рублей.

Чистый сердцемъ, какъ младенецъ, о. Агапитъ очень любилъ дѣтей. Зная его съ 1826 года, когда онъ еще не былъ постриженъ, но отказался уже отъ мясной пищи и приходилъ обѣдать къ моимъ пріятелямъ студентамъ—монахамъ V курса, я возобновилъ это знакомство, когда онъ сдѣлался архимандритомъ Новоспасскимъ. Однажды онъ спросилъ меня: «есть ли у васъ дѣти?» и просилъ привезти ихъ къ себѣ въ гости; «я люблю дѣтей, прибавилъ онъ; въ этомъ возрастѣ они чище, ближе насъ грѣшныхъ ко Христу». Послѣ того, въ одинъ лѣтній день я повезъ къ нему двухъ своихъ мальчиковъ. О. Агапитъ былъ очень радъ гостямъ; повелъ ихъ въ церковь и въ монастырскій садъ, а между тѣмъ появился чай и всевозможныя лакомства, которыя были уничтожены моими мальчуганами, пока я бесѣдовалъ съ хозяиномъ.

Была еще одна черта въ о. Агапитѣ, которую многіе считали за недостатокъ. Это была простота жизни и обращенія съ людьми, невниманіе къ наружности, доходившія до неблаговидности. Въ кабинетѣ его двойныя рамы никогда не выставлялись; диванъ, на которомъ онъ спалъ всегда въ худомъ подрясникѣ и сапогахъ, безъ всякой подстилки, когда, то обтянутый дешевымъ ситцемъ, былъ самый жесткій и ветхій. О. Агапитъ не только не заботился о чистотѣ спальни и половъ ея, но и самъ цѣлый вѣкъ не мылся въ банѣ—только изрѣдка перемѣнялъ бѣлье. Шелковой рясы или подряснika цѣннаго не видывалъ на немъ; онъ и лѣтомъ, и зимой ходилъ въ одномъ холодномъ, дешевомъ подрясникѣ и

лѣтней убогой, камлотовой рясѣ. Лѣтомъ ходилъ въ простыхъ, крестьянскихъ, сапогахъ, а зимою въ валенкахъ. Уѣзжая въ контору Св. Синода для присутствія, или въ Успенскій соборъ для служенія, онъ одѣвался въ рясу получше, да и то не шелковую. Эта черта его характера была извѣстна и начальству. Приснопамятный митрополитъ Филаретъ въ 1850 году писалъ къ архіепископу Казанскому Григорію: «изъ моихъ могъ бы я представить (на вакансію настоятеля Московскаго Донскаго монастыря) Агапита, Іосифовскаго архимандрита, бывшаго Виѳанскаго ректора: но онъ не обѣщаетъ быть довольно благовиднымъ въ обращеніи съ знатными посѣтителями Донскаго, которые многочисленны ради монастыря и ради кладбища въ немъ».

О. Агапитъ скончался 28 мая 1877 года и погребенъ подъ соборною церковью Новоспасскаго монастыря.

ЕВГЕНІЙ,

въ мірѣ Макарій Сахаровъ, епископъ Симбирскій. Поступилъ изъ Костромской семинаріи въ Московскую Духовную академію въ 1834 году. Впродолженіе курса получилъ, какъ лучшій изъ студентовъ во всѣхъ отношеніяхъ, стипендію митрополита Платона, съ присоединеніемъ къ его фамиліи прозванія Платонова. Окончивъ курсъ первымъ магистромъ, онъ принялъ постриженіе и оставленъ былъ при Академіи на каѳедрѣ герменевтики и библейской археологіи. Въ 1841 году ему поручено было преподаваніе только что введеннаго тогда въ академіи предмета,—патристики; а потомъ онъ перемѣщенъ былъ на классъ чтенія св. Писанія, что продолжалось до 1847 года. Но, несмотря на то, что и нѣсколько разнообразныхъ предметовъ въ столь короткое сравнительно время приходилось читать молодому ученому иноку, и одинъ изъ этихъ предметовъ былъ совершенно новый въ то время, онъ, при своихъ высокихъ умственныхъ дарованіяхъ, вполнѣ и скоро овладѣлъ ими. Плодами занятій

его служатъ прекрасныя и основательныя его статьи (исчисленныя въ «Исторіи Моск. Дух. Академіи» С. К. Смирнова).

Въ началѣ 1842 года настояла потребность въ достойномъ и способномъ человѣкѣ для Константинопольской миссіи, и бывшій тогда оберъ-прокуроромъ Сунода графъ Протасовъ намѣтилъ было для этой цѣли о. Евгенія. Въ то время митрополитъ былъ въ Петербургѣ, былъ здѣсь также только что назначенный изъ ректоровъ Московской академіи во епископа Рижскаго—Филаретъ Гумилевскій. Оба они съ трудомъ отстояли о. Евгенія, съ убѣдительностію представляя графу, насколько необходимъ о. Евгеній для самой академіи. «На слова митрополита—писалъ по этому поводу Филаретъ Гумилевскій къ своему другу А. В. Горскому отъ 6 марта 1842 года,—что о. Евгеній нуженъ для академіи, которая недавно лишилась нѣсколькихъ наставниковъ, графъ сказалъ: «Академія желаетъ его удержать у себя потому только, что онъ свой. Митрополитъ отвѣчалъ: нѣтъ, по милости Божіей, академія бережетъ только свое благосостояніе, а не такъ, какъ у васъ дѣлается нынѣ, по просьбамъ опредѣляютъ людей.—Много монаховъ ученыхъ.—Много, но не много способныхъ. Не въ каждомъ курсѣ идутъ въ монашество люди съ одинаковыми дарованіями, а потому не каждаго монаха можно рекомендовать для академіи». Пять лѣтъ спустя, когда возникъ вопросъ о томъ, кого опредѣлить на должность ректора Московской Духовной Академіи, митрополитъ Филаретъ писалъ къ оберъ-прокурору Св. Синода: «архимандритъ Алексій Ржаницынъ отличается способностями болѣе живыми, скоростью и многообъемлемостію соображеній въ дѣлахъ и довольно разнообразною опытностью, тогда какъ архимандритъ Евгеній, правда, «ближе знаетъ академію, но дѣйствуя въ управленіи какъ второе, а не начальствующее лице, не представляетъ довольно очевидныхъ, опытовъ самостоятельнаго дѣйствованія». Въ силу такого отзыва ректоромъ академіи назначенъ былъ Алексій, а Евгеній, въ видахъ большаго упражненія въ самостоятельномъ дѣйствованіи по административной части, назначенъ былъ ректоромъ Виѳанской

духовной семинаріи, изъ которой потомъ переведенъ на ту же должность въ Московскую семинарію, гдѣ еще ближе узналъ его Филаретъ.

Въ 1860 году возникло предположеніе назначить Евгенія ректоромъ Казанской Духовной Академіи. По этому поводу Филаретъ писалъ къ другу своему, архіепископу Казанскому Григорію: «Ректоръ Московской семинаріи Евгеній, человѣкъ честный и добрый, основательный въ познаніяхъ, тихаго характера и голоса. Для своихъ хорошъ; не блистателенъ для внѣшнихъ. Впрочемъ, думаю, что честность и разсудительность его безъ васъ *) сохранитъ его отъ затрудненія. Мнѣ желательно было бы, чтобы онъ продолжалъ службу у насъ, тѣмъ паче, что теперь только вступилъ въ должность новый инспекторъ; но если ректору открывается путь къ высшему довѣрію начальства, да будетъ то, что служитъ къ общей пользѣ, и ему можетъ быть полезно для дальнѣйшей службы. Только если возьмете его: будьте милостивы къ нему что не всегда случается со взимаемыми отъ насъ... Говорятъ, Казанская Академія устроена и устрояется по особому направленію духовно-учебнаго управленія (т. е. управленію, данному оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ), и ректоръ долженъ быть съ онымъ въ особенно близкомъ отношеніи. Здѣшній ректоръ, жившій въ глуши въ простотѣ, едва-ли удовлетворитъ сему, имѣя при томъ не сильный характеръ. Между тѣмъ здѣшняя академія, которая очень желала его имѣть ректоромъ еще тогда, когда я избралъ Алексія, и теперь желала бы сохранить его здѣсь, на случай преемничества Алексію, что и я признаю весьма достойнымъ вниманія, потому что другіе здѣшніе не готовы къ такому назначенію, тѣмъ паче, что академія, имѣя нѣсколько профессоровъ очень заслуженныхъ, и по сему требуетъ ректора не очень молодаго.»

Затѣмъ въ августѣ 1853 г., какъ только открылась должность ректора въ Московской Академіи, первымъ кандидатомъ

*) Григорій присутствовалъ тогда въ Св. Синодѣ.

на нее Филаретъ представилъ о. Евгенія. Такъ и сдѣлано было, какъ представлялъ Филаретъ.

Въ бытность свою ректоромъ, какъ и раньше инспекторомъ академіи, о. Евгеній отличался добрыми качествами ума и сердца, за которыя его любили и не могли не любить и не уважать всѣ. Въ академіи хранятся живыя преданія о глубокомъ его умѣ, разсудительности, крайней осторожности и т. п., и о величайшей добротѣ, милосердіи къ нищимъ, о дивномъ его смиреніи, о строго аскетическомъ образѣ жизни и т. д. Его отношеніе къ подчиненнымъ и студентамъ было основано на строгихъ началахъ справедливости и вмѣстѣ отеческой любви.

Въ октябрѣ 1857 г. состоялось назначеніе Евгенія во епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго. Случилось мнѣ, знакомому съ о. Евгеніемъ еще въ самомъ началѣ его студенчества, проѣзжая изъ деревни въ Москву, остановиться въ Сергіевскомъ Посадѣ въ то время, когда бывшій ректоръ академіи отправлялся къ мѣсту своего новаго служенія— въ Москву, и я былъ не только личнымъ свидѣтелемъ, но и участникомъ этихъ проводовъ, въ которыхъ собралось почти все общество наставниковъ академіи съ искреннимъ выраженіемъ любви, благодарности и сожалѣнія о потерѣ достойнаго начальника.

Не болѣе года пробылъ преосвященный Евгеній московскимъ викаріемъ, какъ получилъ самостоятельную каѳедру въ Симбирскѣ. Здѣсь, въ продолженіе 16-тилѣтняго управленія Симбирской епархіей, Евгеній явилъ собою по истинѣ, примѣръ высокаго смиренія и нищеты, какъ духовной, такъ и тѣлесной, соединенной съ величайшимъ милосердіемъ къ нищимъ, благодаря чему, несмотря на довольно значительные доходы отъ епархіи, у него никогда не бывало сбереженій.

Надобно замѣтить, что, при высокомъ устроеніи своего духа Евгеній не чувствовалъ себя сильнымъ администраторомъ и былъ преимущественно кабинетнымъ труженикомъ. Поступавшія къ нему бумаги онъ просматривалъ, правда, не довольно скоро, но весьма внимательно, и поэтому всѣ

резолюціи его запечатлѣны обдуманностію и дальновидностію. Вообще же его управленіе епархіею было весьма полезно для паствы. Онъ твердо стоялъ за благо духовенства и, испытавъ на себѣ невзгоды бѣдности и сиротства, особенно заботился объ участи вдовъ и сиротъ дѣтей духовенства, оказывая имъ помощь какъ изъ средствъ епархіи, такъ и изъ собственныхъ. Евгеній поучалъ свою паству не столько словомъ, сколько примѣромъ своей благочестивой жизни. Это былъ по истинѣ свѣтильникъ добродѣтелей, съ высоты свѣтившій многочисленной паствѣ. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени набожный и смиренный, проводилъ жизнь уединеннаго подвижника, искренно любилъ дѣтей, что и обнаруживалъ прежде всего въ заботахъ о своихъ пѣвчихъ-мальчикахъ, за которыми слѣдилъ самъ и для которыхъ держалъ даже особаго учителя.

Слабое его здоровье между тѣмъ давало себя знать, и множество дѣлъ по управленію епархіей стало сильно утомлять его, особенно при вышесказанномъ настроеніи его духа. Все это побуждало его оставить епархіальную службу и просить увольненія на покой, и 7 декабря 1874 г., согласно прошенію, онъ уволенъ былъ отъ управленія епархіей. Для жительства ему предоставляли Сызранскій Вознесенскій первоклассный монастырь; но онъ не воспользовался этимъ предложеніемъ и предпочелъ остаться въ приписномъ къ архіерейскому дому Симбирскомъ Покровскомъ монастырѣ. Выборъ этого мѣста объясняется любовію преосв. Евгенія къ бывшей его паствѣ и отсутствіемъ у него стремленія къ какимъ бы то ни было удобствамъ жизни. Въ бѣдной Покровской обители преосвященный занималъ небольшое помѣщеніе изъ двухъ комнатъ, въ общемъ братскомъ корпусѣ. Прямо предъ окнами кельи, гдѣ прожилъ онъ почти 14 лѣтъ, возвышается монастырская церковь, на которую и были обращены его молитвенные взоры. Во все это время онъ велъ жизнь строгаго аскета, отказывая себѣ часто даже въ необходимомъ и употребляя въ весьма маломъ количествѣ самую простую пищу.

Будучи еще въ силахъ, преосв Евгеній часто посѣщалъ церковныя службы и колѣнопреклоненный молился въ алтарѣ. У себя въ кельѣ большую часть времени онъ также молился, причемъ утреннія и вечернія молитвы не читалъ, а пѣлъ; ходя по комнатѣ, постоянно повторялъ слова: «Господи помилуй».

Въ послѣднее время онъ наложилъ на себя какъ бы обѣтъ молчанія, и хотя изрѣдка принималъ приходившихъ за совѣтомъ къ нему, но мало разговаривалъ; затѣмъ пересталъ совсѣмъ принимать къ себѣ и отдался весь самосозерцанію,

Жизнь преосвященнаго угасала медленно. За нѣсколько дней до смерти у него отнялась правая сторона тѣла, отчасти и языкъ. Послѣднюю ночь на 26 іюня 1888 г. онъ долго молился и предъ иконами, и на церковь; рано утромъ умылся, надѣлъ чистое бѣлье и, принявъ богоявленской воды, съ молитвой на устахъ легъ на койку своего прислужника; когда же силы стали ослабѣвать, онъ попросилъ позвать священника и, по прочтеніи отходной, сдѣлалъ нѣсколько вздоховъ и тихо скончался. На другой день тѣло его было перенесено съ крестнымъ ходомъ отъ всѣхъ церквей Симбирска въ лѣтній каѳедральный соборъ, куда безпрерывно входили на поклоненіе люди всѣхъ сословій. Погребеніе происходило 29 іюня при участіи всего города и множества народа не только изъ окрестныхъ, но и изъ дальнихъ селеній.

ТРОИЦКІЙ

Иванъ Дмитріевичъ. Воспитанникъ Ярославской семинаріи, студентъ Московской Духовной Академіи съ 1826 года, магистръ богословія и профессоръ словесности Ярославской семинаріи 1830, а съ 1835 года законоучитель Демидовска-

го лицея. Со мною онъ познакомился, еще будучи студентомъ, какъ и многіе изъ его товарищей, и я полюбилъ его, какъ молодаго человѣка нецеремоннаго и ласковаго.

Оставивъ службу при лицеѣ въ 1866 году, а при семинаріи еще ранѣе, съ выслуженною пенсіею, онъ занялъ мѣсто настоятеля церкви и преподавателя Закона Божія въ Ярославскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Здѣсь онъ нашелъ начальницею заведенія пожилую дѣвицу Елисавету Павловну Шипову, одаренную особенными способностями къ педагогіи, и подъ ея руководствомъ Иванъ Дмитріевичъ самъ сдѣлался отличнымъ педагогомъ. Какъ членъ губернскаго статистическаго комитета, протоіерей Троицкій много потрудился по исторіи мѣстнаго края. Изъ напечатаннаго имъ извѣстны: Ростовскій Бѣлогостицкій монастырь, Исторія Мологской страны, княжествъ въ ней бывшихъ и города Мологи, Исторія Бѣлозерско-Пошехонской страны и города Пошехонья, Историческій очеркъ города Любима, Исторія города Романо-Борисоглѣбска и его уѣзда, Историческій очеркъ города Рыбинска. Кромѣ того сохранилось нѣсколько поучительныхъ словъ и надгробныхъ ярославскимъ архіепископамъ—Аврааму и Нилу. Но главными трудами И. Д., заслужившими общую извѣстность, были: Исторія губернскаго города Ярославля, составленная ко дню празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Демидовскаго лицея и Церковно-историческое и статистическое описаніе Ярославской епархіи, написанное по порученію Св. Синода.

При нерѣдкихъ проѣздахъ моихъ чрезъ гор Ярославль я каждый разъ посѣщалъ И. Д., былъ всегда ласково принятъ, и нѣсколько разъ бывалъ вмѣстѣ съ нимъ въ саду училища для дѣвицъ духовнаго званія, слышалъ стройное ихъ пѣніе и любовался обращеніемъ съ ними почтеннаго протоіерея-законоучителя. Онъ былъ между своими ученицами, какъ отецъ между дѣтьми, и всѣ онѣ любили его, какъ отца. Заслуги И. Д. были лично извѣстны покойной Императрицѣ Маріи Александровнѣ, и онъ получилъ въ 1866 году наперсный крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями.

Вскорѣ по полученіи этой лестной награды о. протоіерей Троицкій, чувствуя ослабленіе силъ и старческія немощи, оставилъ службу и переѣхалъ на жительство къ сыну, состоявшему на службѣ въ Петербургѣ. Говорятъ, что прощаніе его съ воспитанницами было весьма трогательно: онѣ плакали и рыдали неутѣшно, и самъ старецъ прослезился. Онъ скончался 11 февраля 1878 года и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр

Авель, монахъ прозванный „прорицателемъ“ 81
Ахлебаевъ, престарѣлый, бездѣтный премiеръ-майоръ 93
Антоній, (въ мірѣ Яковъ Амфитеатровъ) 112
Агнія, игуменья 128
Агапитъ, въ мірѣ Петръ Ивановичъ Введенскій 178
Бабушки-Сумароковы, Анна, Елисавета и Аграфена 34
Богдановъ, Михаилъ Гавриловичъ 164
Волконскій, князь Владиміръ Михайловичъ 47
Владиміръ Петровъ, дворовый человѣкъ 88
Вяземскій, князь Василій Васильевичъ 135
Головинъ, Николай Александровичъ 101
Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ 126
Головины, Павелъ Васильевичъ и Гавріилъ Павловичъ ... 153
Долгоруковъ, князь Юрій Владиміровичъ 37
Діевъ, Михаилъ Яковлевичъ 120
Евгенія, игуменія 40
Евгеній, архіепископъ Ярославскій 133
Ефремовъ, Лука Васильевичъ 144
Евгеній, въ мірѣ Макарій Сахаровъ 182
Исидоръ, митрополитъ Новгородскій 98
Іосифъ, (Сѣмашко) митрополитъ Литовскій 111
Іоаннъ Борисовичъ, Елецкій священникъ 166
Кольрейфъ, Павелъ Ивановичъ 59
Кудрявцевъ-Платоновъ, Викторъ Димитріевичъ 75
Кудрявцева, Капитолина Васильевна 78
Каменская, графиня Анна Павловна 79
Константинъ Николаевичъ, Великій князь 84
Казанскій, Петръ Симоновичъ 109
Лунгренъ, Каролина 92
Лѣствицынъ, Вадимъ Ивановичъ 132

Стр.

Мавринія, игуменья Горицкаго монастыря..... 18
Муравьевъ, графъ Михаилъ Николаевичъ..... 29
Мудровъ, Матѳій Яковлевичъ..... 157
Марія, въ мірѣ Софія Давыдова..... 172
Нифонтъ, Архимандритъ..... 94
Ольга Николаевна, королева Виртембергская..... 139
Платонъ, митропотитъ Кіевскій..... 65
Поздѣевъ, Алексѣй Осиповичъ..... 109
Редстокъ, Шотландскій лордъ..... 49
Рябчиковъ, Александръ Ѳедоровичъ..... 90
Рикордъ, Петръ Ивановичъ..... 122
Сокологорскій Константинъ Ивановичъ..... 57
Сергіевскій, Александръ Родіоновичъ..... 70
Солнцевъ, Ѳедоръ Григорьевичъ..... 127
Смирнова, Анна Петровна..... 137
Софронова, Татіана Ивановна..... 152
Толстая, графиня Елизавета Петровна..... 1
Толстая, графиня Анна Георгіевна..... 61
Троицкій, Иванъ Дмитріевичъ..... 187
Чиркинъ, Николай Семеновичъ..... 60
Чи́ги, (Chigy), Домъ Амброзіо..... 72
Энгельгардтъ, Владиміръ Егоровичъ..... 116

ИМПЕРАТОРСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ